
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 5 ЯНВАРЬ 1984



ФОТО НЕДЕЛИ

КАНДИДАТ В ДЕПУТАТЫ

Людмила Костина живет в Барнауле, она слесарь. Слесарь-сборщица механического цеха Алтайского производственного моторостроительного объединения имени XXV съезда КПСС. Людмила пришла в бригаду недавно, однако быстро освоила свою и смежные профессии, без отрыва от работы окончила техникум и стала механиком, профессионалом высокого класса и лидером в коллективе. Товарищи по работе избрали ее заместителем секретаря комсомольской организации цеха. В эти дни вместе со всем коллективом она включилась в борьбу за повышение производительности труда на один процент и снижение себестоимости продукции на полпроцента, что даст предприятию дополнительно к плану 1 миллион 400 тысяч рублей.

Недавно Людмила Николаевна Костина выдвинута кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

На снимке: Людмила Костина со своими товарищами по цеху Сергеем Егоровым и Ириной Шатановой.
Фото В. Садчикова, В. Сварцевича (ТАСС)





Фото А. БОЧИНИНА

«ТЫНДА—МОСКВА»

См. стр. 2.

Здравствуй, Москва! (Бригада проводников поезда № 13, в центре — начальник поезда Н. В. Цыцарев.)



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 5 (2950)

28 ЯНВАРЯ 1984

В НОМЕРЕ:

«ТЫНДА—МОСКВА»

Поезд № 13 словно праздник с собой вез. И на всем пути — 7525 километров! — встречали его празднично. Потому что это был первый поезд «Тында — Москва», сформированный в столице БАМа.

И вот теперь поезд приближался к перрону Ярославского вокзала. Подходил, казалось, с подчеркнутой степенностью — словно хорошо потрудившийся человек завершал большое и доброе дело.

Ваши корреспонденты заранее решили, что первый пассажир, который выйдет из вагона № 1, будет «наш» — «огоньковский». Так нам «достался» Александр Сергеевич Беспятченко, монтажник строительно-монтажного поезда № 585 треста «ЦентрБАМстрой». Да не один, с семьей.

— Что строю в Тынде? Дома... Сколько их возвел? Да разве сосчитать за восемь лет... Знаете что, давайте вернемся в вагон, там на стенах — фотографии нашего города... Видите? Красота-то какая. Вот что мы сделали!

Жена Александра Сергеевича — Ольга Васильевна, заведующая хозяйством того же треста. Семнадцатилетний сын Эдуард после восьмилетки пошел по пути родителей — стал строителем, плотником-бетонщиком. И, наконец, младшая Беспятченко — Оксана. Тоже строит железную дорогу. Правда, пока что в детском саду. Но зато Оксана — единственная в семье коренная жительница Тынды — там родилась.

— Мы могли бы и самолетом лететь. Но так хотелось поехать именно этим поездом. Даже отпуск на неделю отложили.

Как доехали? Замечательно,— продолжает Александр Сергеевич.— Обслуживание — лучшего не пожелаешь. Да разве может работать иначе бамовская бригада? Глядите, да вот и она идет.

Комсомольско-молодежная бригада проводников во главе с начальником поезда Николаем Васильевичем Цыцаревым весело шествовала по перрону. Если бы помещаемый здесь снимок бригады был сделан в Тынде перед отправлением поезда, девушки наверняка смотрелись бы совсем иначе. В зимней Тынде, как и положено, холодно.

— Было 39 градусов, когда уезжали,— говорит Николай Васильевич.— В Чите — 40, в Петровском Заводе — 42, в Улан-Удэ — 36, в Иркутске — 24. Девочки топили вовсю, работы вообще было много. Устали? Конечно. Ведь бригада новая, дорога для нее тоже новая. Одних станций почти 90! И пять с половиной суток в пути.

Три месяца назад они приехали с Украины. Не новички, там работали проводниками. Но, как правило, на трассах не более полутора тысяч километров. Эта же в пять раз длиннее. Разница и в работе существенная. Но прежде всего предстояло акклиматизироваться. И все это время готовились к рейсу.

— Шли четко, как часы,— смеется Таня Львова. (На снимке она шагает рядом с Николаем Васильевичем, держа его под руку.)

— Сравнение уместное вдвойне,— добавляет Николай Васильевич.— Во-первых, так оно и было. А во-вторых, Таня до того, как стать проводником, работала часовым мастером. Эту ее профессиональную закваску я неизменно чувствую.

Командир комсомольского отряда проводников Людмила Рокачинская говорит:

— Мы знаем, какую ответственность и нелегкий труд взяла на себя Тында. Но понимаем, насколько теперь легче будет Москве. Ведь только нас, проводников, на поездах Тында — Москва — Тында четыре бригады. Это сто человек, ведь по расписанию — два поезда в неделю. Что скрывать, есть у нашего депо пока свои трудности. Например, не хватает техники для подвозки угля, для мытья вагонов. Так ведь и сама Тында не сразу строилась. Все у нас будет.

Еще одна беседа. С машинистом первого класса Брониславом Анатольевичем Ждановичем, который вел состав на последнем участке Данилов — Москва:

— ...Некоторые могут подумать, что к нашему составу у диспетчеров было особое отношение, потому, мол, и шли минута в минуту. Нет, сейчас в нашем большом хозяйстве настают другие времена. Нарушение графика — ЧП.

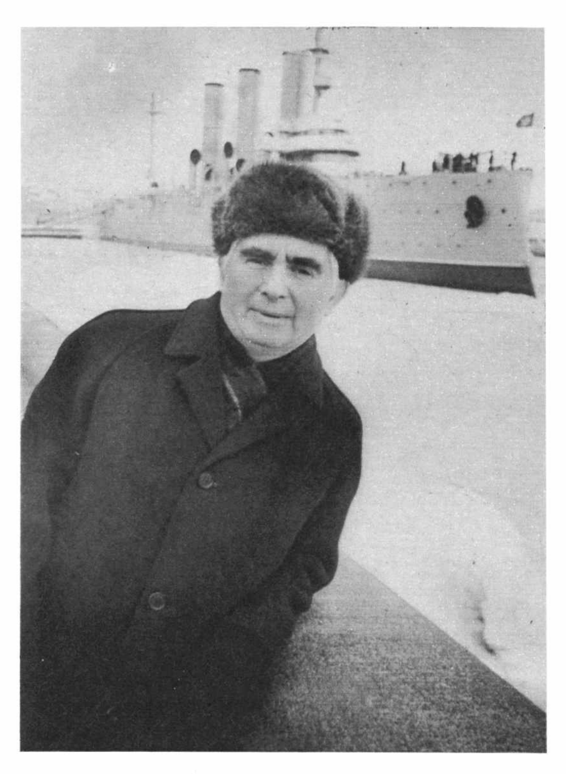
И последнее. Я попросил у Николая Васильевича Цыцарева книгу жалоб и предложений. Жалобы ни одной. Благодарностей — восемьдесят! Так что наша с вами, читатель, будет восемьдесят первая.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ



Они — из Тынды. Семья строителей Беспятченко.

И ВСЕ СОЛЬЕТСЯ В ЭТОМ СЛОВЕ



К. ГОВОРУШИН,
слесарь-сборщик производственного объединения «Кировский завод», Герой Социалистического Труда

Фото Ю. Щенникова

«Красный Петроград — колыбель пролетарской революции. Заслуги петроградских рабочих перед нашим Союзом Советских Социалистических Республик неизмеримо велики... Пусть отныне этот крупнейший центр пролетарской революции навсегда будет связан с именем величайшего из вождей пролетариата, Владимира Ильича Ульянова-Ленина».

Из постановления Второго съезда Советов СССР от 26 января 1924 года.

Люблю свой город... Уж сколько лет живу в нем, а сердце не перестает восторгаться неповторимым чудом его площадей, набережных, проспектов, как в юности волнует душу тихое волшебство белых ночей.

Мне довелось немало поездить по свету, видеть много прославленных столиц. И все же не встречал города, где человеческий гений проявил бы себя с такой силой и в камне зодчества, и в служении музам поэзии, искусства и наук.

Прекрасно его имя. Оно как пароль, открывающий сердца, ибо давно и навек связано с именем, делами и судьбой Владимира Ильича Ленина.

Около пяти с половиной лет провел он здесь. Тридцать лет разделяют даты первого и последнего приезда его на невские берега. Между ними — одна человеческая жизнь. И целая эпоха в истории человечества.

...Помню свой город, застывший от горя, траурную медь оркестров, пятьдесят три костра (по числу прожитых им лет) на площади Жертв революции.

Помню и светлую, щемящую гордость, когда узнал, что II Всесоюзный съезд Советов удовлетворил просьбу трудящихся Петрограда и 26 января 1924 года принял решение о присвоении городу имени Ленина.

Выступая на этом съезде от лица петроградских рабочих, краснопутиловец А. Н. Сергеев сказал: «Я думаю, каждый из нас знает, когда во время шторма ночью корабль застигнут бурей, он ищет во мгле ночи призывных предостерегающих огней пылающего маяка. Этим маяком среди бушующего моря, среди ночи был, звездами горел наш дорогой вождь — Ленин... Скорбя по невозвратной потере, весь рабочий класс мира говорит: «Да, умер Ильич, но не умерла его мысль, он оставил богатое наследство и достойных наследников Коммунистической партии».

Чувство глубочайшей любви, бесконечной преданности Ильичу народ перенес на созданную им партию — тысячи новых бойцов встали в ее ряды по велению сердца в ответ на Ленинский призыв в партию рабочих

от станка. Только за год, прошедший после смерти вождя, партийная организация Ленинграда увеличилась на 50 тысяч человек.

Ленинград... Новое, дорогое имя мы произносили с гордостью. И делами, всей жизнью своей доказывали, что достойны носить его, именоваться ленинградцами. Революция продолжалась в сфере экономики, воспитания у людей нового, коммунистического отношения к труду, и в авангарде этой революции вновь шли мои земляки.

Вся страна подхватила почин бригады коммуниста Ленинского призыва М. Е. Путина с «Красного выборжца», заключившей первый в истории договор на социалистическое соревнование. Около пяти тысяч посланцев города утверждало Советскую власть, создавая колхозы в Сибири, на Урале, на Волге и Дону — памятником их подвигу стала «Поднятая целина».

Ленинградцы первыми в стране наладили производство блюмингов, паровых турбин мощностью до 50 тысяч киловатт, линотипов, освоили массовое производство тракторов. С берегов Невы уезжали первые учителя в далекие стойбища малых народностей Севера, здесь были сделаны открытия, во многом определившие судьбу целых отраслей науки и техники.

И в час суровых испытаний, обрушившихся на Отчизну, город совершил подвиг, равного которому не знает история.

«Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта... Предложено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и беспрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей...»

Это выдержка из секретной директивы немецкого военно-морского штаба «О будущности города Петербурга», перевод которой представлен в музее Пискаревского кладбища.

«Пунктуальность» фашистов в исполнении этого чудовищного приказа мне довелось испытать на себе. 4680 снарядов, 770 зажигательных бомб обрушил враг на мой родной Кировский завод. 139 человек были убиты на своих рабочих местах, 788 ранены, 2500 умерли от истощения...

Мне повезло — выжил и даже не был ранен. Выстоял, выжил и мой израненный город, о подвиге которого так точно сказала Вера Инбер:

И ежели отныне захотят,
Найдя слова с понятиями вровень,
Сказать о пролитой бесценной крови,
О мужестве, проверенном стократ,
О доблести, то скажут — Ленинград,—
И все сольется в этом слове.

Четыре ордена и медаль «Золотая Звезда» на знамени города-героя. Ими отмечены заслуги питерского пролетариата в революционном движении, разгроме интервентов и белогвардейцев; мужество, бесстрашие и стойкость, проявленные ленинградцами в Великой Отечественной войне; успехи, достигнутые ими в развитии промышленности и культуры, в строительстве коммунизма.

На моих глазах рос, хорошел город... Подумать только — почти шесть дореволюционных Петербургов поместилось бы на территории, занимаемой им ныне. Сколько зелени, света, простора в его новых кварталах! Сколько силы, энергии в стальных мускулах его новых, обновленных предприятий.

Помните, всего о ста тысячах тракторов для крестьянских полей мечтал когда-то Владимир Ильич. Мое воображение потрясала мощь 20-сильных «Фордзонов — Путиловцев», прокатиться на котором считал за счастье каждый мальчишка нашей рабочей окраины. А сейчас нашим объединением выпущено уже более 250 тысяч «Кировцев», и каждый из них вобрал силу примерно пятнадцати «Фордзонов». Скоро на поля выйдут еще более могучие, надежные машины.

Верно служит своей стране Ленинград. На завершившейся недавно областной партийной конференции, в частности, отмечалось, что лишь за период с января 1981 года ленинградцами спущен на воду новый атомный ледокол «Россия» и сданы десятки других судов. Создано более семисот и освоено в производстве свыше пяти тысяч современных видов машин, приборов, материалов и товаров для населения. Среди них — турбогенератор с полным водяным охлаждением мощностью 800 мегаватт и криогенный генератор; комплект уникального оборудования мощностью 1,5 миллиона киловатт для Игналинской АЭС; насос-турбина для гидроаккумулирующей станции; газоперекачивающие агрегаты ГТН-25; новые высокоточные станки с программным управлением; установки для лазерной и плазменной обработки металла; робототехнологический комплекс для дуговой сварки и многое другое.

Это — достойный подарок юбилею.

Это — наш ленинградский вклад в осуществление мечты Владимира Ильича Ленина.



КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

РИТОРИКА И ДЕЛА

Владимир **НИКОЛАЕВ**

Глава американской администрации выступил по телевидению с речью о советско-американских отношениях. Вчитываюсь в ее текст и думаю вот о чем: можно было бы удивляться попытке президента перевоплотиться из ястреба в голубя, если бы мы уже хорошо не узнали Рейгана как политика. Это, увы, не первая его метаморфоза. Вспомним избирательную кампанию 1980 года, в ходе которой он проявил себя врагом разрядки и трубадуром гонки вооружений. По мере приближения дня выборов нарастало беспокойство избирателей, опросы общественного мнения свидетельствовали, что американцы напуганы угрозой ядерной войны. И вот в самый канун выборов Рейган сменил свою заигранную пластинку и высказался в пользу мира и разоружения. В то время я находился в США и видел, что его неожиданный вольт произвел там немалое впечатление. Многие обозреватели считают, что этот демагогический ход помог ему тогда войти в Белый дом.

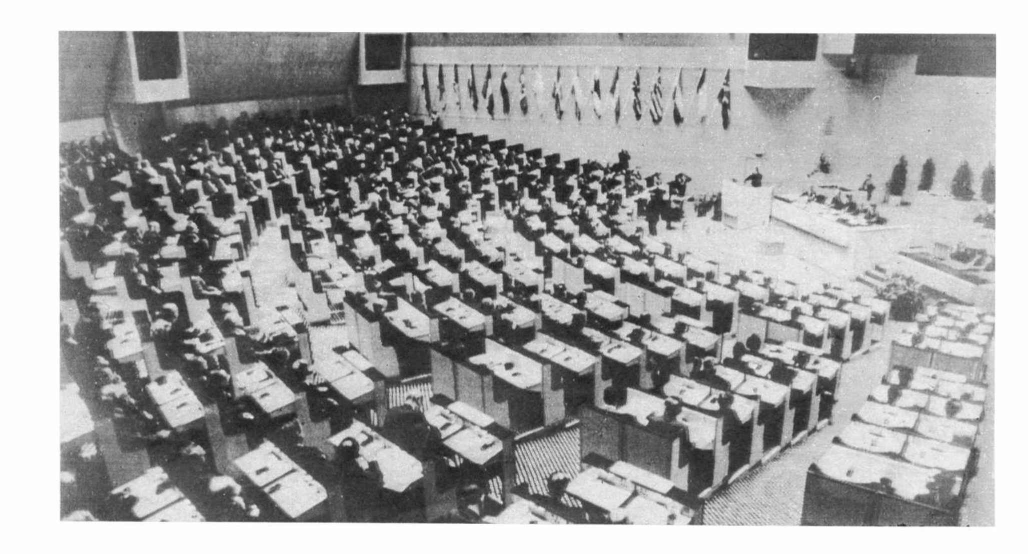
Снова в Соединенных Штатах идет избирательная кампания, и снова мы услышали вроде бы не того Рейгана, к которому уже привыкли за три года его правления. Но у нас есть все основания сомневаться в том, что он вдруг переменился. И не только мы, советские люди, выражаем такие сомнения. И в самих Соединенных Штатах и в других странах его речь вызвала многочисленные отрицательные отклики. Даже американские средства информации подчеркивают, что Рейган хотя и занял на словах более мягкую позицию в отношении Советского Союза, тем не менее не предложил никаких новых идей о том, как улучшить отношения между США и СССР. При этом обращается внимание и на то, что президент выступил со своей речью после публикации результатов нескольких опросов общественного мнения, свидетельствующих, что американцы обеспокоены его внешнеполитическим курсом. Многие обозреватели считают, что его речь представляет собой попытку улучшить отношения с избирателями, привлечь на свою сторону их голоса. Американский журнал «Ньюсуик» отмечает: «Рейган решил, что сильно выиграет и почти ничего не проиграет, если протянет руку противникам, которых раньше называл «средоточием зла в современном мире».

А вот как оценивают ту же речь в других странах: «Она не внесла ничего нового в американскую позицию» («Либерасьон», Париж), «В выступлении Рейгана не содержалось никаких новых предложений» («Дейли мейл», Лондон), «В речи Рейгана нет ничего такого, что привело бы к конструктивному прогрессу в отношениях между Москвой и Вашингтоном» («Франкфуртер рундшау», Франкфурт-на-Майне), «Американский президент по-прежнему исходит из «позиции силы» («Асахи», Токио).

Американская телекомпания Си-би-эс так анализирует некоторые немаловажные аспекты выступления президента: «Речь Рейгана нацелена на то, чтобы успокоить общественность в связи с создавшимся (по вине США.— **В. Н.**) тупиком на переговорах по разоружению. Это было одно из наиболее спокойных выступлений президента по вопросу об отношениях с Советским Союзом. Однако это скорее относится к тону, нежели к содержанию. Сотрудники Белого дома утверждают, что теперь, когда США имеют в своем арсенале бомбардировщики «В-1», систему «Трайдент-2», ракеты «МХ» и приступили к размещению ракет «Першинг-2» на европейской территории, президент располагает более широкой возможностью для политического маневра. Однако те, кто придерживается критической точки зрения, считают, что речь президента была предназначена больше для американского избирателя, нежели для Москвы».

Как известно, переговоры в Женеве были превращены Соединенными Штатами в ширму для прикрытия своих планов любой ценой разместить в Западной Европе ядерное оружие первого удара. Приступив к фактическому развертыванию там своих ракет, США сорвали переговоры. И после этого Рейган в упомянутом выше выступлении, рассчитывая на внешний эффект перед лицом миллионов телезрителей, обращается к СоветскомуСоюзу с призывом вернуться за стол переговоров. Но ведь известна наша твердая позиция: переговоры могут быть возобновлены только в том случае, если Вашингтон проявит готовность вернуться к положению, существовавшему до начала размещения в Европе американских ракет средней дальности. В недавнем ответе Ю. В. Андропова французскому движению «Призыв ста» говорится, что продолжение переговоров в настоящих условиях было бы равнозначно соучастию в обмане европейской и мировой общественности. Да, условия эти нисколько не изменились и после речи американского президента. «Рейган призвал русских,— констатирует газета «Нью-Йорк таймс»,— вернуться за стол переговоров, однако не внес никаких изменений в позицию США по проблеме сокращения советских и американских ядерных и обычных вооружений».

Миролюбивая внешняя политика Советского Союза еще раз была со всей очевидностью обоснована в выступлении А. А. Громыко на Стокгольмской конференции. Она не только провозглашается, но и подтверждается конкретными действиями. Любопытно, что в речи Рейгана есть рассуждение о словах и делах в политике. Думается, что в явном расхождении между ними и кроется ущербность американского внешнеполитического курса. Бывший посол США в СССР М. Тун заявляет: «Я убежден, что, помимо риторики, для улучшения отношений с СССР должны были быть внесены изменения в позицию США относительно ограничения ядерных вооружений в Европе. Советский Союз не вернется за стол переговоров в Женеве до тех пор, пока США не изменят своей позиции». Да, интересы мира требуют не красивых слов, а конкретных дел.



В зале заседаний Стокгольмской конференции.

Телефото АП — ТАСС

ОТВЕСТИ УГРОЗУ ВОЙНЫ

Спартак **БЕГЛОВ**

В этом году зима припорошила шведскую столицу снежком только в середине января, словно специально к съезду гостей. Жители Стокгольма не помнят, чтобы в их городе когда-либо в прошлом собиралось сразу столько иностранных министров. Шведские законодатели еще прошлой осенью освободили здание Культурного центра на площади «Сергельс-торг», где временно размещался парламент страны, для того, чтобы полностью отдать его в распоряжение организаторов Конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе.

Повестка дня Конференции, как это было решено на Мадридской встрече 35 государств — участников Хельсинкских договоренностей, предусматривает, что на первом этапе речь будет идти о расширении мер доверия в военной области (предварительные уведомления о крупных военных учениях и т. д.). Но сама жизнь заставила взглянуть на этот вопрос под новым, более принципиальным углом зрения, придала ему бо́льшее политическое значение. Главное, что обострило общую обстановку и создало новые угрозы миру в Европе,— это размещение в Западной Европе американских ядерных ракет и вызванный этой акцией Вашингтона и НАТО срыв переговоров в Женеве между СССР и США об ограничении ядерных вооружений в Европе.

«Сегодня над миром нависла реальная угроза,— сказал нам член Центрального объединения профсоюзов служащих Швеции Гуннар Петерссон.— Это понимают и в Швеции, и в других странах мира. Поэтому трудно согласиться с президентом США Рональдом Рейганом, заявившим на днях, что мир стал «более безопасным местом», чем несколько лет назад. Я и мои коллеги считаем иначе. А чтобы спасти мир, требуется активизация всех миролюбивых сил. Никто сегодня не может стоять в стороне от этой борьбы».

Мы беседовали с ним в момент, когда в шведской столице проходила приуроченная к открытию Конференции 35 государств большая антивоенная манифестация трудящихся. В эти же дни дружное «Нет!» американским ядерным ракетам и наращиванию гонки вооружений звучало по всей Европе.

И вот настал день, когда на Конференции все было поставлено на места: дана реалистическая характеристика сложившейся обстановки, принципиальная оценка внешнеполитическому курсу администрации США — курсу подготовки войны. Как только министр иностранных дел СССР А. А. Громыко закончил выступление на Конференции, журналисты бросились к телефонам и телетайпам, обмениваясь на ходу первыми впечатлениями. «Суровая речь»,— слышалось то там, то здесь, особенно из уст моих западных коллег.

Что ж, речь сурова потому, что сурова правда, которая в ней выражена.

В самом деле, американские доктрины в духе ядерного устрашения и допустимости «ограниченной» ядерной войны, включенный в США на максимальную скорость конвейер производства новых видов ядерного оружия, а равно и чинимый всюду Вашингтоном военный произвол — все это никак не вписывается в интересы укрепления мира и доверия между народами.

Доверие можно создать только при ясно выраженной готовности государств избавить наш континент и весь мир от политики конфронтации.

Представители стран социалистического содружества предложили самый верный способ проверить искренность государств в их подходе к вопросу о доверии. Для этого нужно, чтобы ядерные государства приняли на себя обязательство не применять ядерное оружие первым. Предложено также заключить договор о неприменении военной силы, включая и обязательство о неприменении первым как ядерных, так и обычных вооружений, к которому могли бы присоединиться все страны.

В предложениях СССР и братских стран поставлены также вопросы о сокращении военных расходов, об освобождении Европы от химического оружия, выражена поддержка всем идеям и проектам создания безъядерных зон в различных районах Европы. Советский Союз выразил также готовность содействовать разработке более широких мер доверия в военной области, включая предварительные уведомления о крупных военных, военно-морских и военно-воздушных учениях на континенте и в прилегающих к Европе морском, океанском районе и в воздушном пространстве. Одним словом, содействовать всему, что могло бы привести к реальному уменьшению военного противостояния.

Первая неделя Конференции в Стокгольме была целиком предоставлена в распоряжение министров иностранных дел 35 государств, их выступлениям, двусторонним встречам и беседам. После отъезда руководителей внешнеполитических ведомств делегации этих государств приступят к кропотливому рассмотрению и взвешиванию всех поступивших предложений и выработке практических мер, подлежащих утверждению на втором этапе Конференции в конце 1986 года.

Решение этих задач стокгольмского форума — дело непростое. Конференция отправилась в долгий путь в неспокойную, штормовую погоду, вызванную агрессивными милитаристскими акциями США и их ближайших партнеров по НАТО. Но если участники форума сумеют воспользоваться верным компасом конструктивных инициатив, выдвинутых странами социалистического содружества, то опасный дрейф Европы к бездне войны может быть остановлен.

Стокгольм — Москва.



...Израильский патруль — набитый солдатами джип и бронетранспортер — медленно двигался в полдень вдоль бульвара Маруф Саад, что на окраине южноливанского города Сайда. Солдаты — в стальных шлемах, в пуленепробиваемых жилетах — сидели спиной к спине, выставив во все стороны стволы автоматов, внимательно вглядываясь в прохожих, то и дело поднимая взгляды на окна и крыши зданий, мимо которых двигался патруль. Среди израильских оккупантов, бесчинствующих сегодня в южном Ливане, столица этого края старинный город Сайда пользуется репутацией гиблого места. Не проходит и дня, чтобы ливанские патриоты не совершили здесь двух-трех, а то и четырех-пяти нападений на израильские патрули, посты и позиции. Десятки оккупантов нашли смерть или были ранены на улицах Сайды.

Вот и на этот раз, как ни бдительны были патрульные, а просмотрели засаду. Ливанский юноша, почти мальчик, выбежал вдруг на середину улицы и открыл огонь из автомата по солдатам в джипе. Два израильтянина были сражены насмерть. Со стонами повалились раненые. Но израильская очередь срезала и героя. Оккупанты поспешно заняли круговую оборону, открыли бешеный огонь во все стороны, считая, что юноша был в засаде не один. А когда на помощь патрулю подоспели специально обученные для ведения уличных боев командосы и начали прочесывание всего района, оккупанты подобрали и увезли тело погибшего патриота. Это был Назих Кубросли, четырнадцатилетний юноша, отдавший жизнь за освобождение своей родины от сионистских захватчиков.

Как только было установлено имя погибшего, оккупанты схватили его отца. Двое суток допрашивали они его, пытаясь узнать, кто вместе с Назихом участвовал в нападении на патруль. Двое суток требовали они, чтобы отец «осудил» своего погибшего сына. Обвиняли его в том, что он «воспитал бандита», но отец не посрамил памяти героя.

Назиха Кубросли хоронили как героя. В день похорон к его дому в портовом квартале Сайды пришли многие и многие жители города. А когда похоронная процессия направилась на кладбище, в порту загремели автоматные очереди и взрывы гранат. Это соратники Назиха Кубросли, бойцы ливанского Сопротивления, почтили память героя очередной атакой на израильские позиции. Бой продолжался более получаса, и патриоты отступили, лишь когда к израильтянам подоспело подкрепление. На этот раз Тель-Авив не сообщил о своих потерях. Но жители города видели, как после боя в порт и оттуда неслись израильские санитарные машины.

Сегодня имя Назиха Кубросли известно во всем Ливане. Ему посвящаются стихи и поэмы, в его честь слагаются песни, его портреты вывешиваются в районах, находящихся под контролем Национально-патриотических сил Ливана. Четырнадцатилетний герой стал для ливанского народа сим-

Сопротивление оккупантам растет

волом борьбы за свободу против сионистской агрессии и империалистических планов Вашингтона в отношении Ливана, этой многострадальной, истекающей кровью страны.

Но патриотический подвиг Назиха Кубросли — это всего лишь один из эпизодов борьбы. Сопротивление израильским оккупантам набирает все больший размах с каждым днем. По официальным данным Тель-Авива, явно заниженным, в минувшем 1983 году ливанские патриоты провели против израильских оккупантов в южном Ливане более пятисот боевых акций, убив при этом около восьмидесяти и ранив около трехсот израильских солдат и офицеров, уничтожив значительное количество их боевой техники.

Стремясь запугать население оккупированных районов, подорвать его волю к борьбе, Тель-Авив прибегает к самым изощренным карательным мерам. Многие и многие сотни ливанцев, в том числе старики, женщины и дети, схвачены и брошены за колючую проволоку, подвергаются допросам и пыткам в специальных «центрах фильтрации», где свирепствуют сионистские заплечных дел мастера. В печально известном израильском лагере «Ансар», закрытом было Тель-Авивом, чтобы успокоить международное общественное мнение, вновь томится уже более тысячи ливанских патриотов. Сионисты оборудовали в «Ансаре» новейшие камеры пыток, для которых построили специальные бетонные блоки. Неподалеку от «Ансара», близ города Набатия, они соорудили особую тюрьму для женщин. Специальные карательные команды, созданные по гитлеровскому образцу, взрывают дома патриотов и всех тех, кто подозревается в участии в Сопротивлении или в сочувствии ему. В качестве репрессивных мер применяется уничтожение фруктовых садов и плантаций оливковых деревьев, вырубка лесов и рощ на тысячах гектаров. Таким образом осуществляется и план Тель-Авива по экономическому удушению южного Ливана, уничтожению его промышленного и сельскохозяйственного потенциалов. С начала израильского вторжения — с июня 1982 года по ноябрь 1983 года — сельское хозяйство этого района понесло ущерб в размере 170 миллионов долларов, но лишь за ноябрь 1983 года этот ущерб составил уже 55 миллионов долларов.

Тель-Авив все шире практикует демпинговый ввоз в южный Ливан своих товаров, ежемесячная стоимость которых составляет 6,5 миллиона долларов (на пять миллионов сельскохозяйственных товаров и на 1 миллион — промышленных). В результате производство южноливанской промышленности уже сократилось на 30 процентов. Работы лишились тысячи ливанцев. В рамках удушения южного Ливана проводится его изоляция от остальной части страны. Оккупанты установили жесткий контроль на трех мостах через реку Авали, которую они объявили границей оккупированной зоны и вдоль которой построили линию укреплений. На обоих берегах Авали все время стоят многокилометровые очереди автомашин. Машины пропускаются по 20, по 30 в день, а то и задерживаются перед мостами целыми сутками. Всю ливанскую печать обошел рассказ шофера грузовика, простоявшего перед мостом 5 суток!

Но никакой террор не может сломить Сопротивление, ставшее в южном Ливане всеобщим, объединившее мусульман и христиан, рабочих и крестьян, студентов и школьников, интеллигенцию и священнослужителей. Тель-Авив признает, что ему так и не удалось найти достаточное количество коллаборационистов, чтобы создать в оккупированных районах надежную произраильскую «милицию». А после того, как только что умер Хаддад, известный ренегат и ставленник Тель-Авива, командовавший несколькими сотнями оплачиваемых сионистским государством коллаборационистов, правители Израиля не скрывают, что не могут подобрать себе в южном Ливане другого подобного «друга». Характерно, что Тель-Авив принял решение выплачивать семье ренегата ежемесячную пенсию и предоставить членам этой семьи израильское гражданство, как только они того потребуют. Недаром же Хаддад перед смертью благодарил правителей Тель-Авива «за то, что они сделали для Ливана», то есть за гибель под израильскими бомбами и снарядами десятков тысяч ливанцев, разрушение ливанских городов и сел, разорение ливанского народа. Теперь же родня Хаддада готовится укрыться от гнева соотечественников в Израиле.

Сегодня быть участником Сопротивления, которое имеет активные и пассивные формы, почетно. Активная форма — это вооруженная борьба, рождающая все больше и больше героев, таких, как Назих Кубросли. Пассивная — участие в забастовках и митингах протеста на оккупированной территории, в «сидячих забастовках» в мечетях, в бойкоте израильских товаров и коллаборационистов. Большую роль в организации пассивного Сопротивления играют и умеренные политические, общественные и религиозные деятели как всего Ливана, так и его южных районов, где израильтяне уже неоднократно совершали провокационные осквернения мечетей и христианских храмов.

Выступая на только что закончившейся в Касабланке (Марокко) Конференции глав государств и правительств исламских государств, премьер-министр Ливана Шафик Ваззан назвал вселиванское Сопротивление израильской оккупации «священной войной», а бойцов Сопротивления — героями борьбы за свободу и человеческое достоинство. Он резко осудил бесчинства оккупантов в южном Ливане и предупредил, что они лишь углубляют ненависть к оккупантам и укрепляют решимость ливанцев наращивать борьбу за их изгнание. В то же время Шафик Ваззан с горечью отметил, что Ливан обратился к США и странам НАТО с просьбой помочь ему избавиться от израильской оккупации, «но до сих пор ничего реального в этом плане не достигнуто».

Зато в самом Израиле рост ливанского Сопротивления ощущается все более ощутимо. Пропорционально численности еврейского населения эта страна несет тяжелые людские потери. Она вынуждена держать в Ливане большую оккупационную армию, что обходится ей более одного миллиона долларов в день. И это при катастрофическом положении экономики Израиля, в котором инфляция в 1983 году достигла рекордного уровня — более чем 190 процентов и около полумиллиона человек, по официальным данным, живет в нищете. Кстати, эта цифра с 1977 по 1982 год удвоилась. Стоит напомнить, что Израиль обладает и самым большим в мире внешним долгом, достигшим уже 23 миллиардов долларов.

С каждым днем в Израиле все больше звучат требования развязаться, наконец, с ливанской авантюрой находящегося ныне в отставке Бегина. С каждым днем ширится движение за немедленный вывод из Ливана израильских оккупационных войск. С этими требованиями выступают прогрессивные слои израильского общества, оппозиционные партии и массовые организации, лидеры оппозиции и даже определенная часть военных кругов. Стремясь хоть как-нибудь успокоить накаляющиеся страсти, правители Тель-Авива все чаще выступают с противоречивыми заявлениями о своих планах в Ливане: то обещают поэтапный отвод своих войск с ливанской территории, то угрожают ливанским патриотам утяжелением бремени оккупации и усилением репрессий.

Один знакомый мне крупный ливанский бизнесмен сравнил както Израиль с гадом, ухватившим добычу, которая ему не по зубам, которую он проглотить не может, а выпустить не хочет. Ходят в Бейруте и сравнения южного Ливана с костью, которой Израиль подавился и от которой теперь задыхается. Много раз доводилось мне беседовать с ливанскими патриотами, все более уверенными в том, что бойцы Сопротивления заставят израильских оккупантов убраться из Ливана, несмотря на поддержку агрессивной экспансионистской политики Тель-Авива американским империализмом.

Силы ливанского Сопротивления крепнут с каждым днем.

Бейрут.

Улицы Сайды патрулируются усиленными армейскими нарядами оккупантов. **Фото АП — ТАСС**



ПОНОМАРЕНКО
Пантелеймон Кондратьевич

18 января 1984 года после тяжелой, продолжительной болезни на 82-м году жизни скончался персональный пенсионер союзного значения, член КПСС с 1925 года Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко.

П. К. Пономаренко родился в 1902 году в станице Афипская Северского района Краснодарского края в семье крестьянина-бедняка. Трудовую деятельность начал в 1914 году подмастерьем в швейной мастерской, затем был кузнецом, слесарем, служил в рядах Красной Армии.

С 1938 г. П. К. Пономаренко находился на руководящей партийной и советской работе. Был первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии, Председателем Совета Министров Белорусской ССР. В годы Великой Отечественной войны возглавлял центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования, являлся членом военных советов ряда фронтов. В 1948—1955 годах П. К. Пономаренко работал секретарем ЦК КПСС, заместителем Председателя Совета Министров СССР, министром заготовок СССР, министром культуры СССР, первым секретарем ЦК Компартии Казахстана. С 1955 по 1964 год находился на дипломатической работе, был Чрезвычайным и Полномочным Послом



СССР в Польше, Индии и Непале, Нидерландах, представителем СССР в Международном агентстве по атомной энергии. Затем работал преподавателем в Институте общественных наук при ЦК КПСС. С 1978 года — персональный пенсионер союзного значения.

П. К. Пономаренко на XVIII, XIX и XX съездах партии избирался членом ЦК КПСС, был членом, кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС. П. К. Пономаренко являлся депутатом Верховного Совета СССР, членом Президиума Верховного Совета СССР.

На всех участках, куда его направляла партия, П. К. Пономаренко трудился не жалея сил, проявлял волю и настойчивость в проведении политики КПСС. Его отличали высокая партийная принципиальность, личная скромность, умение сплачивать и организовывать людей.

За заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством П. К. Пономаренко награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Суворова I степени, Отечественной войны I степени, «Знак Почета» и медалями.

Светлая память о Пантелеймоне Кондратьевиче Пономаренко, верном сыне Коммунистической партии и советского народа, навсегда сохранится в наших сердцах.

Ю. В. Андропов, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, Н. Н. Слюньков, И. Е. Поляков, В. И. Бровиков, П. А. Абрасимов, В. Е. Лобанок, Р. Н. Мачульский.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

ГЕРОЯМ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Уже около двадцати лет внимание нашей общественности привлекает плачевное состояние могил героев Куликовской битвы Александра Пересвета, Родиона Осляби и других участников сражения, погибших на Куликовом поле. Памятник этот находится на территории бывшего Старого Симонова монастыря в Москве.

Еще в июне 1979 года «Огонек» (№ 24) опубликовал материал с критикой организаций, которые не обеспечили своевременное восстановление этих реликвий, бесценных памятников истории и культуры нашего народа. Этой же теме была посвящена статья «Дело нашей чести» в «Огоньке» № 26 за 1980 год.

Известно, что могилы героев Куликовской битвы находятся у стен бывшей церкви Рождества Богородицы, памятника истории и культуры, находящейся сейчас на территории завода «Динамо». Недавно здесь располагалась заводская компрессорная станция.

В последние годы была проведена определенная работа. Завод построил новую компрессорную. Всесоюзное объединение «Союзреставрация» начало работы по приведению в порядок здания церкви. Авторы архитектурного проекта реставрации — заслуженный работник культуры РСФСР, архитектор Л. А. Давид и архитектор Б. Г. Могинов.

К сожалению, остается еще много нерешенных вопросов. Один из главных — выделение памятника из территории завода в городскую среду, снос расположенных вокруг мемориала заводских строений, устройство подхода к памятнику.

Отрадно отметить, что здесь вот уже несколько раз состоялись субботники, организованные шефской комиссией московского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Автор этих строк предполагает, что на территории памятника находятся три братских могилы более 30 героев Куликовской битвы.

25 августа 1983 года исполком Моссовета вынес решение «О сохранении и использовании памятника архитектуры XVI—XIX вв. бывшей церкви Рождества Богородицы в Старом Симонове». Решением предусмотрено Всесоюзному объединению «Союзреставрация» завершить все реставрационные работы на памятнике в 1985 году и выделить мемориальный комплекс из территории завода «Динамо» в городскую среду с организацией ограждения и подхода к нему. Государственному ордена Ленина Историческому музею поручается заключить охранно-арендный договор с Государственной инспекцией по охране памятников архитектуры и градостроительства г. Москвы и продумать вопрос размещения экспозиции, посвященной Куликовской битве 1380 года, из фондов Государственного исторического музея.

К сожалению, выполнение прекрасного решения Моссовета затягивается и практически находится под угрозой срыва.

Е. М. ЛЕВШОВ,
гвардии полковник в отставке, историк

В. МИХЕЛЬСОН,
первый секретарь Витебского горкома партии

Работница пришла в профсоюзный комитет с обидой: «Почему я не попала на фабричный слет передовиков? От цеха на него посылают с более низкими показателями, чем у меня, а я вроде бы за бортом. Разве справедливо?!» Ей терпеливо разъяснили, что цеховой коллектив намеренно отдал предпочтение не ей, а другой работнице, потому что та долго числилась в «середняках», но все же достигла заметных успехов. Надо же человека поощрить, иначе не будет стимула рваться вперед — «вершины, мол, все равно заняты, а нас как не замечали, так и не заметят». Доводы оказались убедительными.

Этот пример характерен для Витебска. В производственных коллективах здесь, как правило, соревнуются заинтересованно, азартно в самом хорошем смысле этого слова. По-настоящему отвечают за принятые обязательства, всячески стремятся, чтобы не прижились формализм, шаблон рядом с большим и благородным делом. Утверждают такие нормы в социалистическом соревновании в основном коммунисты. Об этом беседа с первым секретарем Витебского городского комитета партии В. В. МИХЕЛЬСОНОМ.

●

— Валентин Васильевич, Центральный Комитет КПСС принял недавно постановление о совершенствовании организации социалистического соревнования. Давайте коснемся поднятых там проблем. Что, на ваш взгляд, придает идее соревнования материальную силу?

— Семь раз за последние десять лет Витебск получал Красное знамя Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ за достижение высоких результатов по выполнению народнохозяйственных планов. Причем последние пять лет — ежегодно. За минувший год объемы производства увеличились почти на 4 процента, притом только за счет роста производительности труда. Подчеркну еще, что за два с половиной года пятилетки среднемесячная зарплата в промышленности поднялась на девять процентов, выработка же — на 10,8 процента. Укрепляется дисциплина поставок продукции потребителям.

Основа этих успехов — повседневная борьба за выполнение социалистических обязательств. Всю свою работу мы строим так, чтобы каждый участник трудового процесса проникся сознанием, что обязательство, взятое им и коллективом, требует максимальной отдачи.

ДИАЛОГИ

— Что бы вы могли сказать о нравственном смысле соревнования?

— У нас укоренился принцип не «играть» в принятие обязательств, не брать обязательства ради того, чтоб показать, что идешь в ногу со временем. Еще одно. В городе знают, что все соревнующиеся коллективы поставлены в равные условия, никаких льгот и скидок никому не будет, соперничество должно быть честным и открытым, и за эту честность, открытость отвечают все коммунисты — будь то рядовой рабочий, директор завода, секретарь горкома партии. Тут, по-моему, бесспорно, заключен серьезнейший нравственный смысл. Нарушать его — значит наносить непоправимый вред делу, даже если удастся что-то выполнить, обеспечить, перекрыть.

Мы рассматриваем социалистическое соревнование как воспитательный процесс. Только тогда в нем есть настоящий, коммунистический смысл. Иначе — формализм, видимость успеха.

— А что практически составляет основу этого процесса?

— Умение заинтересовать людей, чтобы достичь нужных результатов. Заинтересованность материальная и моральная... Мы порой отрываем одно от другого. И что же происходит? В одном случае тяга к рвачеству, в другом — никчемное увлечение демагогией. Суть в том, чтобы найти форму, которая побуждала бы человека расти в процессе труда, расти во всех отношениях — профессионально, нравственно, идейно.

— Есть удачные примеры?

— Есть. В стройтресте № 28 бригады Николая Михайловича Медведского и Александра Тимофеевича Франтова, работающие по договору, на подряде, внедряют систему, при которой распределение общебригадного заработка предусматривает коэффициент трудового участия — КТУ — каждого за каждый день. При этом имеется в виду самоконтроль и общая оценка всеми вклада каждого в итог труда коллектива. Принятый всюду в строительных организациях порядок предполагает так называемое закрытие нарядов в конце месяца; бухгалтерия по ним делает расчет и делит заработанную бригадой сумму на всех с учетом профессиональных разрядов. Качество труда фактически на зарплату не влияет, дисциплина рабочего — тоже, его отношение к делу — тем более. Мало того, такой порядок оплаты соблазняет бригадиров, прорабов, мастеров на приписки, а стало быть, на выплату незаработанных денег. А тут, в бригаде, работающей на подряде, все иначе. Рабочие сами определяют объем выполненного за смену и по КТУ выводят балл, который тут же попадает на экран социалистического соревнования. Коэффициент повышается за высокое качество выполненной работы. А понижается за брак, прогулы; невыполнение распоряжений бригадира, мастера или прораба; за ложную информацию о выполнении дневной нормы; за плохое состояние рабочего места; за нарушение общественного порядка. Окончательное решение — за советом бригады, который избирают сами рабочие.

— Какие это дает результаты?

— Очень высокие. Достаточно посмотреть на строительную площадку, где трудится, например, бригада заслуженного строителя БССР, кавалера ордена Ленина Николая Михайловича Медведского. Порядок будто на выставке. Никто не толчется без дела, как правило, рабочие приходят на смену пораньше, чтоб все приготовить, получить, выяснить, что необходимо, с бригадиром или мастером. Брак стал явлением редчайшим; заметно поднялась культура производства. Возросла и выработка на одного рабочего. Для сравнения: в прошлом году в среднем по стройуправлению она составляла в год 13 346 рублей, а по бригаде Франтова — 13 993 рубля (годом раньше — 13 203). А общий итог такой: бригада Франтова строит сверх плана жилой дом для своего треста. Бригада Медведского досрочно, на три месяца раньше, сдала общежитие на шестьсот мест производственно-техническому объединению «Монолит». Естественно, и заработки в бригадах весомо поднялись.

Вот он, двуединый процесс воспитания и решения экономических задач. Сознательность формируется в ходе трудового процесса, формируется убедительно и прочно.

— Как распространяется опыт передовых бригад?

— Быстро. Прежде всего благодаря полной информации об их достижениях. Партийный комитет треста пропагандирует опыт Медведского и Франтова. Рост таких бригад мы не форсируем — перевести на новую систему должен не приказ, сама жизнь должна подвести к нужному решению. До конца пятилетки трест рассчитывает иметь 73 такие бригады, сейчас их — тринадцать. Забота парткома — нацелить на прогрессивную перестройку всех коммунистов треста. Скажу попутно, что в минувшем году партийная организация треста выросла на 20 человек — опять же подтверждение принципа взаимосвязи всех процессов, которые происходят сегодня в городе.

— Партийным комитетам удается направлять этот процесс в нужное русло и выдерживать ту заданность, которую определила городская партийная организация на пятилетку?

— В целом да. Мы ориентируемся на соревнование в первую очередь по тем показателям, которые на теперешнем этапе для предприятия важнее, чем все остальные. Вот пример. Станкостроительный завод имени Кирова основательно обновляет свою продукцию и параллельно свою техническую базу. Партийный комитет завода и социалистическому соревнованию придает такую направленность. В обязательствах — усиление борьбы за высокую культуру производства, ибо без нее технический прогресс нереален. И это, пожалуй, отраднее всего. Еще сравнительно недавно рабочие были настроены как-то инертно, рассуждали примерно так: кому надо, пусть приходит и эту самую культуру в цехе насаждает. Сегодня иначе. Иждивенческие настроения если у кого и проявятся, то дружно и сердито осуждаются. И, само собой разумеется, не случайно уже десять кварталов завод держит первое место среди предприятий министерства в соревновании по ведущим показателям.

— До сих пор вы говорили о материальных стимулах соревнования. А каковы моральные стимулы?

— Их много, они носят самую разнообразную форму и для каждого предприятия свою особенную. На ковровом объединении, например, в день досрочного завершения личного пятилетнего плана «виновнику» события торжественно вручается памятный адрес и фотопортрет. 26 человек уже удостоены таких знаков внимания. В этом же объединении устраиваются вечера, на которых чествуют наставников и их бывших учеников. На обувной фабрике «Красный Октябрь» учреждены звания лауреатов фабричной премии. На всех предприятиях распространена такая практика: руководители цехов и отделов обращаются с благодарственными письмами к семьям передовиков, где рассказывают о том, как трудится сын или дочь, глава семейства или его жена. Коэффициент полезного действия таких корреспонденций очень высок. И еще об одной традиции, рожденной в нашем городе. В 1974 году праздновалось тысячелетие Витебска. С тех пор в каждое последнее воскресенье мая устраивается выставка лучших образцов изделий, сделанных заводами и фабриками, чествуют передовиков производства.

— Все это, конечно, не может не влиять на настроение людей...

— Безусловно: создание хорошего микроклимата в коллективах — особая забота партийных организаций. Ведь настроение человека, условия, в каких он живет и работает, определяют его отдачу обществу. На чулочно-трикотажной фабрике «КИМ» никогда не забывают об этом. Дом быта рядом с фабрикой, столы заказов в цехах, спортивный комбинат под боком у предприятия, пионерские лагеря, профилактории... Вроде бы этим сейчас никого уже не удивишь. Но кимовцы занимаются всем этим образцово, а главное, все время думают: а как еще лучше можно позаботиться о рабочем человеке, что сегодня, именно сегодня можно для него еще сделать? Придумали, например, банк времени. На фабрике много женщин, а у них, как известно, забот житейских — море. Так вот, завели порядок: нужно по каким-то неотложным делам отлучиться — отпустят. Время, истраченное на домашние нужды, было накоплено работницей прежде и так, чтобы производство урона не понесло.

Больше всего нас радует возможность сделать доброе для людей и убедиться потом, как они оценивают заботу о себе. Разве не это один из важнейших критериев успеха партийной работы? Разве не это определяет в конечном счете смысл наших пятилеток?!

— Такие известные истины приходится повторять очень часто. Как вы думаете, почему?

— Дело вот в чем: что-то мы усваиваем теоретически, а в практику внедрить почему-то не умеем, иной раз боимся, потому что привыкли к чему-то и не решаемся отказаться от привычного. Иногда никак не удается сломать силу инерции, уйти из-под власти шаблона. Взять то же социалистическое соревнование. Что значит помешать людям выполнить обязательства? Это значит скомпрометировать не только обязательства, но и весь смысл соревнования. А ведь случается. Случается из-за ставших тормозом во все нашем деле неувязок в планировании. Я упоминал станкостроительный завод имени Кирова. Так вот в 1981 году тут досрочно освоили очень нужные нашей индустрии многоцелевые сверлильно-фрезерно-расточные станки с программным управлением. Бывает, что в сборочном цехе месяцами стоят такие недоукомплектованные станки — новосибирский завод «Электроагрегат» недодает комплектные системы числового программного управления. Как объяснить рабочим, которые соревновались за то, чтобы эти станки как можно быстрее нашли себе применение, что где-то кто-то что-то не рассчитал и усилия их, рабочих, оттого пошли насмарку?!

Как объяснить рабочим, что разнобой ведомственных требований к продукции со Знаком качества, к порядку его присуждения перечеркивает иной раз то, что записано в обязательствах, и делает ненужной какую-то часть труда целого коллектива?!

Я говорю все это вот к чему: в постановлении ЦК КПСС о совершенствовании социалистического соревнования содержится требование увязать воедино все проблемы, от которых зависит успех соревнования в стране. Надо их решить в интересах нашего общего дела сообща.

Мы тщательно слушаем ритм времени, изучаем его диалектику, чтобы не превратиться в опоздавших, догоняющих, которым приходится наверстывать в спешке то, что нужно было сделать заблаговременно.

В решении городской партийной конференции коммунисты записали: бороться за увеличение в 1984 году производительности труда на предприятиях и стройках на один процент по сравнению с плановой. После декабрьского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС мы изучаем возможность дополнительно снизить на полпроцента себестоимость продукции. Большинство производственных коллективов Витебска такую возможность имеют.

Беседу вел собственный корреспондент «Огонька» А. ЩЕРБАКОВ.

СОРЕВНОВАТЬСЯ — ЗНАЧИТ РАСТИ

ГЕЙНСБОРО

Игорь **ДОЛГОПОЛОВ**,
заслуженный деятель искусств РСФСР

«Мода всегда имела и будет иметь свой день, однако только правда во всем будет длительной и заслужит славу в потомстве».

Джон Констебль.

Письмо Эдгару:

«Мне было очень приятно услышать, что в вашем портрете не придрались ни к чему другому, кроме слишком шероховатой поверхности. Поскольку это обстоятельство должно способствовать увеличению силы общего воздействия и тому, чтобы критики картины видели, что перед ними оригинал, а не копия (так как гораздо труднее сохранить силу мазка, чем создать некоторую гладкость), мне даже приятнее, что они выискивают такого рода вещи, чем если бы они, созерцая на известном расстоянии, нашли бы глаз сидящим на полвершка дальше, чем следует, или неправильно нарисованный нос.

По-моему, человек, прильнувший носом к холсту и заявивший, что краски неприятно пахнут, не был бы смешнее, чем когда он порицает шероховатость фактуры, так как что касается воздействия или рисунка картины — одно так же важно, как и другое. Сэр Годфрей Кнеллер обычно говорил этим людям, что картины делаются не для того, чтобы их нюхали.

Я надеюсь, сэр, что вы простите мне это рассуждение относительно мазка и колористической манеры, так как если даже я этим ничего лучшего не достигну, кроме того, что доставлю вам и мистеру Глуббу повод для смеха, когда вы в следующий раз встретитесь под знаком «Кружки», то я буду доволен и этим...

Я являюсь, сэр, вашим благодарным, послушным и преданным слугой.

Томас Гейнсборо».

Читая эти слова, мы знакомимся с личностью явно незаурядной, обладающей большим тактом и запасом юмора, позволяющим ей переносить все трудности нелегкой профессии портретиста с чисто «пиквикским» стоицизмом. Но вдумайтесь, сколько горечи скрыто за добродушными, почти смеющимися строками. Как открыт любому мало-мальски посвященному в дела искусства читателю ответ на претензии светских обывателей, любящих гладкую, зализанную, салонную живопись и не очень разбирающихся в ценности мастерства живого, непосредственного, но истинно артистичного и реального... Этот диалог между не очень подготовленным эстетически зрителем и живописцем современен и ныне. Однако художник XVIII века — портретист Томас Гейнсборо, обладавший высшей категорией мастерства, имел право на полную достоинства, благодушную критику в адрес не слишком понимавшего живопись заказчика; а некоторые нынешние художники, иногда пишущие поверхностные и огрубленные портреты, понапрасну брюзжат о «безграмотной» публике, не склонной оценить положительно их «опусы».

Написав эти слова, я мгновенно почувствовал устремленный на меня строгий взор искусствоведа, усердно восхваляющего примитивные и порою деформированные изображения людей и оправдывающего эти полотна, в которых с трудом проглядывается образ человеческий, как поиск, новацию и т. д. Но позвольте, неужели XX век, создавший чудеса науки и техники, не достоин полновесного и духовного изображения того, кто сотворил все эти дива дивные? Неужто портреты Леонардо, Веласкеса, Тициана, Рембрандта, Франса Гальса, Гейнсборо, Гойи, Ореста Кипренского, Эдуарда Мане, Валентина Серова старомодны? В них живет, радуется, страдает и мыслит его Величество человек. Нет, думается, наш век, сама эпоха требуют искусства большого, реалистического, впитавшего лучшие традиции мировой культуры. Мы должны стремиться открыть н о в у ю к р а с о т у человека нашего времени.

Правда, это очень трудно. Но, к счастью, во многих прекрасных портретах наших мастеров старшего и среднего поколения и в некоторых полотнах молодых уже найдены замечательные грани этой нови. Примечательно, что талантливая молодежь особенно пристально изучает творения Рафаэля, Боттичелли, Вермера Дельфтского, Александра Иванова. Это говорит об очень многом. Верится, что новое поколение примет эстафету искусства высокого гуманизма, духовной наполненности и нравственности, свойственной нашей эпохе социалистической цивилизованности...

Искусство будущего видится как истинно глубокие к а р т и н ы — будь то многофигурные композиции либо портреты,— исполненные высокой гражданственности, написанные кистью новаторов, познавших, однако, все тайны великих традиций. Но становление нового в искусстве — процесс непростой.

...Один из самых разительных парадоксов современной живописи — так называемый маньеризм, часто носящий внешне весьма респектабельный вид. Прочтите эти заметы Джона Констебля, написанные будто сегодня: «Маньеризм всегда обольщает... Он всегда сопровождается некоторым очарованием, видимым, правдоподобным и действующим на глаз. Так как манерность выявляется постепенно, питаемая успехом в обществе, лестью и т. д., все художники, желающие стать действительно крупными, должны постоянно быть в этом отношении начеку».

Но вже же возвратимся вновь к автору письма к Эдгару.

Томас Гейнсборо... Вот он глядит на нас со своего «Автопортрета», опубликованного на цветной вкладке журнала.

Как удивительна и каждый раз уникальна встреча с новым для себя автопортретом любого большого художника. Что больше всего поражает? Психологическая раскрытость живописца, хотел ли он показать свой внутренний мир или желал скрыть свое «я». Исполин Леонардо потому и нарисовал свой единственный автопортрет в глубокой старости, а мудрый Вермер Дельфтский посадил себя спиной к зрителю. Но уж если автопортрет написан, он будет говорить с вами и расскажет о его создателе все или почти все. Еще одна особенность: иногда эти холсты-автобиографии бывают весьма неожиданны. Я никогда не представлял себе именно таким Томаса Гейнсборо, этого певца английской природы, среди которой свободно располагаются милые дети, прекрасные дамы и их спутники. Думалось, что он внешне более галантен и улыбчив.

Самое примечательное, что никаких видимых правил для начертания автопортретов нет. Да и не может быть. Таково искусство. Таково самовыражение каждого настоящего художника. Оно первично. Можно только иногда удивляться, как живописец порою схож или несхож со своими творениями (как в случае с Гейнсборо). Иногда великие мастера пишут себя почти как персонажей своих полотен. Таков Рембрандт ван Рейн, по холстам-автопортретам которого можно проследить всю его жизнь вместе с изменением манеры письма и, что самое главное, изучить драматургию судьбы. Тут биографы должны ликовать. Вся ткань жизненного пути мастера перед ними. Но такие случаи бывают нечасты. Так, близкие ему по времени блистательные Рубенс и Ван Дейк оставили свои изображения в виде героев изысканного и сверкающего спектакля своей жизни. Но не ищите в их изумительных автопортретах глубину тревог, стрессовых ситуаций, которые, несмотря на всесветную славу, постигали и их. Это все же парадный фасад бытия. Хотя и он отлично дает возможность понять эпоху.

Но, повторяю, самое разительное — это полотна, которых не ждешь, зная творческое лицо знаменитого художника по его известным всему миру картинам, портретам, и которые все же дают ключ к пониманию процесса творчества. Так иногда автопортрет мастера раскрывает то сокровенное, что скрыла толща времени.

«Автопортрет» Томаса Гейнсборо. Вглядитесь в лицо странного, взъерошенного, как будто только разбуженного человека. Взгляд его карих, по-птичьи острых глаз пронзительно внимателен, словно ощупывает вас. Взор несколько ироничен. Он много видел и много знает об этом сложном и часто завуалированном мире. Лоб невысок. Крупные черты, пухлые, чувственные губы, крепкий подбородок говорят о характере недюжинном, уме, скепсисе и склонности к импульсивным, решительным поступкам. Да, он умен, очень умен и добр, этот сын торговца сукном, потом обедневшего.

Томас Гейнсборо родился в 1727 году в маленьком провинциальном местечке Сэдберри, что в Саффолке. Мальчишка рос, бродил по берегам реки Стур, ловил рыбу со сверстниками, учился в школе, как все. Но его увлечение рисованием было так неудержимо и наброски малыша так хороши, что небогатый отец все же решился послать своего тринадцатилетнего сына в столицу Британии. Жизнь и учение его в Лондоне почти неизвестны. Однако ясно одно: он преуспел в овладении мастерством. Помог ему француз-гравер Гюбер Гравело. Тонкость, элегантность и чеканность линий свойственны рисунку Гейнсборо и отличают все его творчество. Именно Гравело познакомил молодого Гейнсборо с Хогартом — крупнейшим художником, чья «Девушка с креветками» поныне считается одной из вершин мирового портретного искусства. Здесь, в школе, именуемой Академией святого Мартина, шлифовал свое дарование юный Томас.

Но недолго удержали его стены школы. Своенравный и независимый темперамент будущего живописца влек к деятельности «на свой страх и риск». Уже в семнадцать лет он открывает собственную мастерскую. Гейнсборо с самого начала противостоял официальной академии с ее канонами, схемами и классической лакированностью.

Девятнадцати лет на этюдах в пригородах столицы он встречает девушку, в которую влюбляется, и незамедлительно женится. Это был шаг кардинальный, свойственный пылкому сердцу художника. Он не ошибся, прожил со своей подругой счастливую жизнь и вырастил любимых детей. Словом, через два года он уже в родном Сэдберри и зарабатывает свой хлеб насущный. Нужда не заглядывала к нему в дом, ибо его супруга (по некоторым данным, незаконная дочь герцога де Бофор) принесла ему в приданое небольшое состояние.

Так уверенно и твердо начинал свой путь молодой человек, которому суждено было стать гордостью английской школы живописи и одним из тончайших портретистов мира. Первые его картины напоминают полотна голландцев, но с годами все четче определяется почерк художника, видевшего свое время необычно, оригинально и свежо. Судьба забрасывает его в Бат — модный курорт, где он прожил почти пятнадцать лет — до 1774 года. Там он знакомится с творчеством великого портретиста Ван Дейка, любимого живописца английской ари-



Томас Гейнсборо. 1727—1788. АВТОПОРТРЕТ.



Томас Гейнсборо. ПОРТРЕТ ГЕРЦОГИНИ ЭЛИЗАБЕТ ДЕ БОФОР.

стократии. Но Гейнсборо воспринимает прежде всего не виртуозную, артистичную манеру; его привлекала трепетная духовная ткань портретов Ван Дейка, и это влияние было для Гейнсборо решающим. Потом, уже достигнув славы, он никогда не изменит первому своему правилу писать не «кожу», а «душу» человека. Это не означает, что его портреты непохожи на оригиналы, но картины Гейнсборо отличает удивительная одухотворенность, интимность. Особая черта была свойственна этому выдающемуся мастеру. Он писал свои модели не в аллегорических одеяниях, не на условных репрезентативных фонах. Нет. Гейнсборо изображал своих героев в их привычных одеждах, в окружении милого его сердцу пейзажа родной Англии. И именно пейзажи Гейнсборо заслуживают высшей похвалы.

Человек и природа. Вот тема многих портретов Гейнсборо. И неизменно сложная партитура его композиций носит следы понимания и проникновения в гармоническое начало бытия человека.

Это качество бесконечно отличало Томаса Гейнсборо от знаменитого современника, президента Академии художеств Джошуа Рейнольдса.

И когда вглядываешься в портреты одних и тех же людей, написанные этими художниками, ощущаешь разницу между ними. Беллетристическая аллегоричность у одного и глубокий взволнованный лиризм и тончайшая духовная инструментовка у другого. Тут даже не стоит и вспоминать о колорите, ибо Рейнольдс, великолепный мастер, писал в условной классической горячей гамме красных, коричневых, теплых колеров в отличие от Гейнсборо, который творил в жемчужно-серой и сине-голубой тональности.

До того обыденного лондонского осеннего утра Гейнсборо редко посещала сумеречная мысль о неотвратимости смерти... Это происходило, наверно, потому, что он слишком любил жизнь и был чуть-чуть юмористом. И если говорить правду, то Томас был вечно занят то учебой, то бесконечными переездами из города в город, то поисками моделей для портретов, и всегда — и это, пожалуй, главное — живопись, живопись заполняла его целиком.

Пролетели полвека...

И вот из крохотного окошечка кареты художник будто впервые увидел подернутые влажной дымкой улицы столицы Англии. Мерное цоканье копыт по мостовой, бой старых курантов заставили почувствовать как-то особенно жгуче неумолимое движение времени. Нет. Он не устал. Слава Гейнсборо, казалось, достигла апогея. Простолюдин писал членов королевской семьи, стал любимым художником знати. Но горький запах мокрой, прелой листвы, бег серых, угрюмых облаков, задевающих колючие крыши зданий, что-то еще неуловимое, грустное и желанное вдруг вползло в его душу.

Величавый старик с седыми бакенбардами открыл перед ним массивные двери. Мраморные ступени будто побежали за спиной Гейнсборо. Внезапно он увидел в холодных отблесках паркета хозяйку дома, свою модель. Она глядела приветливо. Тяжелая высокая прическа словно заставляла ее слегка наклонить голову. Милые, чуть-чуть раскосые глаза, казалось, улыбались. Бледно-розовые, чуть потрескавшиеся губы слегка приоткрылись, и были видны белые ровные зубки. Черная лента обнимала стройную шею. Легкие, почти прозрачные тени запутались в воздушной ткани ее платья.

— Я рада вас видеть, сэр Томас,— проговорила дама.

Гейнсборо стал у мольберта, его ждали палитра, кисти, краски. Неожиданно художник, может быть, впервые почувствовал как никогда остро мимолетность и краткость нашего земного бытия. Именно в тот миг все, все увиденное и услышанное им сегодня: туманные улицы столицы Британии, порыжевшие газоны, черные стволы деревьев, терпкий дым осенних костров в лондонских парках, еле ощутимый аромат духов и шелест дорогих тканей — все это слилось в единый поток ассоциаций. Гейнсборо горько и тоскливо понял, что этот миг не вернешь никогда.

И снова и снова гулко отбивали время огромные старинные часы с блестящим бронзовым маятником. Чудилось, что звук каждого отмеченного получаса отзывался в самом сердце живописца.

Художник не спешил, его кисть привычно и легко касалась холста. Ведь никто в Британии так, как он, Гейнсборо, не чувствовал колдовство в а л е р а. Эти неуловимые переливы холодных и теплых тонов, колеры, взаимосвязанные в тайную, трепетную систему, известную и доступную лишь великим.

О, как светоносно женское лицо с еле приметным румянцем... Как прелестны миндалевидные, почти бархатно-темные глаза. Как прекрасны эти благородные тона на глубоком лессированном фоне. До чего изыскан камертон голубой ткани, чуть примятой тонкой рукой.

Гейнсборо, конечно, не мог знать, что только через столетие в Париже группа художников, которых после будут именовать импрессионистами, и среди них Эдуард Мане и Огюст Ренуар, попытаются уловить эти ускользающие от нас мгновения...

Мастер творил. Для него это было так же необходимо и естественно, как дыхание, как выпитый глоток воды или съеденный кусок хлеба. Это была его жизнь. Все, все, что он знал, весь перенятый опыт знаменитых живописцев прошлого, портреты которых он изучал годами,— все меркло в эти часы перед неуемным, неодолимым желанием остановить время. Запечатлеть неповторимый м и г б ы т и я Ч е л о в е к а.

Да, Томас Гейнсборо доселе никогда так тревожно не задумывался о смерти. Он слишком дорожил жизнью, любил свою старую Англию, обожал жену, детей, боготворил свое призвание. Но именно в те осенние считанные дни, когда он писал портрет прекрасной дамы, он впервые ощутил прожитые полвека и невероятную краткость этого пути. Художник хотел оставить людям свое преклонение и восторг перед бесценным чудом мимолетности нашего пребывания на Земле.

Томас проживет еще с десяток лет. Он создаст еще свои знаменитые шедевры, войдет в плеяду величайших портретистов всех времен и народов. Но это небольшое полотно — «Портрет герцогини Элизабет де Бофор» — останется одним из его самых сокровенных полотен. Он никогда не забудет его. В этой жемчужине творчества Гейнсборо словно сошлись все его мечты о непосредственности, свежести и единственности первичного ощущения натуры. Ведь никакая академия со всей ее иерархией, ни изучение классических портретов Ван Дейка, ни даже не совершенное, но задуманное путешествие в Италию не могли заменить Гейнсборо его природный дар ощущать и в и д е т ь н е у л о в и м о е. Ибо прекрасное, заложенное в природе и в Человеке, не всегда раскрыто перед каждым художником. Эту мудрую книгу надо уметь прочитать и рассказать людям. Рассказать внятно и доступно.

...Мое свидание с Элизабет де Бофор произошло на людях. Это было в огромном дворце, стоявшем на берегу царственной реки. Вход в здание охраняли могучие атланты. Парадная лестница из белого мрамора вела в великолепную анфиладу зал. Герцогиня встречала людей неизменно приветливо. Милая улыбка, легкий наклон головы, прижатая к сердцу тонкая рука — все, все говорило о ее добром характере. Но какая-то затаенная грусть, а может быть, меланхолия придавали ее красоте особое очарование, заставлявшее задуматься о том, что еле приметный грим, богатая одежда из дорогих тканей всего лишь светская оболочка, за которой живет, переживает какие-то свои невзгоды человек, как и мы все.

И чем дальше я приглядывался к этой изысканной придворной даме, тем все явственнее и явственнее проступала сквозь флер наигранной и годами привитой любезности именно ее душа — сложная, ранимая, поэтическая. Должен признаться, что раз от разу (встречи с мадам де Бофор разделяли годы) я, естественно, становился старше; из юноши постепенно превратился в пожилого человека. Однако герцогиня оставалась неизменно молодой. Прожитые годы не только не состарили ее, но, наоборот, как будто сделали более юной и женственной. Скажу, что со временем я узнавал подробнее о превратностях ее судьбы, и главное, все более восторгался ее создателем — чудесным английским художником второй половины XVIII века Томасом Гейнсборо... Ведь пленительная герцогиня де Бофор была всего лишь полотном, заключенным в старинную золотую раму, написанным мастером в семидесятых годах того далекого от наших дней столетия. Этот дивный холст — одно из сокровищ ленинградского Эрмитажа.

Поражало в портрете — небольшой, очень, казалось бы, непринужденно и легко написанной картине — необычайное внутреннее движение самых заповедных нюансов души, показанное в этом произведении — истинном шедевре мирового искусства. Совершенно своеобычен и новаторски неповторим живописный язык полотна. Художник поставил задачей передать единственный м и г сердечного состояния своей модели. Еле заметные касания кисти живописца создали ту чудодейственную, мечтательную среду, в которой так тонко и таинственно раскрыт характер совсем незнакомой для тысяч зрителей женщины. Серебристо-серые колеры, насыщенный фон лишь позволяют еще пронзительней ощутить м и м о л е т н о с т ь и жизненную правду человеческого бытия. Не парадная схема, не расхожий штамп салонной ремесленной кисти, носящий лишь приметы внешнего сходства. Бездонный по глубине лирический анализ характера человеческого, объемный по м и р о в и д е н и ю холст создал Томас Гейнсборо.

Не скрою, что понимание масштаба озарения, достигнутого английским живописцем, пришло ко мне не сразу. Помню, лишь при первом свидании с картиной меня потрясла почти не скрытая от пристального взгляда, невероятная по своей сокровенной ткани манера живописи Гейнсборо. Это была система валеров, нанесенная а-ля прим. Холст, казалось, дышал. Где-то сквозил рисунок руки, обозначенной волшебной краской, почти рядом были на первый взгляд бегущие прикосновения кисти художника — мазки дробные и, мнилось, почти хаотические. Но стоило отойти от портрета шаг-другой, как вся трепетная живописная масса обретала слитность и почти иллюзорную жизненность. Но, повторяю, как далека была эта правдоподобность от тушеванной и тупой натуралистической перечислительности, которая так иногда поражает глаз неподготовленного зрителя в творениях салонных мастеров, не мудрствующих лукаво, а держащих в своих крепких дланях кисть и муштабель и выводящих, не дрогнув, последовательно очи, перси и уста своих почти лубочных див.

Чем больше живешь на свете, чем шире ряд картин, проходящих перед твоим взором, тем все яснее и яснее проявляется одна непреложная аксиома. Как непостижимо б л и з к и, хотя, может быть, далеки по манере и по времени, разделяющему их, полотна великих мастеров. Их объединяет одна присущая всем шедеврам живописи черта — человечность, духовность, трогающая сердце каждого мало-мальски любящего искусство зрителя истина. Непостижимая, щемящая любовь больших художников к природе, к правде красоты Человека. И пусть кажется, что страшные «Слепые» Брейгеля на первый взгляд полярно отличны от венецианских красавиц Тициана. Пусть зловещий «Расстрел» Франсиско Гойи безумно далек от пленительно солнечных творений молодого Валентина Серова. Но глубочайший смысл, заложенный во всех этих столь разных картинах,— утверждение жизни, пусть через отрицание уродства у одних, в песенном утверждении бытия у других. Сила классического наследия, величие реалистической живописи в невероятной эмоциональности, энергии, вложенной замечательными художниками в борьбе за свет, красоту и правду жизни. «Искусство — это не прогулка, это борьба, это схватка»,— сказал француз Франсуа Милле. И в этой короткой фразе, написанной, казалось, весьма «мирным» художником, огромный смысл. Художник, постигающий эпоху и отражающий ее в своих картинах, не может равнодушно, бездумно, ремесленно фиксировать приметы своей эпохи. Он творит любя и ненавидя. Отрицая и утверждая. И эта его святая приверженность к поискам тайны своего времени, к постижению характера современника, к раскрытию его душевных качеств, к борьбе за светлое начало — г у м а н и з м — и есть та вечная, присущая талантам черта, которая сразу отличает салонные поделки от настоящего искусства.

Евгений **РЯБЧИКОВ**

РАССКАЗ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

ПОЕЗД В БУДУЩЕЕ

●

На Николаевском вокзале стояли под парами ярко освещенные правительственные поезда, готовые в любую минуту отправиться в путь. В то же время в отличие от роскошно сиявших поездов на Николаевском вокзале тихо и незаметно, во тьме, подошел к Цветочной площадке без единого огонька пассажирский поезд 4001. Михаил Цыганков, его комендант, осмотрел места, занятые латышскими стрелками, как и где установлены пулеметы, переговорил из вагона по телефону с паровозным машинистом и исчез во тьме — занялся проверкой охраны выходных стрелок.

На город уже опустился сырой мартовский вечер, улицы и площади тонули во тьме, когда из Смольного вышли грузовики — уезжали семьи работников Совнаркома, везли их имущество. Прежде чем направиться к Цветочной площадке, грузовики колесили по темному городу, сбивая с толку тех, кто хотел узнать, кто и куда едет. Когда же началась перегрузка вещей из грузовиков в вагоны, комиссары разъясняли любопытствующим: «Под Псков уезжают военные доктора, вот и грузят их имущество».

А в Смольном, едва ушли грузовики, во всех окнах вспыхнул свет — это была еще одна хитрость: со стороны казалось, в кабинетах, как обычно, идет напряженная работа. И, как всегда, стояли на своих местах пушки и пулеметы, правда, к ним прибавились еще броневики. Как и всю зиму, у дымных костров грелись матросы и солдаты ночных караулов.

В девятом часу вечера в кабинет Ленина вошел высохший от волнений, напряжения и бессонниц Бонч-Бруевич. Он посмотрел на часы:

— Пора, Владимир Ильич.

Вздохнув, собрав страницы рукописи, Ленин пошел на другой этаж, где жил с Надеждой Константиновной.

— Вот я и здесь, Маняша,— стараясь улыбнуться, доложил сестре Марии Ильиничне Ленин.

— Давайте сядем перед дорогой — таков старинный русский обычай,— очень серьезно сказала, не улыбаясь, не принимая шутливого тона брата, Мария Ильинична Ульянова.— Очень хороший и полезный обычай.

— Да, да, конечно,— поддержал предложение сестры Ленин и скромно примостился на краешке стула.— Сколько раз мы вот так усаживались перед дорогой... И вот снова...

В это время, стуча сапогами и гремя котелками, вошел Желтышев.

— Сидеть — это правильно, по-нашему,— одобрительно сказал Желтышев, родом из уфимских крестьян.— А перед дорогой пищу принять надо. Так положено, так заведено дедами.

Все сели, кто на чем — на стульях, в кресле. Стало тихо и печально. Занятый своими мыслями, Ленин бегло осмотрел аскетически скромную обстановку комнаты. Слева от двери стояли книжный шкаф и небольшой буфет, у стены — письменный стол, на нем — телефон, чернильница, керосиновая лампа. За перегородкой, в темной, без окон, спальне — шкаф для одежды и две простые железные кровати.

Надежда Константиновна, перехватив взгляд Ленина, осматривавшего комнату, пересела к нему поближе, положила на его руку свою и попыталась улыбнуться. Но улыбка получилась какая-то неестественная и печальная. Вот и прошли здесь четыре с лишним месяца жизни, и всё дела, дела. Целыми днями Надежда Константиновна была на работе, сначала в Выборгском районе, потом в Наркомпросе. А Владимир Ильич оставался как бы беспризорным. Правда, Желтышев приносил ему обед и хлеб — все то, что полагалось по пайку, да еще Мария Ильинична привозила иногда еду, но Надежды Константиновны не бывало дома, так что постоянной, регулярной заботы о питании Ильича не было. Но Ленин и не замечал неустроенности быта, спартанской обстановки в комнате: неприхотливый, совершенно не умевший заботиться о себе, он думал о другом — вспомнилось, как сто двадцать четыре дня назад в парике, с перевязанной щекой, словно от зубной боли, пробирался он с верным Эйно Рахья через пикеты и заслоны контрреволюции из подполья в Смольный. Смертельная опасность угрожала им на каждом шагу,— Керенский незадолго до этого, выступая в Мариинском дворце, зачитывал цитаты из «Письма к товарищам» Ленина и называл его «государственным преступником», «разыскиваемым дворянином Ульяновым» и требовал немедленно арестовать его. Для выполнения приказа в штабе Петроградского военного округа отрядили группу юнкеров под командованием подполковника Германовича — ему-то и было приказано разыскать Ленина и арестовать. Пока ищейки бросились в редакцию «Рабочий путь», Ленин в кепке, с перевязанной щекой выбрался на Сердобольскую и направился в сторону Сампсониевского проспекта. Здесь их догнал трамвай, следовавший в парк. Рахья не успел оглянуться, как Ленин взобрался на заднюю площадку прицепного вагона.

— Куда едете?— спросил он женщину-кондуктора, забыв о своем обещании ни с кем не разговаривать.

— Революцию делать, вот куда! А вообще-то в парк. Всех нас пораньше в парк загоняют по случаю революции.

Ленин радостно заулыбался: ответ кондукторши ему очень понравился.

Горький утверждал: азарт был свойством натуры Ленина. Но он не являлся корыстным азартом игрока, а обличал в Ленине ту исключительную бодрость духа, которая свойственна только человеку, непоколебимо верящему в свое призвание, человеку, который всесторонне и глубоко ощущает свою связь с миром. Азарт питает героизм, и то, как смело, веря в успех, Ленин шел через забитый войсками город в Смольный, есть высшее проявление его безмерной отваги.

В Смольном, перед подъездом, стояли автомобили и пушки, невдалеке горели костры. Строем прошли солдаты. Ленин снял с лица линялый платок, которым повязал щеку, и, оставаясь еще в парике и кепке, прошел по шумным сводчатым коридорам в комнату, где собрались члены ЦК.

— Здравствуйте, товарищи!— скрывая волнение, стараясь говорить как можно спокойнее и проще, сказал Ленин.

Так он встал у руля, повел массы на штурм Зимнего, начертал Декреты о земле и мире, и после триумфа, восторженных встреч с рабочими и с матросами, после живого ощущения рождения нового мира — этот тайный отъезд из Смольного...

Бонч-Бруевич щелкнул крышкой карманных часов:

— Пора, Владимир Ильич.

Тяжело было идти Ленину по сводчатым коридорам, прощаясь со Смольным. Он любил его, ему были дороги простые, постоянно, по-деловому гудевшие комнаты и коридоры, напряженная атмосфера боевого штаба. Теперь он шел мимо комнат, в которых горели лампы, но не было кипучей, накаленной жизни, которая не затихала здесь ни днем, ни ночью. Теперь Смольный опустел.

С Надеждой Константиновной, Марией Ильиничной и Бонч-Бруевичем Ленин вышел из Смольного, сел в автомобиль и отправился по маршруту, лежавшему в стороне от обычного пути в центр города.

Посмотрев на освещенный Смольный, Ленин тихо сказал:

— Заканчивается петроградский период деятельности нашей центральной власти. Что-то скажет нам московский?

Каждый сидевший в машине задумался: что ждет их впереди? Как встретит Москва? Как они доедут до Цветочной площадки? Не случится ли что-нибудь в дороге? Все молчали. Только слышен был гул мотора да тонкий свист ветра.

— Все ли удалось сделать?— спросил Ленин Бонч-Бруевича и внимательно выслушал его ответы.

Казалось бы, все продумано очень тщательно и умно, задания выполняют надежные люди — коммунисты, много раз проверенные в боях и в тылу. Им доверена жизнь членов ЦК, наркомов — всего правительства.

Желая отвлечься от забот, Ленин потянулся к Надежде Константиновне, когда машина вышла на Забалканский проспект, и спросил ее:

— Узнаете, товарищ Прасковья Онегина?

— Узнаю, товарищ Чхеидзе.— Надежда Константиновна вспомнила: — Двор был проходной...

К Цветочной площадке подъехали в чернильной темноте. Из мрака выросли Цыганков с комиссарами. Они осветили электрическими фонариками машину и прибывших и, направляя белые лучи на землю, а затем на вагонные подножки и тамбур, проводили Ленина, его жену и сестру в салон-вагон. Бонч-Бруевич занялся устройством прибывших, затем отправился проверять караулы, вагоны, переговорил с паровозным машинистом, выяснил, как обстоят дела на Николаевском вокзале, и наконец дал сигнал отправлять первый правительственный поезд.

Выждав время и получив сообщение о его уходе, Бонч-Бруевич дал команду отправлять поезд 4001.

Специально выделенный комиссар, приняв приказ, прошел к машинисту и занял место в тендере паровоза. Без свистков, без боя станционного колокола, в темноте, без огней, по-

---

Окончание. См. «Огонек» № 4.

езд 4001 оставил Цветочную платформу. Набирая скорость, лязгая буферами и постукивая колесами, отправился он в путь. За ним с небольшими интервалами отошли от перронов Николаевского вокзала пассажирские поезда 4002... 4003... 4004...

— Что же, мы так и будем сидеть во тьме?— не скрывая огорчения, обратился Ленин к Бонч-Бруевичу.

— Нам только бы выйти на главные пути. У нас везде электричество,— ответил, успокаивая Ленина, Бонч-Бруевич.

— Вот и хорошо!— обрадовался Владимир Ильич.— Можно будет почитать.— А думал о том, как, попив чайку, засядет за статью и за ночь напишет ее.

Бонч-Бруевич плотно зашторил окно и включил лампу. Когда же выехали на главный путь и, ускоряя ход, пошли на Любань, свет вспыхнул во всех вагонах. Но он не проникал наружу сквозь туго натянутые шторы. Принесли чай, сели за стол. Ленин шутил, и смеялся, и, видимо, был доволен четкой, чисто военной организацией переезда. Он радовался, когда перед ним и Бонч-Бруевичем то и дело вырастал начальник отряда латышских стрелков и докладывал: прошли такую-то станцию, в поезде все благополучно.

Слушая перестук колес, Ленин вспомнил, как он, сбрив усы и бороду, в старом рыжеватом пальто и темно-серой кепке, ночью, под третий удар станционного колокола уезжал из Питера в Разлив. Но отогнал воспоминания, допил чай и стал торопливо писать. Нужно и важно было говорить во весь голос, открыто, прямо, звать, убеждать, доказывать: «История человечества проделывает в наши дни один из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-освободительное — значение». Далее Ленин писал: «...неудивительно, что на самых крутых пунктах столь крутого поворота, когда кругом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в неописуемых муках рождается новое, кое у кого кружится голова, кое-кем овладевает отчаяние, кое-кто ищет спасения от слишком горькой подчас действительности под сенью красивой, увлекательной фразы».

Такова была обстановка, такова была расстановка сил. Ареной революционной борьбы, невиданной по размаху и глубине охвата масс, стала Россия. Именно ей пришлось «особенно остро и мучительно переживать наиболее крутые из крутых изломов истории, поворачивающих от империализма к коммунистической революции», именно здесь «к свободе и к самостоятельной жизни» подняты «самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс. Мы ввели и упрочили Советскую республику, новый тип государства... Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран». Революционная Россия бросила вызов империалистическим хищникам всех стран, и в ответ вооруженный до зубов империалистический хищник напал на безоружных.



Обрисовав тяжелейшее положение в молодой Республике Советов, Ленин честно отметил: «Не надо самообманов. Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде». Враги кричат, твердят, уверяют, будто Россия в тупике, идет к гибели. Но это «неправда, будто у нас нет выхода»,— возмущенно писал Ленин и высказал все, что думал о спасении великого дела, что надо делать: «идти вперед... не падая духом от поражений, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, всеобщего учета и контроля за производством и распределением продуктов — таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической». Тогда Русь будет могучей, обильной и счастливой.

Поезд не раз останавливался, и тогда латышским стрелкам приходилось то разоружать пьяных дезертиров, остановивших литерный 4001, то направлять пулеметы на анархиствующих матросов, рвавшихся в вагоны подошедшего поезда. Михаил Цыганков, в бушлате и бескозырке с лентами, брал из охраны стрелков и с ними шел «разговаривать» с эсерами-железнодорожниками, мешавшими грузить дрова, брать воду, менять паровозы. Но ему редко приходилось повышать голос: местные коммунисты, комиссары своими силами наводили порядок и стремились обеспечивать беспрепятственное движение поезда специального назначения.

Под утро Ленин заставил себя уснуть, а пробудившись, после чая и доклада Бонч-Бруевича вновь принялся за статью. Иногда он подходил к окну, приоткрывал штору и видел снежные пустыни, заметенные снегом соломенные крыши деревень, разбитые и проржавевшие в тупиках и на разъездах паровозы и вагоны, мертвые депо и цехи. Казалось, поезд шел по вымершей земле.

Миновали Тверь. Старый машинист Батуров хотел было снять форменную фуражку, чтобы перекреститься, воздать хвалу богу — пронесло, проехали,— но так и не снял. Ленин-то в бога не верит, Ленин верит в него, в Батурова, в кочегара, в латышских стрелков, верит в народ.

Машинист внимательно всматривался в снежную даль, прорезанную чернотой рельсового пути. Смотреть! Смотреть! Ведь кто-то недавно затащил на рельсы дровни и бросил их. Быть бы беде, да увидел вовремя. Ненадолго отрываясь от окна, машинист поглядывал на манометр и водомерное стекло, освещенное коптилкой, и командовал кочегару:

— Подкинь... Качни...

Кочегар или помощник машиниста посменно бросали с силой в топку метровые поленья, пускали инжектор и слушали, как заводил он свою тягучую песню.

Под стук колес Ленин писал программную статью.

— Пора, Владимир Ильич,— послышался голос Бонч-Бруевича.— Москва.

Опять нужно было собирать недописанные страницы и готовиться к выходу из вагона.

В темноте, миновав неосвещенные входные стрелки, гулко дохнув клубами пара, литерный 4001 остановился под шатром московского вокзала.

Из вагонов вышли народные комиссары, показался Ленин. Проходя мимо паровоза, он поднял голову и поблагодарил всех, кто стоял на площадке паровоза: «Спасибо, товарищи!» А его уже окружили встречавшие москвичи, и тут же, на ходу, началась деловая беседа о трудном положении в новой столице и на фронтах. С Надеждой Константиновной Ленин поехал в гостиницу «Националь». «Националь» был превращен в первый Дом Советов, в штаб.

Пока ехали по темной заснеженной Москве, Ленин внимательно смотрел по сторонам: какова Москва сегодня? Как она выглядит? Как живет? То, что охватывал взор, могло лишь огорчать и тревожить. По промерзшей Мясницкой полз грузовой трамвай с дровами. На них сидели беспризорники. У закрытых на ночь магазинов стояли мрачные, молчаливые очереди. На перекрестках пылали костры патрульных отрядов.

Миновали Лубянку, замерзший фонтан на ней и стали спускаться под гору. Шофер тормозил, чтобы не понесло машину по обледенелой дороге. Ленин обратил внимание Надежды Константиновны на смутно видневшийся в мартовских сумерках Большой театр и грустно вздохнул. Он любил театр и мечтал о нем, но подумал: в Большом театре, в центре Москвы, вблизи Кремля, и нужно проводить съезд Советов,— лучшего места в столице не найти.

Автомобиль уже был в Охотном ряду. В темных от гари и копоти сугробах тонули магазинчики и ларьки, облепленные старыми аршинными вывесками и рекламами. Справа лежала узкая, горбатая и темная Тверская. На ее углу высилось все в архитектурных виньетках здание гостиницы «Националь». И здесь, как и в Смольном, стоял у входа патруль, темнели расчехленные пулеметы. В вестибюле тоже толпились солдаты и матросы, ходоки из деревень, чиновники. Все чадили махоркой и так громко разговаривали, что стоял сплошной гул. С руководителями МК и Моссовета Ленин поднялся на третий этаж и шагнул в номер 107/9.

Не давая себе передышки, Ленин сразу приступил к работе: ему и встречавшим его товарищам крайне важно было сейчас же, без промедления обсудить неотложные вопросы. Ничего радостного — только трудности и горе. Нехватка хлеба, дров и патронов. К тому же саботаж чиновников. Стреляют из-за угла. Разруха... А как настроение у рабочих и солдат? С кем студенты? Интеллигенция? Как охраняются ценности в Кремле? В каком состоянии золотой и алмазный фонд? Какова цель приезда в Москву посланца президента США Вудро Вильсона? Кто обучает бойцов Красной гвардии? Вопросы, вопросы, вопросы...

Беседа затянулась. Ленин с беспокойством посмотрел на часы: успеет ли он дописать статью для выходящего утром номера газеты?

Товарищи вышли из комнаты, и Ленин принялся дописывать статью. Он перечитывал ее, вносил правку и уточнения; наконец, поставил точку и, передав рукопись редакционному курьеру, скрестил на груди руки. Но быстро разжал их и вцепился пальцами в жилет. Да! Минуточку... Ленин позвонил в редакцию: статью он отправил, просил повнимательнее вычитать корректуру и в случае чего обязательно позвонить ему.

— А где же товарищи?— закончив разговор с редакцией, спросил Владимир Ильич Надежду Константиновну.— Зови, зови всех — масса важнейших, интереснейших и неотложнейших вопросов!

Вновь стало шумно и тесно в небольшом двухкомнатном номере. Бурно заговорили о Брестском мире и предстоявшем съезде Советов, о нехватке хлеба и состоянии памятников старины. В разгар беседы выяснилась курьезная история. Оказывается, Москва с губернией обзавелись своим Совнаркомом, и настолько солидным, что в нем есть свой комиссар иностранных дел. Ленин весело всплеснул руками и захохотал.

— Это же явная нелепость,— принялся вышучивать он инициаторов создания «удельного княжества».— Скорее, как можно скорее нужно ликвидировать эту нелепость!

После бурных разговоров Ленин проводил товарищей, позвонил по телефону в типографию. Дежурный редактор, волнуясь, глотая слова, сказал: статья замечательная, наборщики собираются, обсуждают и очень одобряют. При этом дежурный редактор сообщил: после утреннего выпуска обязательно должен быть дополнительный, специальный, чтобы как можно больше людей прочитали статью-программу.

Дав отбой и повесив трубку, Ленин, возбужденный переездом, беседами, статьей, не мог еще успокоиться. А нужно было думать о плане завтрашнего дня — первого дня жизни и работы в новой столице. Прежде всего осмотр Москвы. Как она выглядит после баррикадных боев? Где нужно в первую очередь снести лачуги, бараки и казармы для рабочих? Как перепланировать центр?

После осмотра Москвы — в Кремль! В каком он состоянии после схваток с юнкерами? Необходимо срочно и как можно точнее выяснить, где и как будут размещены правительственные учреждения. После Кремля — выступление в Моссовете, затем встреча с военачальниками, и, наконец, нужно хорошо продумать беседу с американским полковником Р. Робинсом, прибывшим в Москву вручить обращение от имени президента США Вудро Вильсона. Что это за обращение? Кто такой Робинс? Не кроется ли за всем этим коварная уловка, не желает ли президент США под личиной миротворца сорвать мирный договор с Германией и натравить нас продолжить войну?

...Ленин выключил лампочку и лег спать.

Проснулся он от яркого света: утро 12 марта выдалось на редкость солнечным, теплым и порадовало звонком из редакции: успех статьи огромный, ее читают и перечитывают, обсуждают, в редакцию звонят с заводов и фабрик; стихийно возникают митинги, поддерживают ленинскую статью-программу. Тут же появился и курьер из «Известий». Вручая Владимиру Ильичу свежий, пахнущий типографской краской номер газеты, он с гордостью сказал:

— Рабочие типографии очень довольны, и я доволен,— слава богу, наконец-то все прояснилось, жить и бороться, сражаться за коммунизм охота. Вот так, товарищ Ленин. Спасибо вам, и мы желаем вам доброго здравьица. На нас можете положиться.

Ленин поблагодарил курьера, быстро прочитал газету и с облегчением вздохнул: все напечатано правильно.

В это время позвонили из Московского комитета партии: статью обсуждают на заводах, в казармах, идут митинги и собрания, везде беснуются меньшевики и эсеры — крепкий получили они удар.

Повесив трубку, Ленин продолжил разговор с Надеждой Константиновной.

— Сейчас мы,— сказал он, весело улыбнувшись,— поедем с Владимиром Дмитриевичем осматривать Москву, а затем в Кремль.

Вышли из «Националя» в весну, в разлив тепла и света. Все таяло, звонко пела капель. Ленин прищурился, посмотрел на небо и сел в машину. Он находился в прекрасном настроении, шутил, вспоминал, как приезжал в разные годы в Москву, и размечтался, какой она будет прекрасной, новая, советская Москва!

Осматривая город, Ленин мысленно представлял себе Москву будущего. С чего нужно начинать переустройство ее окраин, да так, чтобы в новой столице их не было, чтобы все районы доставляли радость москвичам? Думалось и о создании творений монументального искусства, чтобы на площадях и улицах поднялись памятники и скульптурные группы в честь выдающихся борцов за народное счастье.

Примерно в полдень машина круто повернула в Кремль и вошла в Троицкие ворота.

— Вот он, Кремль! Как давно я не видел его!— в задумчивости, тихо произнес Ленин.

Весеннее солнце заливало ярким светом золотые главы соборов, и все в Кремле выглядело бы празднично, не будь бесконечных следов битв с юнкерами. Вознесенский монастырь, постройки Чудова монастыря, одна из кремлевских башен стояли в ранах от артиллерийского огня. У стен, на площадях, в углах и закоулках чернела непролазная грязь, в которой тонули пуки соломы и сена, конский навоз и рогожи, а над ними высились брошенные пушки, обломки фур и телег. Видя такое запустение, Ленин отдал распоряжение очистить Кремль от мусора и хлама, навести в нем образцовые чистоту и порядок.

Затем Владимир Ильич занялся осмотром зданий, в которых должны разместиться правительственные учреждения, выяснял, насколько удобно будут расположены наиболее важные оперативные отделы и как будут они обеспечены надежной связью со всей Москвой и страной. Новый поток вопросов: сохранились ли сокровища дворцов, Грановитой и Оружейной палат? Кто и как охраняет их? Очень обрадовался, узнав, что все драгоценности целы, и приказал немедленно усилить охрану.

Поразительно неугомонному, выносливому коренастому человеку важно было все видеть самому и самому все знать. Его уговаривали не подниматься на кремлевскую стену, но он поднялся и не спеша прошел по ней, да к тому же не один раз, а дважды. Он останавливался около башен и расспрашивал об их состоянии, выяснял, что необходимо сделать для реставрации, и тут же отдавал точные и ясные распоряжения о сохранении исторической крепости.

Закинув за спину руки, Ленин остановился и в задумчивости долго смотрел на замерзшую Москву-реку и на почерневшие от дымов и копоти строения Замоскворечья. Потом долго смотрел на занесенный снегами Пашков дом и, судя по его вопросам, думал о создании в нем огромной библиотеки — для всей страны. Двойной марш по зубчатой стене, возможно, нужен был Ленину, чтобы собраться с мыслями, подумать о предстоявшем выступлении в Моссовете — о первом выступлении в Москве как главы правительства.

Остановившись около Спасской башни и вскинув голову, Ленин посмотрел на золотой царский орел, венчавший башню, на огромные бездействовавшие часы и спросил, почему молчат куранты. Почему стоят часы? Что нужно сделать, чтобы они пришли в движение?

Слушая ответы Бонч-Бруевича и только что назначенного комендантом Кремля Малькова, Ленин распорядился:

— Немедленно поднять над Кремлем красное знамя революции.

Ленин заехал в Дом Советов — в «Националь»,— а затем направился в Моссовет.

Он вошел в зал полный сил и энергии, напористый, крепкий, ошеломив всех своей простой и откровенной речью. Он не строил никаких иллюзий, не прибегал к громким словам — говорил только правду, горькую, обнаженную, ранящую сердца правду. Зал вмиг убедился: Ленину ведомо все — и ужасающее положение на фронтах, и развал промышленности, и нехватка хлеба, патронов, дров, угля, оружия, активизация вражеского подполья, и панические настроения среди служилого люда и части интеллигенции,— он знал все. Зато как засветились его глаза, как расцвело в улыбке лицо и в порыве взметнулась рука, когда, чуть картавя и громко, так, чтобы слышно было каждое слово, сказал: в глубине народных масс идет процесс созидания, накопления энергии, дисциплины, который даст нам твердость вынести все удары.

И тут вспыхнули такие аплодисменты, что их не могли заглушить даже громовые крики «ура». Люди распрямляли плечи, поднимались, тянулись к Ленину. А он, вождь, простой и скромный, стоял в окружении депутатов и отвечал на их вопросы, давал советы, и от него словно излучались тепло, и свет, и сила.

Было уже совсем темно, когда Ленин, взволнованный выступлением, вернулся в «Националь». У входа, как и в Смольном, стояли патрули. В нижнем вестибюле толпились солдаты в потертых фронтовых шинелях и матросы в черных бушлатах. В лицо пахнуло махоркой, дегтем от сапог и ружейным маслом. Здороваясь с солдатами, матросами и ходоками, Ленин поднялся в свой 107/9 номер. Его ждали члены ЦК и МК, делегации от рабочих, кипы фронтовых телеграмм и писем...

Было совсем поздно, когда опустел гостиничный номер, и Ленин, устало посмотрев на Надежду Константиновну, мягко успокаивая ее, сказал:

— Отдыхай, отдыхай, а я еще немного займусь. Все будет хорошо.

Ленин посмотрел на часы, пожал плечами и усмехнулся: неужели прошли уже сутки с того часа, когда литерный 4001 вошел под шатер московского вокзала?

СЛУЖЕНИЕ ТЕАТРУ

Каждый раз, когда в Азербайджанском государственном академическом театре драмы имени М. Азизбекова показывают «Бесприданницу» А. Островского, в зале не бывает свободных мест. Зрители идут на встречу с шедевром русской классики и любимой актрисой — Амалией Панаховой, исполняющей в этом спектакле главную роль. Спешат на свидание с ведущей артисткой труппы, создающей удивительно одухотворенный образ Ларисы, для которой высокие нравственные начала в жизни превыше всего.

Неожиданные встречи всегда дарят радость открытий. Двадцать лет назад режиссер Тофик Кязимов пригласил студентку второго курса театрального института Амалию Панахову сыграть главную роль в пьесе Ильяса Эфендиева «Ты всегда со мной». Режиссер рисковал, но он не ошибся. Образ Наргили, блестяще сыгранный восемнадцатилетней актрисой, стал точкой отсчета в ее творческой биографии.

Наверное, нелегко было утвердиться в театре рядом с такими замечательными мастерами, как народная артистка СССР Марзия Давудова, народные артистки республики Сона Гаджиева, Фатьма Гадри и другие. Амалия жадно училась у них, оставаясь, однако, самой собой. Не подражая никому, она искала собственный стиль, открывая для себя новые тропинки. В своем творческом поиске и самоутверждении она не знала ни оглядок, ни передышек. Остановиться — означало бы сделать шаг назад. Это не в ее характере.

В репертуаре актрисы, творчество которой отмечено Государственной премией Азербайджана и премией Ленинского комсомола республики, высоким званием заслуженной артистки Азербайджана,— Офелия в «Гамлете» В. Шекспира, Луиза в «Коварстве и любви» Ф. Шиллера, заглавная роль в «Медее» Ж. Ануя и многие другие...

В поисках ответа на вопрос, в чем же все-таки своеобразие таланта Амалии Панаховой, я обратился к мастерам культуры нашей страны.

Мирза Ибрагимов, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, народный писатель Азербайджана:

— Амалия живет на сцене радостями и огорчениями своих героев. Она, как говорят, актриса с головы до пят. Наблюдая за ней, я многократно ловил себя на мысли, что ее творчество сродни изящной скульптуре, в которой все гармонично и просто.

Ильяс Эфендиев, народный писатель Азербайджана:

— Эта актриса занята во многих моих пьесах, идущих на сцене главного национального театра республики. Я не перестаю удивляться ее таланту и вдохновению, самоотдаче и самодисциплине. Обладая высокой сценической культурой, она очень тонко и точно чувствует замысел автора, передает все оттенки образа. Главные женские роли я всегда пишу для нее.

Рачья Капланян, режиссер, народный артист СССР:

— С ней работается легко. Уже при читке пьесы возникает взаимопонимание. А это значит многое. Так было несколько лет назад, когда мне довелось ставить в Баку пьесу с участием Амалии Панаховой и посмотреть несколько спектаклей, в которых она была занята. Она создает образы своих героинь подобно живописцу, тонко чувствующему цвета и полутона. От внутренней логики прокладывает мостики к правде характера, мягко и незаметно сменяя ритмы, настроение, тембр голоса, гармонию чувств, идя от простого к сложному и наоборот...

Амалия Панахова, как единодушно считают критики,— неординарное явление в азербайджанском сценическом искусстве. Универсальность и многоплановость позволяют ей с высоким художественным напряжением создавать полярные образы — трагические, комические, романтические...

Она живет и работает по принципу: служенье муз не терпит суеты. Для нее праздники и будни слились в одно многозначное и неразделимое понятие — театр. И телевидение и кино стали для нее родными сестрами музы, которая позволяет ей поведать зрителям то сокровенное, что волнует наших современников сегодня. Вслед за этапной работой в театре, где она рельефно вылепила образ азербайджанской поэтессы Хуршудбану Натаван, Амалия предстала на телевидении в роли Асель из повести «Тополек мой в красной косынке» Чингиза Айтматова. Много радости принес Амалии Панаховой и ее поклонникам кинематограф. Съемки в пятнадцати художественных фильмах позволили открыть новые грани ее дарования.



— Моя мечта,— говорит она,— сыграть в родном театре трагедийную роль эпохи древней Эллады или времен Шекспира. Именно в ней, по моему глубокому убеждению, заложена вся палитра актерских возможностей...

Г. ПОГОСОВ

Баку.

К 80-ЛЕТИЮ МИХАИЛА СОКОЛОВА

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Трудно сказать, когда запала в сердце молодого литератора Михаила Соколова благороднейшая и дерзновенная идея написать роман о русской революции, положившей начало новой эре человечества, показать образ Владимира Ильича Ленина.

Холодный декабрьский день 1921 года. Группа курсантов Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова получила единственный гостевой билет на открытие IX Всероссийского съезда Советов. Желающих идти в Большой театр не перечтешь, а билет один... И все знают: с Отчетным докладом ВЦИК и СНК будет выступать товарищ Ленин.

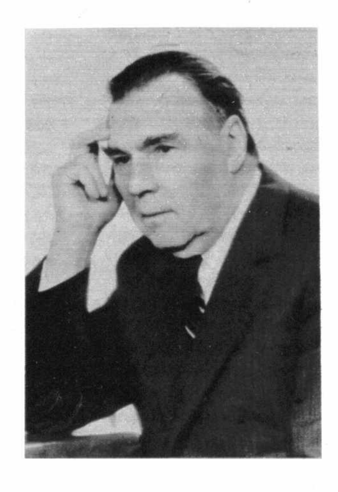
Курсанты плотно окружили преподавательницу, принесшую билет. И вдруг чей-то зычный голос:

— Тянуть жребий!

Счастливый билет вытащил он, Михаил Соколов, посланец сулинских металлургов, семнадцатилетний член партии.

...И вот Большой театр. Он и сейчас отлично помнит: третий ярус, восьмая ложа. Более часа он видел и слышал Ленина. Этот великий час озарил всю его жизнь.

По окончании Коммунистического университета имени Свердлова



Михаил Соколов на партийной работе — сперва в Туркестане, затем на Северном Кавказе. Годы учебы в инженерно-экономическом институте. Ко времени его окончания, в степи, за родным городом, запущен «Ростсельмаш». Соколов становится там старшим инженером.

И тут начинается то заветное, задуманное еще в ранней юности. Появляются первые главы романа «Искры», над которым Михаил Дмитриевич работает годы, десятилетия...

Ему повезло: Горький и Шолохов, которым Соколов послал сравнительно небольшую рукопись, откликнулись, поддержали.

Явственнее и зримее обрисовывались главные герои этого большого, многопланового произведения, обрастали живой плотью. В их жилах текла беспокойная, горячая кровь.

В 1951 году за первые две книги романа М. Д. Соколову была присуждена Государственная премия СССР. В последующие годы вышли третья и четвертая книги.

Последнее десятилетие в творческой жизни писателя ознаменовалось еще одним значительным произведением — романом «Грозное лето», воскрешающим страницы первой мировой войны, а еще точнее — трагические события лета 1914 года на русско-германском фронте в Восточной Пруссии.

Невольно поражаешься объему исследовательской работы, которую провел М. Соколов. В романе читатели вновь встречаются со столь дорогим для нас образом Владимира Ильича Ленина.

«Грозное лето» вбирает в свою широкую орбиту многих действующих лиц. Тут и герои подлинные и вымышленные персонажи. Причем динамичное движение эпопеи последовательно утверждает основную мысль произведения: в трагедии, которую потерпела русская армия в Восточной Пруссии в августе 1914 года, повинны не русские солдаты, а царская камарилья, прогнивший и продажный генералитет самодержавия.

На их фоне выделяется яркий образ талантливого военачальника, преданного своей родине и своему народу, любимца солдат генерала Самсонова. Запоминаются также среди положительных героев романа донские казаки — патриоты Орловы, простые русские женщины, для каждой из которых автор нашел свои точные и неповторимые краски.

Михаилу Дмитриевичу Соколову исполнилось восемьдесят лет. Но он по-прежнему полон энергии и творческих замыслов, по-прежнему остается активным общественным деятелем. Около двадцати лет писатель был главным редактором журнала «Дон», многие годы является председателем Ростовского областного комитета защиты мира.

...Как-то, выступая со статьей о творчестве М. Соколова, писательница Галина Серебрякова писала: «Груз лет каждый несет посвоему. Иной смолоду душевно дряхлеет, а другой набирает силу. Мастерство приходит со временем, вместе с опытом — этой опорой ума и таланта. У писателя два возраста: метрический и творческий».

М. АНДРИАСОВ

Ростов-на-Дону.

КРАЖА В БЕЛОМ ДОМЕ

Сергей ЛОСЕВ,
Виталий ПЕТРУСЕНКО

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

■

ЯВЛЕНИЕ МИСТЕРА КЕЙСИ НАРОДУ

Крупнейший знаток американской партийной политики, публицист и историк Теодор Уайт пишет: «Президенты Соединенных Штатов не могут иметь друзей, исключение составляют лишь нужные им люди; готовясь к новой борьбе за власть, Рейган особенно отличился в растасовке своих «политических друзей» на нужных ему и тех, кто способен был доставить ему хлопоты». Представители последней категории, несмотря на все их прежние заслуги, изгонялись — с шумом или потихоньку. Среди них был и руководитель предвыборного аппарата, чуть было не обеспечивший ему победу в Канзас-Сити, Джон Сирс. О нем пишут, что он был отменнейший интриган, властолюбец, грозивший полностью подчинить своему влиянию претендента. Под его давлением из окружения Рейгана как пробки начали вылетать ультраконсерваторы. Но что тут особенного, если учесть, что, кроме таковых, в этом окружении никого и не было. Он их изгонял якобы за некомпетентность, но в кругах реакции поднялся вой. И вот зимой 1980 года неожиданно и драматически, в день первых «праймериз», проходивших в штате Нью-Гэмпшир, Сирсу указали на дверь.

Двумя неделями ранее сразу же при выезде из Нью-Гэмпшира в неприметном мотеле «Холиди инн» в штате Массачусетс проходил глубоко законспирированный сговор. Рейган, его жена и три ближайших советника знакомились с прибывшим из Нью-Йорка адвокатом с Уолл-стрита Уильямом (Биллом) Кейси. Ему предложили место руководителя предвыборной кампании. 66-летний миллионер Кейси отлично знал, что с марта по ноябрь 1980 года это будет самое хлопотное занятие в Америке, что угодить претенденту и его людям будет не так просто. Но он принял предложение, выдвинув такое условие: ему должен быть отдан контроль над бюджетом, управлением и операциями. На том и ударили по рукам.

По неписаной традиции американской политики руководитель предвыборной кампании победителя на президентских выборах играет важную роль в правительственных делах в последующие годы. Здесь надо искать и подоплеку согласия Кейси сменить размеренную жизнь преуспевающего юриста с 6 миллионами долларов в банке на многомесячные скитания кочевника, расставляющего необъятные сети, чтобы улов избирателей в пользу бывшего голливудского актера перевешивал улов картеровской президентской команды.

До сих пор неясно, почему выбор на роль артельного рейгановской «рыболовецкой» команды пал на Кейси. Конечно, это был низкий реверанс Уолл-стриту, банковскому центру восточной части страны и громкая декларация, что претендент будет верой и правдой служить магнатам не только Запада и Юга, но и Востока. В какой-то мере выбор Кейси служил перекидным мостиком между ультраправыми и теми, кто в 1968 и 1972 годах дал большинство голосов Никсону. И все же назначение Кейси, у которого отсутствовал организаторский опыт ведения общенациональных кампаний, до сих пор интригует исследователей американской политической жизни.

К моменту появления его в укромном мотеле «Холиди инн» на границе штатов Нью-Гэмпшир и Массачусетс в биографии Уильяма Кейси наряду с открытыми страницами были и темные пятна, сохранявшиеся в тайне, по крайней мере от общественности. Не исключено, что его новые работодатели знали о них, широкая же публика услышала о некоторых проделках руководителя предвыборной кампании, заслужившего в качестве награды за мастерски проведенный отлов голосов кресло директора Центрального разведывательного управления (ЦРУ), уже после получения им этого, одного из самых влиятельных постов в правительстве.

* * *

Жизнеописание Кейси удовольствия особого не доставляет, тем не менее оно необходимо, если учесть центральную роль, которую он, по утверждению американской прессы, радио и телевидения, сыграл в истории ограбления Картера.

Уильям Джозеф Кейси родился в Нью-Йорке; в старших классах школы он получил прозвище «Циклон» за вспыльчивый характер и буйный темперамент. В Фордхэмском университете, принадлежащем иезуитам, его, помимо прочего, учили владеть собой и воздействовать на других. В 1938 году он получил право адвокатской практики в Нью-Йорке. Во время второй мировой войны бывший адвокат, генерал Уильям Донован взял его в разведку и в 29 лет назначил начальником особо секретного отдела Управления стратегических служб. Находясь в Лондоне и располагая несколькими сотнями человек, Кейси направлял в Германию и Францию отряды по сбору разведывательных данных и проведению саботажа. Злые языки в Америке утверждают, что многие спланированные Кейси операции за линией фронта закончились плачевно для их участников, но тем не менее за «Циклоном» укрепилась репутация «непревзойденного разведчика». Такой «мандат» пришелся весьма кстати спустя много лет, когда решался вопрос о том, как отблагодарить Кейси за все, что он сделал для победы республиканского кандидата на президентских выборах.

К тому же Кейси вместе с другими ответственными сотрудниками Управления стратегических служб, прекратившего существование с окончанием войны, добивался создания в 40-х годах ЦРУ. «Циклон», забыв советы иезуитов, проявил свой необузданный темперамент, изничтожая тех, кто доказывал, что в мирное время ЦРУ должно ограничиться сбором и анализом разведданных. Саботаж, террор, тайные подрывные операции — одним словом, «грязные трюки» — вот что должно составлять основу основ деятельности ЦРУ, доказывал он. Так зачиналась история кровавых авантюр, изощренных провокаций, убийств, государственных переворотов, необъявленных войн. Патенты на многие «грязные трюки» получил и сам Кейси. Он же занялся их внедрением, обзаведясь «крышей» — консультанта по проблемам плана Маршалла: его реноме здесь зиждилось на жажде уничтожить коммунистические и социалистические партии Западной Европы.

Одновременно выученик иезуитов вступил на путь бизнеса. Он обзавелся юридической практикой на Уолл-стрите, читал лекции в нью-йоркском институте федеральных налогов, начал 17-летнее, весьма прибыльное для себя сотрудничество с институтом планирования бизнеса, являющимся дочерней компанией издательского концерна «Прентис-Холл». Здесь он написал более 30 памфлетов — поучений для деловых людей. К примеру, «Как управляющему нажить и сохранить богатство» или «Как раздобыть деньги, чтобы делать деньги» и т. п. В 1966 году после неудачной попытки получить место в конгрессе США Кейси похвастался по поводу памфлетов: «На этом бизнесе я заработал столько денег, сколько не потратит при моей жизни вся моя семья».

Правда, однажды вышла накладка. Один из внештатных авторов обвинил его в плагиате. Темпераментный «Циклон» пригрозил «набить морду» внештатнику и его адвокату, когда те пообещали написать памфлет-поучение «Как не следует делать деньги». Кейси «убедил» судью закрыть дело, опечатать бумаги, ибо ему, дескать, было жалко выставлять на посмешище своих подчиненных, которые якобы и были повинны в совершении плагиата.

В 1960 году Кейси возглавил одну из исследовательских групп по вопросам внешней политики вице-президента Никсона, добивавшегося избрания президентом. Он же был одним из многих составителей речей Никсона и жертвователей в сейфы республиканской партии. Через 11 лет президент Никсон назначил Кейси председателем федеральной комиссии по контролю над ценными бумагами. На слушаниях в сенате, посвященных утверждению его кандидатуры, вскрылось несколько случаев, мягко говоря, небезупречного ведения им бизнеса. Например, будучи председателем совета директоров небольшой компьютерной компании «Эдвансмент дивайсиз», он давал о ней потенциальным акционерам заведомо искаженную информацию, стараясь выкачать из них деньги путем обмана, заверяя, будто компания стоит на пороге превращения в «крупнейший концерн Америки, в многомиллиардный бизнес». В другой раз, организуя слияние двух компаний, он надул одну из них относительно истинного капитала другой и, чтобы скрыть это, добился оформления сделки не в Калифорнии, как полагалось, а в Луизиане. Хотя законодатели утвердили на должность главы комиссии кандидатуру Кейси, председатель объединенной экономической комиссии конгресса, сенатор У. Проксмайер, голосовавший против этого назначения, заявил: «Кейси обходил углы, когда он полагал, что это необходимо для приумножения его прибылей. Его личное богатство построено на сомнительных сделках и махинациях, на убытках, понесенных его клиентами».

Комбинаторские способности «Циклона» расцвели пышным цветом в комиссии по контролю над ценными бумагами. Приведем лишь два примера. Компания «Интернэшнл телефон энд телеграф» (ИТТ) сдала 34 ящика своих внутренних документов комиссии. Когда конгресс запросил эти документы, рассчитывая отыскать в них следы сделки между ИТТ и Белым домом (в знак «признательности» за 400 тысяч долларов на проведение съезда республиканской партии 1972 года правительство не возбудило против ИТТ иска за нарушение антитрестовских законов), Кейси в самый последний момент приказал перевезти эти ящики в министерство юстиции. Это было сделано вопреки воле министра юстиции Джона Митчелла и его заместителей, Кейси все свалил на них, что вызвало впоследствии громкий

Продолжение. См. «Огонек» № 4.

скандал. В другой раз Кейси сделал все возможное, чтобы замять крупные пожертвования в фонд республиканской партии от бизнесмена Роберта Веско, нажившего многомиллионное состояние на надувательстве своих партнеров, нелегальном бизнесе, неуплате налогов и вскоре бежавшего от тюрьмы из США в Латинскую Америку.

Свою карьеру в правительстве Кейси продолжил на постах заместителя государственного секретаря по экономическим делам и президента Экспортно-импортного банка. Затем последовали возвращение к юридической практике на Уолл-стрите и новое хобби — пропаганда ультраконсервативных идей всеми доступными средствами.

* * *

Кейси стал одним из директоров—основателей «Информационного центра национальной стратегии» со штаб-квартирами в Нью-Йорке и Вашингтоне, задуманного как важное звено в цепи реакционных организаций («Комитет по существующей опасности», «Комитет за сохранение свободного конгресса», «Центр стратегических и международных исследований» и др.), которые призваны были изгнать из внешней политики Вашингтона всякие намеки на трезвомыслие и сдержанность, усилить давление на правительство и конгресс в пользу астрономических расходов на вооружения. Нет нужды доказывать, что кумиром рыцарей антиразрядки был Рейган. Особенно усердствовал в Консультативном совете «Информационного центра» мультимиллионер Дж. Корс, владелец четвертой по размеру в США пивоваренной компании, обслуживающей западные штаты. Корс жертвовал сотни тысяч долларов на борьбу против разрядки, превращаясь, как писал один журнал, в «якорь правых взглядов на западе страны». От этих взглядов на версту пахло войной. Как уверял американцев еще один идеолог «ястребов», член Консультативного совета «Информационного центра», бывший заместитель государственного секретаря Ю. Ростоу, «мы живем скорее в предвоенной обстановке, нежели в послевоенном мире».

Кейси использовал «Информационный центр национальной стратегии» не только для издания человеконенавистнической литературы, которую стряпали пропагандисты ЦРУ, он тряс толстосумов, призывая их распрощаться с солидными пачками банкнотов на выдумку, от которой те в восторге таращили глаза: в 200 американских университетах и колледжах Кейси создавал кафедры и профессорские должности по сотворенному им предмету «Разведка и национальная безопасность».

«Циклон» прибирал к рукам также опекунский совет «Национального центра исследования разведки» в Вашингтоне, расшаркивавшегося перед публикой как «бесприбыльный, просветительный институт», существующий лишь для «улучшения общественной поддержки» разведывательного аппарата США. В него вошли бывшие правительственные специалисты по разведке, национальной безопасности, обороне и внешней политике. Кейси позаботился, чтобы «Национальный центр» стал пристанищем для отставников с махрово реакционными взглядами.

Служа администрации Никсона и занимая, в частности, пост заместителя государственного секретаря у Г. Киссинджера, Кейси скрывал свое истинное, отрицательное, отношение к разрядке. Но при первом же удобном случае начал поносить ее и рушить. Он разработал целую стратегию борьбы с разрядкой, войдя в совет директоров возникшей в мае 1975 года в Вашингтоне «Ассоциации офицеров разведки в отставке». «Ассоциация» объявила войну двум комиссиям конгресса (в сенате и палате представителей), начавшим «изучение деятельности разведывательных органов». Хотя поводом для этого послужили разоблачения кровавых заговоров ЦРУ за границей, убийств иностранных лидеров, использование наркотических средств для изменения умственной и психической деятельности людей и других противозаконных деяний внутри США и за границей, члены «Ассоциации» во главе с Кейси возлагали «вину» за расследования и разоблачения на «разрядку, ослепившую законодателей».

Во главе «Ассоциации» стоял Дэвид Филлипс — матерый диверсант, подозреваемый в соучастии в организации «преступления века» — убийства президента Джона Кеннеди. Вопрос об убийстве Джона Кеннеди и возможной причастности к этому агентов ЦРУ встал и перед работавшей тогда же во главе с вице-президентом Нельсоном Рокфеллером комиссией по расследованию деятельности ЦРУ внутри США. Членом комиссии был друг Рокфеллера по памятному им обоим съезду в Майами-бич бывший калифорнийский губернатор Рейган. Вдвоем они сделали все, чтобы «ересь» о причастности ЦРУ к убийству президента Джона Кеннеди была похоронена на страницах доклада комиссии Рокфеллера. К этому приложили руку Кейси, Филлипс и другие руководители «Ассоциации офицеров разведки в отставке». В отличие от комиссий конгресса у них существовало полное взаимопонимание с рокфеллеровской комиссией, которая билась только над тем, как повернуть слушания на пользу «разведывательному сообществу», укрепить его в угоду имперским интересам США. Силы реакции были уверены, что их представитель — Рейган не допустит никаких ущемлений «рыцарей плаща и кинжала». Соответствующие идеи по настоянию рейгановцев были заложены через год и в программе республиканской партии на съезде в Канзас-Сити.

«Разведывательное сообщество» США и Кейси испытывали взаимное притяжение. Его ввели в комиссию, созданную президентом Дж. Фордом для перестройки организационных начал во внешнеполитической деятельности правительства США; здесь он увидел для себя золотую жилу в подкомиссии по перестройке разведывательных ведомств. После объявленной в 1976 году реформы управления разведорганами Дж. Форд назначил Кейси членом престижнейшего органа — Консультативного совета при президенте по вопросам разведывательной деятельности за границей. По общему мнению, трамплином для такого назначения послужило шестилетнее пребывание Кейси на постах президента и председателя исполкома пресловутого «Международного комитета спасения» — филиала ЦРУ, занятого травлей демократов в неоколониальных владениях США.

Погружаясь в дела шпионских ведомств, «Циклон» не отказывался и от других назначений. Его делают консультантом Агентства по разоружению и контролю над вооружениями, руководителем консультативного комитета по реорганизации биржи в Нью-Йорке.

Кейси предстает в образе финансового ангела-хранителя ультраконсервативной печати, которая, несмотря на все старания, так и не завоевала массовую американскую аудиторию. Он спасает от банкротства вашингтонскую еженедельную газету «Хьюмен ивентс» («Человеческие события») и базирующийся в Нью-Йорке ежемесячный журнал скрытого профашистского толка «Нэшнл ревью» («Национальный обзор»). Владелец журнала — идеолог черных сотен Америки, бывший агент ЦРУ Уильям Бакли к началу предвыборной кампании 1980 года занял положение доверенного лица Рейгана, ему принадлежало последнее «о'кэй» в назначении Кейси руководителем предвыборной кампании. Между прочим, уже расположившись по-хозяйски в Белом доме, Рейган осыпал похвалами «Хьюмен ивентс» и «Нэшнл ревью».

НА ПОДСТУПАХ К ДЕБАТАМ

В одном штате за другим Рейган набирал очки на первичных выборах республиканской партии. «Его главная внешнеполитическая тема,— писал тогда нью-йоркский журнал «Тайм»,— это антисоветизм, инстинктивный, недвусмысленный, глобальный». Кандидат в президенты именовал разрядку «в основном иллюзией», договор ОСВ-2 рекомендовал «отправить назад в Москву». Но наряду с желаниями президента действовали иные факторы. Один из них — настроение общественности. Опросы избирателей показывали, что больше половины одобряло разрядку, меньше четверти отвергало. Большинство американцев выступало и за различные соглашения с Советским Союзом, в том числе и по разоружению.

Вот уже несколько лет противники разрядки в США стараются поставить на ней крест, вытоптать сами идеи разрядки. Крики «стоп» подействовали на многих, но далеко не на всех. И тогда «Кейси и К°» решили испробовать нечто новое.

«Циклон» привлек к предвыборной кампании «Ассоциацию офицеров разведки в отставке», насчитывавшую свыше 2000 членов, «Национальный центр исследования разведки», «Информационный центр национальной стратегии» и «Центр стратегических и международных исследований» при Джорджтаунском университете Вашингтона, руководителем которого был бывший заместитель директора ЦРУ Р. Клайн. Такого наплыва бывших сотрудников шпионских ведомств в лагерь одного из претендентов на Белый дом не ведала ни одна прошлая избирательная кампания. Оказавшиеся не у дел специалисты по разведке и диверсиям, пишет в книге о Рейгане вашингтонский журналист А. Роуз, «в массовом порядке присоединились к лагерю Рейгана».

Их деятельность носила многоплановый характер. Во-первых, они постарались вдохнуть «свежие» идеи в предвыборные выступления республиканского кандидата. Именно их усилия, считает А. Роуз, явились «одной из причин внезапного повышенного внимания к терроризму и дезинформации». То понятие, которое вкладывал Рейган в слово «дезинформация», как разъясняла американская печать, исходило не от пропагандистского комплекса, а от «разведывательного сообщества». Подробно оно было разработано в сочинении Роберта Мосса и Арно де Борчгрейва «Острие», которое служило обязательной настольной книгой для разогнавшихся на пути к власти республиканцев. Последние «открыли для себя» в ней еще один повод для того, чтобы требовать радикальных изменений в Вашингтоне. По Моссу и де Борчгрейву, средства массовой информации США оказались «мишенями советской дезинформации». Прибегая к насквозь фальшивым примерам и провокационным рассуждениям, авторы изобразили «жертвами советской дезинформации» представителей вашингтонской власти.

Задолго до этого Мосс и де Борчгрейв были изобличены как журналисты, перешедшие на содержание американской разведки и близко стоящих к ней организаций, в которых активную роль играл Кейси. Мосс, в частности, занимал в 1980 году должность главного редактора журнала «Полиси ревью», выпускаемого вашингтонским фондом «Херитидж» («Наследие»)— ведущим «мозговым трестом» ультраправого крыла республиканской партии. К моменту вступления Рейгана на пост президента фонд опубликовал доклад, обосновавший необходимость расширений и усиления разведывательных ведомств, во главе которых становился Кейси. Таким образом, инспирировалась «общественная» поддержка идентичных взглядов Рейгана и Кейси на вопросы разведки.

Возвращаясь к выходу «Острия», укажем, что он дал старт целой кампании. «Сотни статей,— пишет журнал «Коверт экшн»,— были инспирированы бывшими шпионами, чтобы создать искусственную кризисную атмосферу на базе таких «угроз», как «советский план третьей мировой войны», «советская поддержка международных террористов», «советское проникновение» в средства массовой информации США с целью «дезинформации» американской общественности».

Одним из первых поднял голос против «международного терроризма» Р. Мосс. На страницах вашингтонского журнала «Нью рипаблик» со ссылкой на «западные разведывательные источники» он клеветал, будто «Советский Союз — главная опора терроризма» и будто «действия красных бригад в Италии, нападение на мусульманскую мечеть в Мекке и захват американских заложников в Иране были поддержаны и, вероятно, инспирированы агентами советского блока». Осенью 1980 года все выступавшие от имени республиканского кандидата считали для себя законом повторять и варьировать эти гнусные измышления.

Они вдохновляли журналистку Клэр Стерлинг поторопиться с окончанием ее книги «Сеть террора. Тайная война международного терроризма». Рукопись Стерлинг гуляла по рукам республиканцев еще до выборов. С претензией на ученость и объективность мадам

Стерлинг, давно замеченная в открытом флирте с ЦРУ, решила доказать, что ультралевацкие элементы являются неотъемлемой частью революционных сил и поэтому последние несут ответственность за «террористическое насилие», поощряемое Москвой, Гаваной, Берлином и т. д. Это насилие направлено на «уничтожение западных демократий». Но не только. Стерлинг выстроила целую теорию: дескать, революционные силы по «террористическому насилию» превзошли крайне правые режимы. Но поскольку Джимми Картер, запутавшись в сетях своей собственной антикоммунистической кампании в защиту «прав человека», был вынужден урезать военную помощь правым военно-террористическим режимам, болтовня Кейси, Мосса, Стерлинг о том, что левые превзошли правых по части террора, имела свою железную логику: США и другие страны Запада должны оказывать больше помощи военно-террористическим диктатурам.

Познакомившись с рукописью, один из сотрудников картеровского Совета национальной безопасности без обиняков спросил Стерлинг, неужели она верит во всю ту «белиберду», которую она «собрала» и которую она предложила ему прокомментировать. «Да, очень верю» — ответ Стерлинг стал девизом опекавших ее лидеров республиканской партии. То была увертюра к неистовой кампании против «международного терроризма», развязанной сразу же после прихода Рейгана к власти.

* * *

Державший в своих руках штурвал предвыборной кампании Кейси запрограммировал для всеобщего устрашения и «жертв советской дезинформации», и «советскую поддержку международных террористов», и многое другое, что создавало искусственную кризисную атмосферу.

Внешнеполитическому фронту республиканцы уделяли первостепенное внимание. Внутриполитические же обязательства триумфаторов ехали в заднем обозе. Рейган не сомневался в их привлекательности, так как они зиждились на «простоте» (его излюбленное словцо) решения злободневных проблем. Сокращение «большого правительства» — старый демагогический лозунг республиканцев; 30-процентное сокращение налогов в течение трех лет — обычный предвыборный невод, забрасываемый с целью поймать как можно больше простаков, надеющихся на разжатие налоговых тисков, и пр.

...На всеамериканской политической ярмарке избирателю пытаются сбыть всякий товар. И новый и залежалый. И освященный традицией и только что сконструированный. То, что предлагал кандидат республиканской партии, с легкой руки не каких-нибудь, а отъявленно реакционных журналистов преподносилось даже как «рейгановская революция»(?).

Начиная с 1960 года на всеамериканской политической ярмарке появилось такое изобретение, как телевизионные дебаты между кандидатами в президенты от республиканской и демократической партий. Когда их удавалось организовать, они воздействовали на избирателей, психологически подталкивали колеблющихся к тому, чтобы сделать решающий выбор. Дебаты в 1960 году между Дж. Кеннеди и Р. Никсоном склонили чашу весов в пользу первого. Следующие дебаты произошли лишь спустя 16 лет между Дж. Фордом и Дж. Картером. Когда Дж. Картер взял верх с незначительным перевесом, три раунда телевизионных дебатов (перепечатанных многими американскими газетами) фигурировали в послевыборных истолкованиях как важное слагаемое его вознесения в Белый дом.

Степень заинтересованности сторон в телевизионном соревновании всегда далеко не равнозначна. Р. Никсон восемь лет был вице-президентом, и он убедил себя, что лучше его никто не подходит для роли главы государства. Он полагал, что сенатор Дж. Кеннеди по своему политическому весу не заслуживает выхода на старт бок о бок с ним. Но в конце концов вице-президент не смог увильнуть от дебатов, и прецедент был создан.

Продолжение следует.

И ПРИШЕЛ ТРАЛ С РЫБОЙ...

Капитан сейнера В. Д. Коновалов.

С правобережья Лазурной бухты Владивосток выглядит особенно романтичным. Одну из сопок на берегу бухты венчает отслуживший свой век промысловый сейнер. На мраморе — фамилии знатных тружеников моря, Героев Социалистического Труда. Например, Коноваловы: гарпунщик флотилии «Алеут» Илья Григорьевич, капитан Владимир Данилович. Родственники — дядя и племянник. В море ходит немало рыбацких династий.

С капитаном Коноваловым мы встретились в кабинете генерального директора «Приморрыбпрома». Он кряжист, моложав, этот здоровяк с крупной головой, рыжеватой шевелюрой, уже начинающей седеть. Взгляд глубокий, ясный, слегка ироничный. Глуховатый голос звучит властно. Моряк бывалый, заслуженный.

На небольшом сейнере капитана Коновалова мы перебрались в поселок Зарубино, на базу флота рыбокомбината имени Исаенко. Много лет Владимир Данилович рыбачил на сейнере «Громкий». На нем его команда завоевала заслуженный авторитет. Но отслужило свой век это судно, отправлено на переплавку. Сейчас Владимир Данилович работает на сейнере МРС-003 и систематически выполняет планы лова.

Нелегкие дороги привели Владимира Даниловича к профессии капитана. Наслушавшись рассказов своего знаменитого дядюшки, Ильи Григорьевича Коновалова, пятнадцатилетний Володя, сын колхозного шофера, вопреки желанию родителей ушел из дома и поступил в рыбопромысловую мореходную школу юнг. Через несколько лет Владимира назначили боцманом, потом старпомом. Ему не было тридцати, когда стал капитаном.

Тридцать шесть лет Коновалов берет в море рыбу. Ему есть что вспомнить...

Лет сорок пять назад у берегов Приморья рыба шла густо. А затем исчезла. Ученые объясняли: изменило направление течение Куросио. Пришлось рыбакам уйти в океан, добывать сардины, скумбрию, сельдь, сайру. Рыбакам помогают ихтиологи, гидрологи, метеорологи, самолеты-разведчики. А Владимир Данилович сам уже давно заносил в свою записную книжку дополнительные наблюдения: направление ветра, температура воды, скорость течения и движение косяков рыбы. Наблюдения эти позволили капитану, уточнив собственные выводы и данные науки, принимать нужные решения в любой ситуации. Попутно отрабатывал с экипажем наиболее рациональную расстановку людей во время замета. Все это и помогло увеличить добычу.

Много лет рядом с капитаном кок Р. Валиулин, механик Н. Богаев, трал-мастер В. Василенко и матрос В. Торгашов. Экипаж понимает Коновалова с полуслова. Одного взгляда достаточно, чтобы установить желательный порядок.

Коновалов долгие годы изучал повадки рыб. Косяки то замирают на месте, то стремительно перемещаются вперед или резко в сторону, сбивая с толку ловцов, заставляя порой вынимать «пустырь». В Приморье утвердилось мнение: «Где Коновалов — там рыба».

...Предрассветный час редкого солнечного дня. Сейнер ходко идет к месту лова. Владимир Данилович следит за показаниями эхолота. За рулем — молодой штурман, выпускник херсонского училища. И вот начинается траление. Заскрежетала лебедка. Погружается в море огромная сеть. Сейнер описывает круг. Несколько дельфинов идут курсом на трал. Лоснящиеся на солнце морские акробаты доставляют команде немало беспокойства: вдруг порвут сеть? Но вот показался трал, забитый рыбой. Сетчатый мешок трала растянулся на десятки метров. Капитан доволен: «Думаю, не меньше пятнадцати тонн»...

С. ГАЛЬМАН

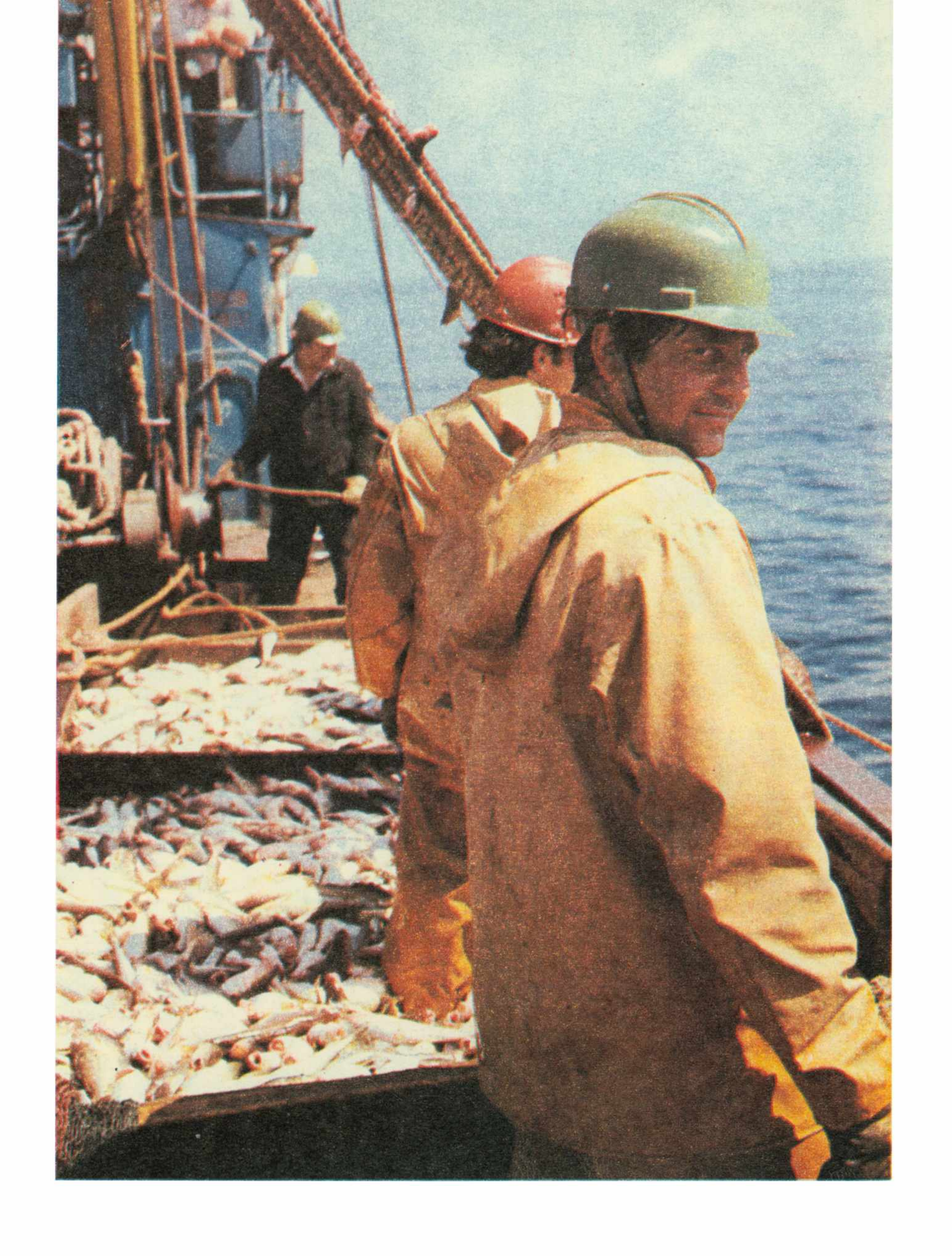
У рыбаков кипит работа * А сеть-то полнехонька! * Рыбацкий дом — порт Владивостока.

Фото А. РОСТОВЦЕВА

●

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Русскую зиму встречает молодежь Суздаля * Ворота Ризоположенского монастыря. 1688 год * Рождественский собор. Золотые ворота. XIII век * В одном из музеев Суздаля * Белые чудо-монастыри древнего города * Поразительные изделия владимирских мастеров * Один из древнейших каменных шатровых храмов — Успенская трапезная церковь Спасо-Евфимиева монастыря. 1525 год.

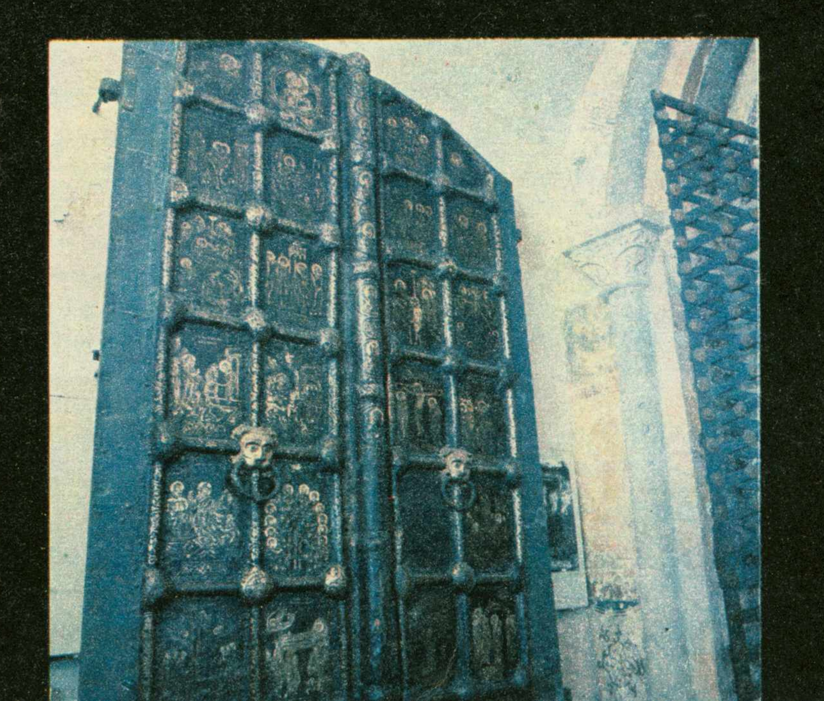
Фото А. ГОСТЕВА





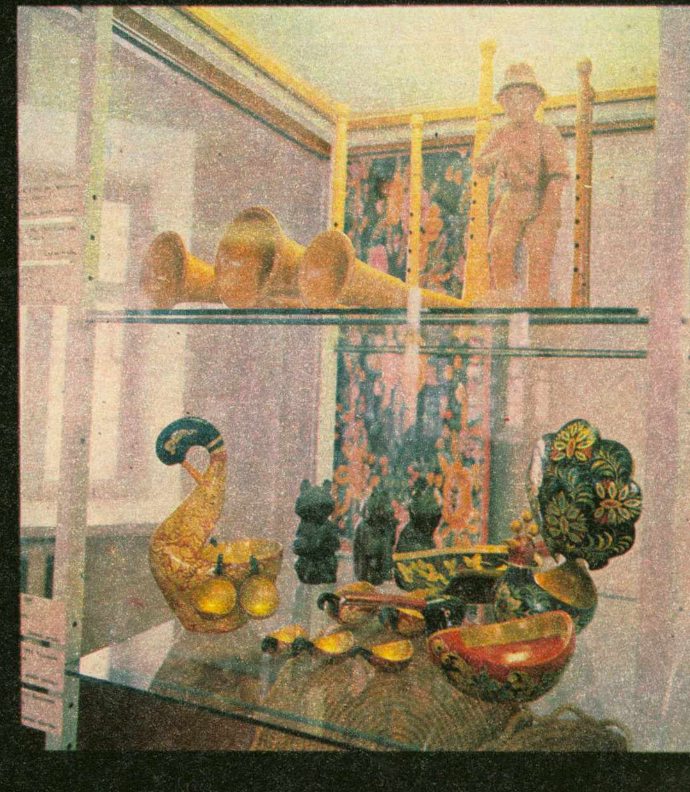
СУЗДАЛЬ - ЖЕМЧУЖИ













НА РОССИИ

См. стр. 20.







ДОБРОГО ПУТИ В НЕБО!

Ю. СУРХАЙХАНОВ,
фото И. ГАВРИЛОВА

Наш фоторепортаж сделан в стенах Ленинградского авиационно-технического училища гражданской авиации, сокращенно — ЛАТУГА. По сути, это техникум, где готовят бортпроводниц. А в дипломе, который девушки получают после двух лет учебы и полугодичной практики, специальность названа полностью: техник-технолог по обслуживанию пассажиров на борту воздушного судна.

— Отделение подготовки бортпроводников, пока что единственное в стране, появилось в нашем училище недавно, в 1979 году,— рассказывает заведующая, отличник гражданской авиации Лариса Петровна Бутусова.

— Чем вызвано создание вашего отделения, ведь обычно бортпроводников готовят в учебно-тренировочных отрядах всего за три месяца?

— А что можно постигнуть за такой срок? Азы специальности, а потом приходится много лет повышать квалификацию.

Мы побывали почти на всех занятиях обоих курсов, беседовали с курсантками, преподавателями, увидели, как живут девушки в общежитии. Большинство приехали из разных республик и городов, многие из Сибири. Ленинград всем нравится. Девушки живут интересной, полноценной студенческой жизнью, как и в любом другом техникуме. Только вот дисциплина здесь построже, и это заметно сказывается на учебе — нет троечников. Кстати, школу большинство окончили очень хорошо, могли бы поступить в институты. Но в ЛАТУГА попасть не легче, чем в университет.

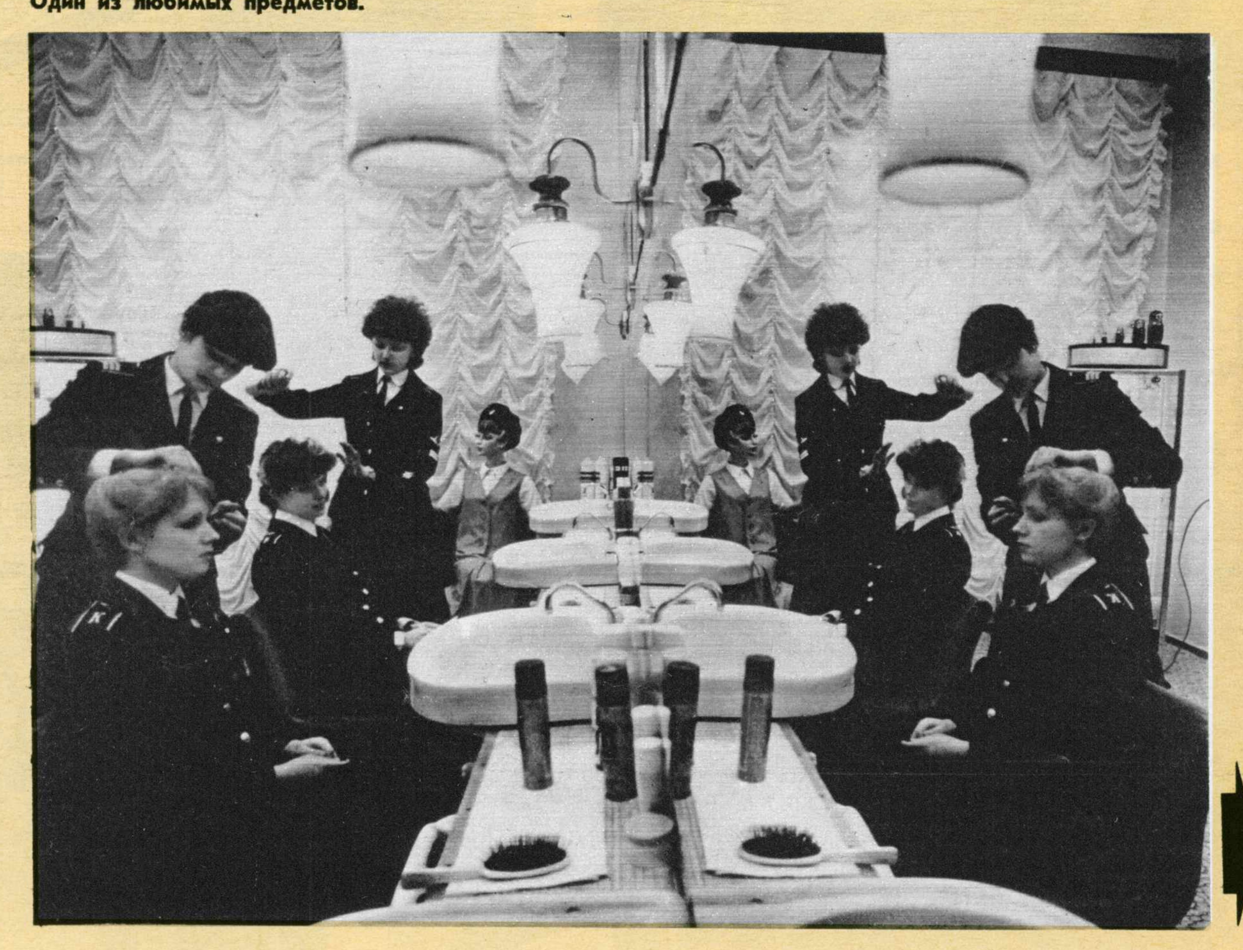
Выбор профессии — первый серьезный шаг в биографии молодого человека, и от того, насколько этот выбор точен, во многом зависит, как сложится вся дальнейшая жизнь. Естественно, заинтересованные лица здесь родители. Как часто они бывают обескуражены, иногда даже огорчены решением своих детей. Бортпроводница — профессия, согласитесь, неординарная, так что не одна девушка из ЛАТУГА ввергла маму и папу в легкий транс. Вот, например, как было у второкурсницы Гали Соколовой из Братска:

— Из окна нашей школы открывается вид на Братское море, и зимой на его лед прыгают парашютисты-досаафовцы. Сначала мне просто нравилось смотреть на них, на разноцветные парашюты, а потом вдруг почувствовала: хочу прыгать! Мама сразу воспротивилась, папа поддержал. Он делал так: тихонько меня разбудит в семь утра, накормит завтраком, и мы уходим, он — на работу, я — в секцию парашютистов, кстати, из нашей школы многие ребята туда записались, в том числе и моя подруга Оля Попова, она сейчас тоже здесь, в училище. За год мы выполнили по девятнадцать прыжков, у нас второй разряд. Когда я сказала, что пойду учить-



— Мы тоже хотим в небо!

Один из любимых предметов.



◄ Будущий бортпроводник Юлиана Таранова.



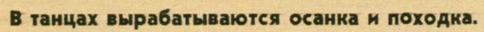
Как же девчонке без игрушки!



Знание языков тоже необходимо.

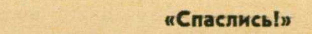


Приобретаются первые навыки в обслуживании пассажиров.



В танцах вырабатываются осанка и походка.





«Спаслись!»



ся на бортпроводницу, мама уже не возражала, сказала, что небо дисциплинирует, делает человека самостоятельным.— Тут Галя улыбнулась.— Она ведь у меня педагог, словесник.

— А папа?

— Монтажник-верхолаз, так что я, можно сказать, продолжаю его линию в нашей семье.

А у Юлианы Тарановой отец никакого отношения к небу не имеет. Он военный врач, а вот мать, как и у Гали, педагог. Юлиана приехала из Прибалтики, ей всего 19 лет.

— Юлиана, а почему вы решили поступить сюда? Может, угадали, что летная форма будет вам очень к лицу? — пошутил я.

— И вовсе нет! — Юлиана порозовела, рассердилась.— Я долго думала и поняла, что работа эта очень интересная... А раз вы так, я больше ничего не скажу.

Но вскоре мы помирились, я попросил извинения, дескать, представьте себе, что перед вами пассажир — мы-то бываем разными, а вот вы должны быть терпимыми.

Но, как выяснилось, это не совсем так. Лозунг «Клиент всегда прав» — справедливый и обязательный для сферы обслуживания — не очень-то применим к Аэрофлоту, хотя он тоже нас обслуживает. Здесь права всегда должна быть бортпроводница — она хозяйка салона на летящем лайнере, полномочный представитель своей фирмы, на ней и лежит ответственность. Конечно, терпение, выдержка — необходимые качества бортпроводницы, их в училище воспитывают очень четко. Однако к пассажиру, который ведет себя, скажем, некорректно, проводница не обязана быть терпимой и может даже применить санкции. Вместе с тем она должна отстаивать и права пассажира. Словом, в этой профессии масса тонкостей.

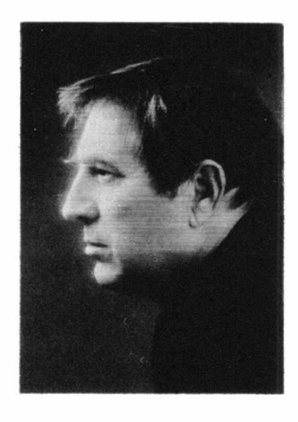
Объем знаний, получаемых девушками в училище, очень велик. Вот лишь некоторые дисциплины: математика, электротехника, черчение, коммерческая деятельность на воздушном транспорте, география... Казалось бы, к чему все это? Но ведь бортпроводницы не всегда летают. Например, когда ждут ребенка, да и право на пенсию «налетывают» всего за семь лет. А что дальше? Искать новую профессию? И вот приходят на помощь знания, приобретенные в училище. Благодаря им можно выполнять квалифицированную работу в наземных службах, не теряя в зарплате и к тому же без ущерба для профессиональной гордости.

Профилирующие здесь предметы — любимые у курсанток, ведь они так необходимы каждой женщине. Этика, ритмика, эстетика. А где еще (разве что в театральном училище) учат искусству элегантной походки, вырабатывают навыки красивой, чистой, правильной речи, преподают основы ораторского искусства? Куда еще приходят косметолог и парикмахер, чтобы научить уходу за кожей, умению быстро сделать прическу? А какие интересные рефераты пишут девушки — об особенностях национальных кухонь Японии, Китая, Сицилии, Дании... Бортпроводниц учат и пеленать ребенка, и оказать первую медицинскую помощь, и помочь роженице. А вот предмет, знание которого необходимо каждому из нас,— психология межличностных отношений, то есть тайны общения. На этих занятиях девушки узнают, как ликвидировать конфликтную ситуацию, найти путь к сердцу каждого пассажира, быстро оценив его характер и вкусы.

Словом, девушки учатся управлять всем сложным, хоть и временным коллективом, находящимся в салоне летящего лайнера.

Доброго вам пути в небо, будущие стюардессы!

Зори и закаты



Виктор ГОНЧАРОВ

ЗАБОТИНКА

Мягкая подушка,
Теплая кровать.
Хорошо и сладко
Спать, спать, спать.

Говорят, что дети
По ночам растут.
Обегает стрелка
Частокол минут.

Маятник тиктикает.
Ходит взад-вперед.
Пусть моя Заботинка
Поскорей растет.

Рано утром хлопнут
Тысячи дверей,
Едут на работу
Тысячи людей.

Взрослым нужно делать
Важные дела,
Чтоб моя Заботинка
Побыстрей росла.

Вырастет Заботинка
В тысячах забот,
Поведет троллейбус
Или звездолёт.

Будет у Заботинки
Много важных дел,
Чтобы колыбельную
Песню кто-то пел.

Чтобы беззаботная
Спала детвора,
Спи, отцу и маме
Тоже спать пора.

Мягкая подушка,
Теплая кровать.
Хорошо и сладко
Спать, спать, спать.

УЛЫБКА

Под солнцем, по пригорью,
В строю за рядом ряд
Спешит на кольях к морю
Веселый виноград.
Отрадная картина,
Я с детства к ней привык,
Здесь винная долина
Совхоза «Геленджик».
Мускат янтарный — это
Роскошное вино.
И вкусом, да и цветом
Всех вин видней оно.
Поет душа, как скрипка,
Когда в вечерней мгле
Маяк добра, «Улыбка»
Сияет на столе.
«Алиготе» налейте!
Чтоб дать простор мечте,
Друзья, со вкусом пейте
Вино «Алиготе».
Я поднимаю смело
Свой тост,
Как и хотел,
За вашей жизни дело,
Товарищ винодел!

РЕКА ВОЛЧИНА

Сквозь зори и закаты
Я слышу голос рек:
— Погубишь сам себя ты,
Недобрый человек.—
Уже вдоль нашей Волчины
Телег не ждут стога,
Уже позаболочены
Речные берега.
Не то что лес, а рощица
Изведена дотла.
Камыш в реке полощется
Да редкая ветла.
Но бедная речуга
Назло всему течет,
Не споро, но упруго
Она свое берет.

Ах милая, ах Волчина,
Нам нелегко с тобой.
Вода твоя испорчена
Недоброю рукой.
У берегов усталых
Я тоже попритих.
А ведь без нас, без малых,
Не может быть больших.

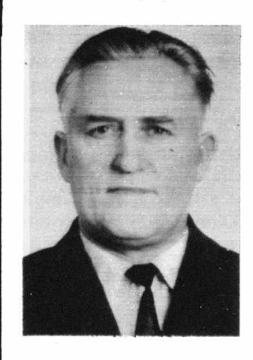
●

— Куда гребешь?
— В Ватутино.
— Зачем?
— За молоком.
Гремит моя посудина
Уже по-за мыском.
Мне эта небыль нравится
До боли головной.
И все то отражается,
Что в небе, подо мной.
Закатное светило,
Летящий самолет,
И то, что раньше было,
И что потом придет.
И сам я, от рожденья
Суть мелкой суеты,
Стал в виде отраженья
Кусочком красоты.

ШИШКОВСКИЕ КРАЯ

Мы, люди,— нашей земли сыны.
Нам с нею не жить раздельно.
Черты родимой стороны
Милы нам беспредельно.
Деревни, села, города
С соборами седыми —
Не перестанем никогда
Мы любоваться ими.
Спросил я Бежецк-городок,
Шишковские края:
— Где мудрости такой исток
И в чем любовь твоя?
Ответил город не спеша,
Не вдруг прервав молчанье:
— Моя вся сила, и душа,
И гордость — бежечане!
Мы, города, без вас, людей,
Ничто. Места пустые.
Вы — думы наших площадей.
Мечты садов густые.
Рос мальчик на камнях моих
У отчего порога.
И без его высоких книг
Я б ниже был намного.

Костры



Анатолий СВИРИДОВ

ЯБЛОКИ

У яблока немало веса:
ладонь почует каждый грамм
в нем растворенного железа,
воды с железом пополам!
Висят плоды. Висят литые,
красуются под пенье птах...
О, эти яблоки России —
они, как ядра на ветвях!

ТЫКВЫ

Даже сны, веселые бродяги,
спят в траве под белою луной...
А на грядках тыквы, словно фляги,
брошенные кем-то в тьме ночной.
Подойду, потрогаю рукою
зрелую тугую желтизну,
но природу я не беспокою,
только росы на ноги плесну....
Только вижу: далеко за тыном,
будто кони встали над водой,—
ивняки искрятся, лебединым,
белым светом полня водопой.
И тогда мне при мерцанье тусклом
тропка детства видится ясней.
...Это я с братвой в лесу под Курском
жгу костры, пасу в ночном коней!
Хрупают стреноженные кони,
чуткими ушами в ночь прядя,
и летучей мышью по бессонью
бьются крылья мелкого дождя.
Кто-то — сказку... ну, а кто — бывалку,
так, чтоб стало страшного страшней!
А потом, на зорьке, на рыбалку,
а потом — домой ведем коней.
Сизой мглой заволокло овраги...
Где ты, жизнь моя перед войной?
...Спят на грядках тыквы, словно фляги,
позабытые во тьме ночной.

земля родная

Савелий ЯМЩИКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР,
лауреат премии Ленинского комсомола

ИЗ ЗАПИСОК ХУДОЖНИКА-РЕСТАВРАТОРА

СУЗДАЛЬ - ЖЕМЧУЖИНА

Каким необычайно популярным за последние годы стал древний русский город Суздаль! Теперь уже едва ли кто удивится, услышав от собеседника рассказ о поездке по суздальским землям. Каждый выходной день колонны автомобилей по шоссе Москва—Владимир направляются в Суздаль. Из самых отдаленных уголков мира приезжают люди, чтобы увидеть этот город, отдать дань уважения таланту древних художников и зодчих.

Мне на всю жизнь запомнилась первая давняя встреча с Суздалем. По размытой дождями дороге, что пролегла через бескрайние просторы суздальского ополья, полз разболтанный местный автобус. Расстояние от Владимира до Суздаля немногим меньше тридцати километров, но нашему «Росинанту» потребовалось несколько часов, чтобы доставить своих пассажиров в конечный пункт. Моими спутниками оказались жители окрестных суздальских сел, ездившие в областной город по делам. Некоторых из них мне пришлось встречать и потом, приезжая в Суздаль, и теперь я точно знаю, что древний город начинается с этих селян, сумевших сохранить многие привычки и черты характера своих далеких предков. В манере держаться просто, с внутренним достоинством, в умении говорить мягко и благозвучно, в улыбке и в участливом, доверчивом взгляде — во всем поведении чувствуется самобытность, родившаяся много столетий назад на суздальской земле. Историк Милий Достоевский писал, что «суздальцы не считают прошлые века чужими и умеют хранить свою старину». Эти строчки удивительно точно раскрывают историческую судьбу древнего города. Только познав настоящую и прошедшую жизнь обитателей Суздаля, можно проникнуть в суть его культурных и художественных явлений и по-настоящему полюбить старые памятники города.

Когда я вышел из автобуса на базарную площадь, неподвижная, разлитая вокруг тишина поразила меня. Все казалось застывшим, словно на фотоснимке из домашнего альбома с видами старых городов. Было около двух часов дня, но площадь выглядела совсем опустевшей, готовой вот-вот погрузиться в сон. Ни один листочек не шевелился на деревьях, облака безмолвно повисли в поднебесье. Четкие формы колоколен и шатров каменных церквей усиливали впечатление извечности и незыблемости.

Не случайно я сейчас вспоминаю о впечатлениях того давнего первого знакомства с городом. Господствующая здесь тишина — явление вневременное. Она незримо присутствует во всем укладе городской жизни. Тишиной веет от монастырей и храмов. Вековая тишина стоит на улицах и во дворах суздальских домиков, отражается в их маленьких окошках, украшенных цветами и незатейливыми занавесками. Тихие, задумчивые лики изображены на иконах, которые написаны в мастерских древнего Суздаля. Все, даже самые важные события, происходившие здесь, носили торжественный, значительный характер, но отличались спокойным, сдержанным ходом. Пестрота и внешняя суетливость были далеко, в столицах, а за городской суздальской заставой царила патриархальная тишина, и поколебать ее не могли даже самые неожиданные события и трудности, нередко выпадавшие на долю горожан.

* * *

Много лет провел я в Суздале, занимаясь реставрацией и изучением памятников древней живописи, которыми так богат и славен этот русский город. Вместе со своим педагогом, замечательным мастером реставрации Евгенией Михайловной Кристи укреплял я грунт и красочный слой, которые сильно пострадали от всеразрушающего воздействия времени. Это были счастливые дни познания нетленной красоты суздальской живописи. Истинным праздником стали для меня первые пробные расчистки, сделанные под руководством учителя на древних иконах местного музея. Нежные, полупрозрачные оттенки, словно светящиеся изнутри, мягкие живописные сочетания, свойственные именно суздальским художникам, радовали глаз и покоряли сердце.

Тогда же мы отобрали наиболее интересные образцы живописи XIV—XVI веков из древлехранилища и перевезли их в Москву для проведения полной реставрации. «Эпопея» продолжалась во Всероссийском реставрационном центре пять лет. За это время специалисты полностью раскрыли от позднейших наслоений свыше пятидесяти живописных произведений. Показанные на реставрационных выставках в Москве, суздальские шедевры вызвали огромный интерес не только среди специалистов. Они запомнились широкому кругу любителей старины.

Историко-художественные музеи в старых русских городах являются своеобразными центрами по изучению культурного наследия. Сотрудники музеев тщательно собирают и хранят археологические предметы, исторические документы, произведения живописи и скульптуры. Богатая интересными и значительными событиями жизнь древнерусского города как бы оживает и заново проходит перед глазами посетителей такого музея.

Уникальные памятники изобразительного искусства, выставленные в залах Новгородского, Псковского, Ярославского и других крупных древлехранилищ, могли бы принести славу любому музею мирового значения.

Создание и устройство периферийных коллекций — это история охраны и восстановления памятников старины на местах. Неотъемлемой частью исторической судьбы древних городов стали имена основателей лучших музеев России. Благодаря стараниям и умению бескорыстных ученых-энтузиастов мы восхищаемся неповторимыми творениями старых мастеров. Ошибки, неизбежные при такой ответственной работе, как устройство музея и запасников, полностью искупаются результатами благородного труда талантливых специалистов. Об основателях местного музея в каждом древнерусском городе говорят с уважением. В Суздале чаще всего, показывая сокровища музея, называют имя историка и археолога Алексея Дмитриевича Варганова.

Круг интересов Варганова-ученого широк и разнообразен. Его многолетние поиски и фундаментальные открытия внесли существенные изменения в историческую науку. О трудах А. Д. Варганова в области археологии неоднократно писали отечественные и зарубежные исследователи. Но не менее важна была собирательская работа ученого, оказавшего неоценимую услугу при создании Суздальского музея. А. Д. Варганов сумел собрать и организовать хранение сокровищ изобразительного искусства, которыми так богат город. На протяжении многих лет он «стягивал» в музей многообразные коллекции из закрываемых в городе и его районе храмов, спасал древние иконы и утварь, книги и рукописи, памятники художественного шитья и бытовые предметы. Его трудом маленький Суздальский музей превратился в сокровищницу истории не только местного, но общерусского значения. За этот самоотверженный труд он был награжден орденом Ленина.

А. Д. Варганов интересовался малейшими деталями нашей реставрационной работы. Его ценные советы помогали нам лучше ориентироваться в огромном количестве древних памятников, сосредоточенных в запасниках музея. Помню, как однажды он обратил наше внимание на дверную доску, снятую с петель. Покрашенная серой краской, которая со временем сильно потемнела, дверь могла заинтересовать только как подсобный строительный материал. Но оказалось, что какой-то «умелец» использовал для ее сооружения старую икону. Первые же реставрационные компрессы, растворившие масляную краску, обнажили неплохой сохранности живопись суздальских мастеров XVII века.

Научил нас Алексей Дмитриевич и непростому искусству познания древнего русского города, умению знакомиться с его достопримечательностями.

Как осматривать Суздаль? По какому маршруту следовать, чтобы лучше узнать город?

Если человек приехал в этот город на один день и торопится к вечеру вернуться домой, у него один выход — знакомиться с памятниками в хронологическом порядке. Тогда у путешественника, по крайней мере, останется в памяти историческая картина становления и развития Суздаля.

Но, если вам повезло и в вашем распоряжении есть время, забудьте про экскурсионную систему и смотрите город свободно, как подскажет настроение. Следуйте только желанию увидеть прекрасное. Идите по городским улицам, не спрашивая у старожилов дорогу. Здесь невозможно заблудиться. Город распланирован логично и просто. Человек обязательно попадет в нужный ему монастырь, найдет затерявшуюся на окраине церковь, увидит редкой красоты дом. Архитектурные постройки не утомят путешественника запутанными планировками или фантастическими размерами. С любой высокой точки Суздаль великолепно обозревается. И нет ничего прекраснее, чем чувствовать себя своим человеком в этом удивительном городе Древней Руси.

Суздальская красота удивительно многогранна и изменчива. Застывшие формы чужды местным зодчим. Одна и та же церковь кажется новой в разные времена года, ее очертания меняются каждый час в зависимости от погоды и движения солнца.

Много раз приходилось мне приезжать сюда, и всегда глаза искали стоящую на крутом берегу Каменки церковь Козьмы и Демьяна, отражающуюся в заросшей осокой воде. Полюбились мне ее изысканные главки, музыкальные линии архитектурных форм, стройная колокольня. Но прежде всего хотелось увидеть отражение храма в воде — настолько красивым и поэтичным было сочетание природы и архитектуры. И вот однажды я поймал себя на мысли, что привлекает меня Козьмодемьянская церковь только в те времена года, когда Каменка свободна ото льда, а зимой иногда и не посмотришь в сторону любимицы. В морозный солнечный день февраля я от-

правился к сказочной постройке, решив проверить, почему же зимой она будто теряет свое обаяние. Берег реки напоминал огромный сложенный из синеватого мрамора постамент, на котором покоился сияющий белизной изящный собор. Воздух звенел и рассыпался на мириады снежных блесток, играющих на зимнем солнце. Я понял, каким огромным талантом обладал человек, придумавший такое сооружение, а моя чисто «летняя» привязанность родилась потому, что я рассматривал этот шедевр с заранее подготовленной позиции, чего никогда нельзя делать, наслаждаясь произведениями суздальских зодчих.

Светлые лунные ночи превращают Суздаль в волшебное царство. Очертания церквей приобретают причудливые, фантастические формы, размеры храмов становятся диковинными, а тени куполов и колоколен ползут по земле. Особенно изменяется при ночном освещении кремль. Из-за высокого вала видны огромные главы Рождественского собора, напоминающие силуэты многочисленных церковных построек за стенами большого города. Яркие звезды смотрят на застывшие купола, и собор кажется похожим на грандиозную театральную декорацию.

На торговой площади путешественник увидит подлинный облик небольшого заштатного русского городка, игравшего некогда первые роли в истории государства. Ушли в прошлое княжеские постройки, украшенные заморскими драгоценностями, давно не служат грандиозных служб в соборах XIII века, не скачут по тесным улочкам одетые в дорогие костюмы послы и гонцы великих князей, не расступается народ и не падает на колени перед епископским кортежем. Остались торговые ряды, маленькая Пятницкая церковь в честь покровительницы торговли Параскевы, колокольня, скромно убранная изразцами, и каменная мостовая. Но сколько трогательного обаяния и старания вложено мастерами XVIII века в строительство и планировку базарной площади. Даже архитектура торговых рядов, поставленных по проекту губернского зодчего, привлекает наивной провинциальной помпезностью.

Суздальские монастыри в древности славились своими уставами и порядками. Образованные монахи участвовали в общественной и культурной жизни государства. Некоторые монастырские комплексы сохранились частично, и среди них Покровский женский монастырь, основанный в 1364 году.

Белокаменный монастырский городок стоит на низком берегу реки Каменки. Его не увидишь, подъезжая к городу, он словно притаился в низине, не желая раскрывать тайны своего совершенства первому встречному. От всего облика Покровского монастыря исходит удивительное спокойствие, особенно когда мягкое вечернее солнце заливает белые стены ровным розовым светом. Можно часами стоять на высокой круче у Александровского монастыря и созерцать неповторимость творения безымянных зодчих. А сколь прекрасна дорога, ведущая к стенам Покровской обители! Вы спускаетесь по узкой, обрывистой тропинке к речке Каменке и идете вдоль берега. В пейзаже мало что изменилось с XIV века. Только речка стала мелководнее, да осели в землю монастырские башни. Легко дышится в низине. Здешний воздух вообще считается целебным. Перейдя через деревянные мостки и миновав дорожку, змейкой извивающуюся среди огородов, путешественник через низкую арку попадает во внутренний двор Покровского монастыря и замечает, что все вокруг белое. Симфония белого цвета звучит торжественно и величаво.

Вскоре после войны бригада реставраторов под руководством одного из моих учителей, профессора Николая Петровича Сычева, сделала пробные расчистки и раскрыла наиболее интересные экспонаты Владимиро-Суздальского музея. Реставрационные работы проводились в трудных условиях. И все же открытые тогда памятники позволили судить о высоких художественных качествах и историческом значении живописи Суздаля. Н. П. Сычеву, который еще в дореволюционных работах одним из первых подчеркнул большую роль суздальского искусства, не довелось закончить реставрацию всех живописных богатств местного музея.

Искусство местных художников было неразрывно связано с культурной жизнью города. Краски суздальских икон мягкие, нежные. Гармония линий и цвета присутствует даже в самых незначительных живописных образцах.

РОССИИ

Высокий стиль отличает каждый памятник, связанный с творчеством местных мастеров. Произведения изобразительного искусства не служили подручным материалом для украшения архитектурных ансамблей. Иконы и фрески существенно дополняли силу эмоционального воздействия, которым проникнуты памятники зодчества.

Лирическая окрашенность архитектуры древнего Суздаля находит свое продолжение в галерее живописных шедевров. Художники Суздаля оставили в наследство потомкам нетленную красоту, которая волнует и привлекает наших современников.

Истинный патриот Суздаля, Н. П. Сычев был выдающимся искусствоведом, реставратором, художником и археологом. Замечательный человек и крупный ученый, он жил единой жизнью с народом своей страны, никогда не оставался в стороне от больших событий эпохи. Он обладал редкой способностью делать реально ощутимыми события и факты глубокой древности. Многообразие исторических характеристик, яркий и убедительный язык художественного анализа характеризуют работы Н. П. Сычева. Принимая непосредственное участие в расчистке живописных произведений, ученый мог реконструировать в первоначальном виде манеру письма древних художников, давать верные и живые описания памятников старого искусства. В Суздале он сделал интереснейшее открытие, связанное с историей княжения Юрия Долгорукого.

«Того же лета (1152) Юрий Владимирович из Суздальской земли создал на Нерли церковь во имя мучеников Бориса и Глеба». Так повествует летописец о закладке Юрием Долгоруким укрепленной резиденции в селе Кидекша. Возводя церковь, князь, известный своей строительной деятельностью, приложил немало стараний и к сооружению дворцовых зданий. Но нам не суждено их увидеть. Время сохранило от тех веков лишь Борисоглебскую церковь, да и то в частично перестроенном виде. Однако село Кидекша — один из тех уголков суздальского края, где старина запечатлена в первозданном виде.

Борисоглебская церковь в Кидекше служила усыпальницей для членов княжеской семьи. Летописи сообщают о захоронении в соборе сына Юрия Долгорукого — князя Бориса и дочери Бориса — Евфросинии. Н. П. Сычев нашел в нише Кидекоцкого храма предполагаемое портретное изображение жены Юрия Долгорукого, созданное в конце XII века. «Это открытие,— писал ученый,— проливает новый свет на историю культуры и искусства феодальной Руси той эпохи, когда затихал авторитет «матери городов русских» — Киева и когда в далекой Суздальской земле закладывались в борьбе с сепаратистскими стремлениями князей-вотчинников новые основы централизованного государства».

Так в Кидекше, ныне тихом селе с давно опустевшими монастырскими постройками, решались когда-то важные вопросы, вершилась история русской державы.

* * *

Повседневная работа в Москве, поездки в Карелию, Новгород, Вологду, Псков и другие города России надолго разлучили меня с Суздалем. Я знал, что в древнем городе ведутся большие работы по созданию туристического комплекса. Ревностно следил за любым сообщением, приходившим из Суздаля, мечтал о новой встрече с ним. И вот совсем недавно довелось мне побывать в любимом уголке Отечества. Изменения здесь произошли такие, что я не сразу почувствовал себя в знакомом месте. В сравнительно короткий срок архитекторы, строители, реставраторы и музейные работники превратили город в подлинный центр туризма, отвечающий всем современным требованиям. «Золотое яблоко», присужденное в 1983 году Суздалю,— справедливая и заслуженная награда.

Поборов ностальгическую грусть по ушедшим безвозвратно картинам былого Суздаля, я низко поклонился людям, отдавшим любовь свою и талант возрождению сказочного города. И еще раз с благодарностью вспомнил тех бескорыстных энтузиастов, которые начинали реставрацию, собирание и изучение драгоценных реликвий древнего Суздаля.

ПОЧТА • ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА • ПОЧТА

ЕЩЕ РАЗ О ВНИМАНИИ

«Устарел ли такт?». Под таким названием в № 37 «Огонька» был опубликован материал по письму читательницы Л. Морозовой. Она сетовала на то, что ей, инвалиду первой группы, не раз приходилось сталкиваться с грубостью, непониманием со стороны людей здоровых, молодых. Разговор о внимании, деликатности, отзывчивости, о том, как не хватает порой людям душевного тепла, доброты, продолжили в своих письмах в редакцию читатели. Писем пришло много. Большинство единодушно в своем мнении, что надо помогать людям слабым, пожилым.

Пишет из Владивостока читательница И. В. Флидштейн: «В 1982 году у меня были две тяжелые операции. Теперь я инвалид второй группы, но работаю. Попросила в бухгалтерии справку на кредит для покупки цветного телевизора. Наш главбух сказала: «Покупай черно-белый. Вдруг с тобой что-нибудь случится, не выплатишь»... Комментарии, как говорится, излишни. Вопиющая бессердечность!

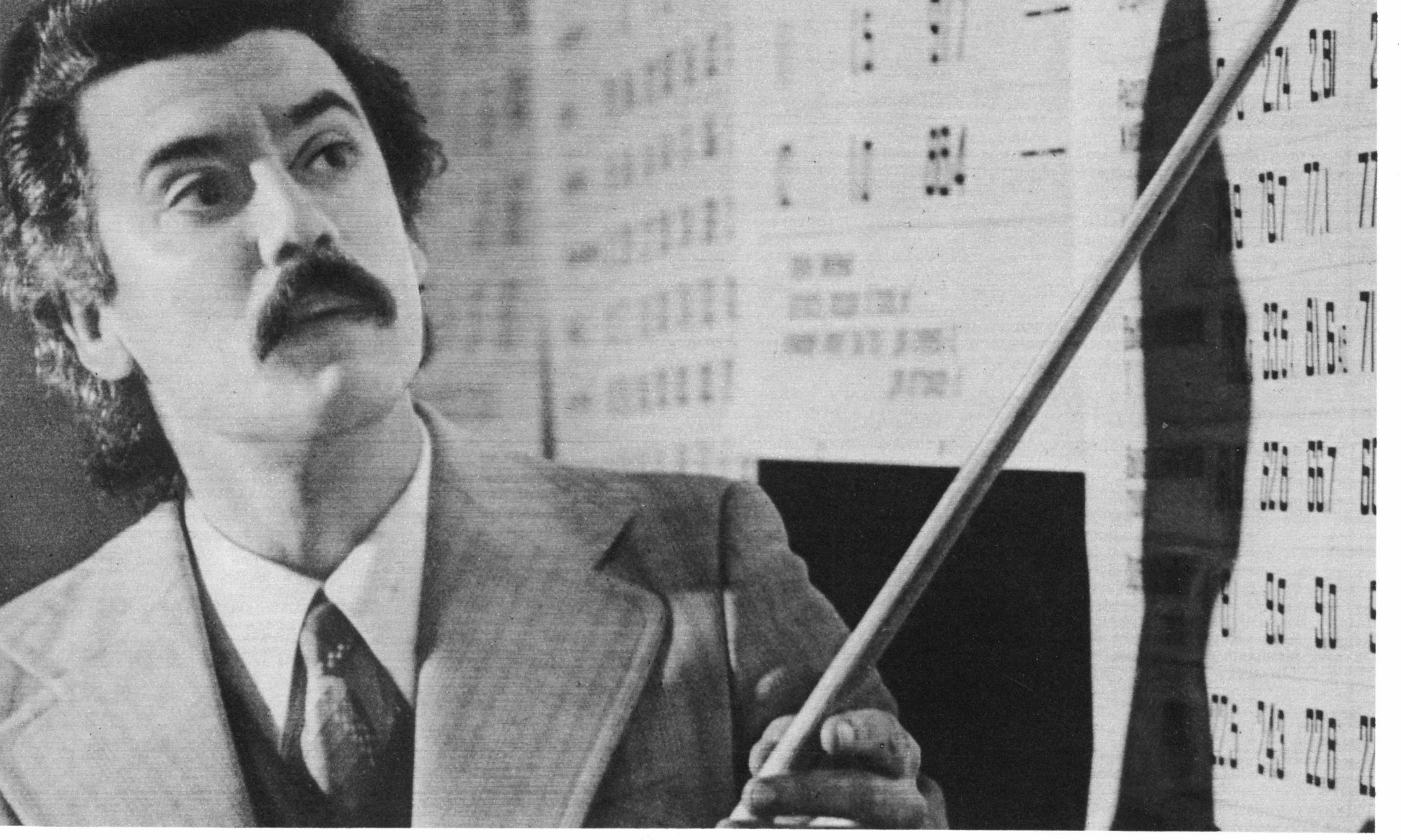
Известно, что на все случаи жизни постановления не напишешь. Но ведь в каждом конкретном случае любой вопрос всегда решает человек, и если он сердечный, учтивый — вопрос о каких-то специальных решениях по данному конкретному случаю отпадает сам собой. А. Д. Николаева из Ленинграда пишет о своей слепой матери. Сама она тоже инвалид второй группы. Продукты они покупают всегда в одном магазине, и не было случая, чтобы им не помогли продавцы, не посочувствовали окружающие. Нам рассказывают о внимании, заботе по отношению к себе многие читатели. Тут больному человеку в порядке исключения помогли быстро получить квартиру. В другом месте торг прикрепил для обслуживания на дому одинокого, немощного старика.

Читая почту «Огонька» письмо за письмом, убеждаемся, что там, где черствость, формализм берут верх, никакие постановления не помогают. Читатель Д. Ф. Жеребцов из Саратова писал нам: «Стараюсь никогда ничего не брать без очереди, пока силы позволяют. К тому же раньше в магазинах Саратова везде висели объявления о внеочередном обслуживании инвалидов войны. Но последнее время объявлений стало меньше. А в некоторых магазинах их убрали совсем. Дело, конечно, не в объявлениях. Дело в каком-то особом внимании к тем, кто защищал Родину, кто еще в молодости стал инвалидом. Особенно неприятно слышать слова, что нас слишком много».

Немало в письмах читателей жалоб на грубость, проявляемую на работе со стороны руководящих товарищей или со стороны тех, от которых ты находишься хотя бы во временной зависимости. Вот что рассказала нам о своем столкновении с кассиршей на Ярославском вокзале И. В. Гамзина из Сыктывкара: «В эту осень мне неоднократно приходилось ездить к мужу в клинику, быть около него и днем и ночью. С работы меня отпускали, но, конечно, ненадолго. Вот я и решила воспользоваться его удостоверением участника Великой Отечественной войны для покупки билетов на поезд. В очереди стояли в основном молодые люди, они очень доброжелательно пропустили меня вперед, а вот в кассе номер 34 пожилая, кстати, женщина чего только не наговорила мне: «Надоели эти участники!» Я просто обомлела. Страшно слышать подобное! Мало их уже осталось, ветеранов войны! Они уже все старенькие, больные. У них за плечами война, трудные послевоенные годы, работа на благо Родины».

И это должен помнить каждый. Помнить и соответственно поступать.

Римма ЛИХАЧ



Серхио Лопес Перес защищает диссертацию.

В телеграмме было пять слов по-испански: «Защитился вылетаю Гавану целую Серхио» — и обратный адрес по-русски: Москва, Лиственничная аллея, общежитие ТСХА.

Здесь мы и познакомились с Серхио Лопесом Пересом, аспирантом кафедры птицеводства Тимирязевской сельскохозяйственной академии. До защиты оставались считанные дни, все уже было проверено до последней запятой, но Серхио все-таки волновался. Развесив по стенам таблицы и положив на стол часы, он (в который уж раз!) репетировал вслух — ведь надо уложиться в положенные двадцать минут. Когда одна таблица упала, Серхио моментально достал из шкафа молоток и гвозди.

— У меня тут все под рукой,— улыбнулся он. Я поразилась, как легко и свободно кубинец говорил по-русски.

— Еще бы, четверть моей жизни прошла в Советском Союзе.

А первым русским словом, которое выучил Серхио, было слово «Победа» — так назывался советский теплоход, на котором он, сын крестьянина из деревни Лас Калавесас, что в провинции Ольгин, приплыл в Одессу. Это было больше двадцати лет назад. Особенно тревожилась мама — еще никто из их родной деревни не уезжал так далеко и надолго: подумать только, она разлучается с сыном на целых шесть лет! Но они увиделись гораздо раньше.

— Дело было так,— рассказывает Серхио.— В 1963 году в Киев, где я учился в сельскохозяйственной академии, приехал Фидель Кастро. Он встретился с нами, кубинскими студентами, стал расспрашивать, как живем, как учимся. И мы попросили, чтобы нам разрешили съездить домой на каникулы. Фидель разрешил, но только тем, у кого нет «хвостов».

В 1968 году компаньеро Лопес вернулся на родину уже дипломированным специалистом и стал главным ветеринарным врачом по птицеводству в провинции Камагуэй. Вот когда пришлось держать главный экзамен! И Лопес его выдержал. Ему стали поручать все более ответственные дела. Он руководил ветеринарной службой в провинции Гавана, а когда на Кубе была создана Национальная дирекция птицеводства, его назначили туда.

...И вот наступил волнующий день в жизни Серхио. За окном — березы в снегу, в аудитории — члены ученого совета, оппоненты, ну конечно, болельщики — кубинские студенты и аспиранты. Серхио переходит с указкой от таблицы к таблице, называет цифры, отвечает на вопросы. Кубинец защищает диссертацию...

Сегодня Куба занимает первое место в Латинской Америке по производству яиц на душу населения. Производство мяса птицы выросло за последние десять лет более чем втрое. Такой прогресс был бы невозможен без выращивания бройлеров. Как разводить их — цыплят-акселератов, которые быстро набирают вес и дают большой выход отличного мяса,— хорошо известно. Но на Кубе — тропический климат, и просто перенести сюда опыт, скажем, европейских стран нельзя. В странах умеренного пояса птицу содержат в закрытых помещениях с искусственным климатом и освещением. Обходятся они дорого. Да и строить их на Кубе нет смысла, здесь достаточно проволочной сетки и навеса от солнца. Другие условия, другая технология. Вот и выходит, что тропическим странам нужна своя, особая зоотехническая наука.

— Да, именно так, и науки такой до последнего времени не было, а она очень нужна, ведь большинство развивающихся стран как раз и находятся в тропических зонах.— Это говорил мне официальный оппонент диссертанта доктор сельскохозяйственных наук профессор Лев Васильевич Куликов. Не один год проработал он на Кубе, там познакомился с Лопесом и свою докторскую защитил на кубинском материале. И Лев Васильевич и второй оппонент, Л. И. Кроик, заместитель директора научно-производственного объединения «Комплекс», подчеркнули: главная ценность работы кубинского ученого в том, что она отвечает на сугубо практические вопросы. Кстати, рекомендации, разработанные им, утверждены на Кубе как государственные нормативы, уже применяемые в птицеводстве.

Защита окончена. Все шестнадцать членов ученого совета проголосовали за присуждение гражданину Республики Куба Серхио Лопесу Пересу ученого звания кандидата сельскохозяйственных наук. Первым его поздравил научный руководитель, заведующий кафедрой птицеводства Тимирязевской академии доктор сельскохозяйственных наук профессор Н. В. Пигарев.

Вечером в общежитии отмечали торжественное событие. В комнате собралось человек двадцать, а может, и все тридцать. Одного только друга Серхио не было — Блас Верано Уэрта защищался в тот же день и час в Тимирязевке, только на другой кафедре. Появилась гитара, запели «Гуантанамеру». И в разгар веселья вошел Блас Верано: «Единогласно!» — и все кинулись обнимать товарища. Его работа называется «Ржавчина сахарного тростника в условиях Кубы». Эту болезнь растений янки специально занесли на Кубу, как и болезнь табака, лихорадку Денге, чуму свиней. Защищая свою диссертацию, Блас Верано защищал родину от диверсий империалистов, которые хотели бы задушить революционную Кубу экономической блокадой, голодом, болезнями.

В тот вечер я познакомилась еще с одним кубинцем, которому предстояло защищаться через неделю. А в деканате по работе с иностранными студентами мне показали длинный список. Из стен Тимирязевки вышли более двух тысяч специалистов из 80 стран. Среди них болгарин Любен Глогов — директор Института агрохимии имени Г. Пушкарова, венгр Янош Варга — ректор университета аграрных наук в Кестхее, монгол Хаян Банзрагч — первый заместитель министра совхозов МНР, сириец Али Диба — руководитель центра сельскохозяйственных исследований в Латакии, вьетнамец Ле Зуи Тхыок — директор института сельского хозяйства... В учебных заведениях, которые возглавляют выпускники Тимирязевки, сегодня учатся ребята из Анголы, Мозамбика, Никарагуа. Вчерашние ученики стали учителями.

...В Москве мела поземка, а в Гаване было утро, солнечное и жаркое, когда почтальон принес Селии Лопес телеграмму. Сына, Эрнесто, не было дома, он учится в школе-интернате.

— Наташа,— позвала она дочку,— иди скорее, телеграмма от папы. Он защитился!

Н. КРЫЛОВА

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Поздравляем, ко



Вечером в общежитии. Блас Верано Уэрта (крайний справа) тоже сегодня защитился.



Последнее напутствие научного руководителя профессора Н. В. Пигарева.

Они «болели» за Серхио — кубинки с выпускного курса агрономического факультета.



У стен родной Тимирязевки.

мпаньеро Лопес!

Иван СТАДНЮК

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

МОСКВА, 41-й

Последний пункт приказа чуть ли не трагично отразился на судьбе генерал-майора Громадина Михаила Степановича.

Сталин никогда, как говорится, не бросал слов на ветер и всегда строго, с жесткой требовательностью проверял, как выполняются его распоряжения, задания и даже малейшие поручения. И коль было приказано, что более подробные выводы об отражении первого налета на Москву Громадин и Журавлев «сделают лучше нас и доложат послезавтра», Сталин ровно через день вызвал обоих генералов в свой кремлевский кабинет.

И еще раз подтвердилась истина, что жизнь военачальников в условиях войны — тетка весьма суровая. Вникая в подробности боевых действий всех звеньев противовоздушной обороны в ночь с 21 на 22 июля, командование пришло к выводам, что взаимодействие между различными родами войск было недостаточно глубоко продуманным, а на практике не весьма четким. Не совсем удачно работали прожектористы, создав вокруг Москвы световое кольцо; город казался с воздуха будто раскинувшимся в воронке, и его легко было обнаружить. Нередко за одним немецким бомбардировщиком тянулось 15—20 прожекторных лучей, а отдельные самолеты, воспользовавшись этим, пролетали незамеченными. Иногда артиллерийско-пулеметная стрельба велась впустую — по недосягаемым целям. Некоторые летчики-истребители слишком долго задерживались в зонах ожидания и неумело вели поиск вражеских самолетов... Словом, было над чем размышлять в штабах войск ПВО всех ступеней, было что обсуждать на командирских совещаниях, на партийных и комсомольских собраниях.

Но ведь и немцы не дремали: подводили свои итоги и делали свои выводы. За первым их налетом на Москву последовали второй, третий — и так каждую ночь. Второй налет, например (в ночь с 22 на 23 июля), оказался для противовоздушной обороны Москвы более трудным, чем первый. Советские истребители и наземные зенитные огневые средства были ослеплены густой облачностью. Гитлеровцы не преминули воспользоваться этим благоприятным для них обстоятельством и ринулись на Москву мелкими группами бомбардировщиков на больших высотах через каждые 10—15 минут.

Но и это не помогло немцам. Из их 12 боевых эшелонов, составлявших 150 бомбардировщиков, четыре эшелона вовсе не были допущены к столице нашими ночными истребителями. Остальные самолеты противника натолкнулись на могучий заградительный огонь артиллерии, сквозь который удалось прорваться к городу только одиночным бомбардировщикам. В эту ночь немцы потеряли 15 самолетов.

Сталин и другие члены Государственного Комитета Обороны и члены Политбюро с удовлетворением выслушали доклады генералов Громадина и Журавлева о мерах по совершенствованию ПВО Московской зоны. А потом Сталин, устремив взгляд на Председателя Президиума Верховного Совета СССР Калинина, с недоумением спросил:

— А где Указ о награждении отличившихся воинов при отражении первого налета?

Калинин пожал плечами и вопросительно посмотрел в сторону Громадина. Перевел взгляд на генерала и Сталин. В кабинете воцарилась зловещая тишина. Всем стало ясно, что произошло необыкновенное: не выполнен приказ Председателя Государственного Комитета Обороны.

Громадин побледнел до такой степени, что казалось, он сейчас потеряет сознание. А лицо генерала Журавлева побагровело до черноты. Тишина в кабинете Сталина делалась все напряженнее и нестерпимее.

Громадин поднялся медленно, будто на его плечах была непосильная тяжесть. Белизна лица генерала начала, кажется, заплескивать его виски — все заметили, как коротко постриженные волосы на них вдруг засеребрились.

— Товарищ Сталин,— изменившимся до неузнаваемости голосом заговорил Громадин.— Если можете — простите... Приказ о представлении к наградам я отдал, а до конца дело не довел... Замотался... Сегодня же документы будут у вас...

— Хорошо,— после некоторого молчания сказал Сталин.— Но запомните: Сталин не привык, чтоб его приказы не выполнялись...

К концу дня, перезвонившись с Поскребышевым, генерал-майор Громадин послал в Кремль пакет с наградными документами. Однако среди отличившихся в воздушных боях летчиков-истребителей не значилось имени лейтенанта Виктора Рублева, который таранным ударом сбил близ Солнечногорска немецкий бомбардировщик «ю-88». Обстоятельства сложились для лейтенанта Рублева так, что в авиационном полку ему пришлось давать показания представителю военной прокуратуры. Виктора заподозрили в трусости, что является в боевых условиях преступлением.

13

Случится же такое!..

Люди всегда поражаются случайным встречам, изумляются неожиданным стечениям обстоятельств. И чем разительнее случайность или неожиданность, тем глубже след оставляют они в сознании, страстно побуждают к размышлениям о превратностях человеческих судеб и о несомненно существующих связях между случайностями и закономерностями.

Но если б знали люди, сколько раз неожиданности обходят их стороной! И тоже случайно!.. Случайно многое не случается... Сколько раз на фронтовой дороге брат мог обнять брата или сын отца, но при встрече не взглянули друг другу в лицо... Никогда также солдат не узнает, что выпущенная в него вражеская пуля только случайно пролетела мимо; солдат в это время, может, наклонился, чтобы поднять уроненную цигарку или коробок спичек... Война для отдельно взятого человека — это цепь случайностей, малых и больших, трагичных или счастливых. Ты мог быть убит или ранен, но случайно остался жив. Ты мог уцелеть, но случайно оказался в том месте, где тебя караулила смерть. Солдатская выучка, военное мастерство, разумеется, уменьшают количество случайностей, когда речь идет о том, быть гибели в бою или не быть, но все-таки не исключают их вовсе.

Ольга Васильевна Чумакова уступила дочери Ирине и не согласилась эвакуироваться в Сибирь, в город Нижнемихайловск, куда настоятельно звал их обеих Сергей Матвеевич Романов, которому было поручено строить там авиационный завод. Может, потому уступила, что испугалась любви к ней Сергея Романова, вернувшейся из двадцатых годов с нерастраченной юношеской силой. А может, то была уже и вовсе не любовь, а память о той давней любви, когда Ольга считалась невестой Сережи, или это была только эгоистическая жажда отомстить Федору Чумакову, ее Феде, за то, что он похитил его, Сережино, счастье...

Во всяком случае, надо было отважиться на что-то серьезное. Война звала к делу всех. И они с Ириной приняли твердое решение: вместе идти на фронт, в полевой госпиталь, поближе к местам, где воевал самый дорогой для них человек — Федор Ксенофонтович Чумаков. Ольга Васильевна, размышляя о муже, не могла отрешиться от наивного представления о том, что ее Федя на войне чуть ли не самый главный начальник, и пока он жив, а гибель его казалась ей немыслимой, немцам ни за что не пробиться к Москве. А чтоб ему, Феде, и его войску было легче одолеть врага, она без малейшего колебания снесла в банк, в фонд обороны, все драгоценности, завещанные Ольге покойной Софьей Вениаминовной.

И какое же счастье испытала Ольга, когда ее кровинушка Ирина — дочь, которую любила без памяти, восприняла решение матери как свое собственное, без тени жалости или жадности, лишь оставив себе на память о бабушке какую-то безделушку. А ведь, как и многие девушки, любила украшения и даже понимала в них толк.

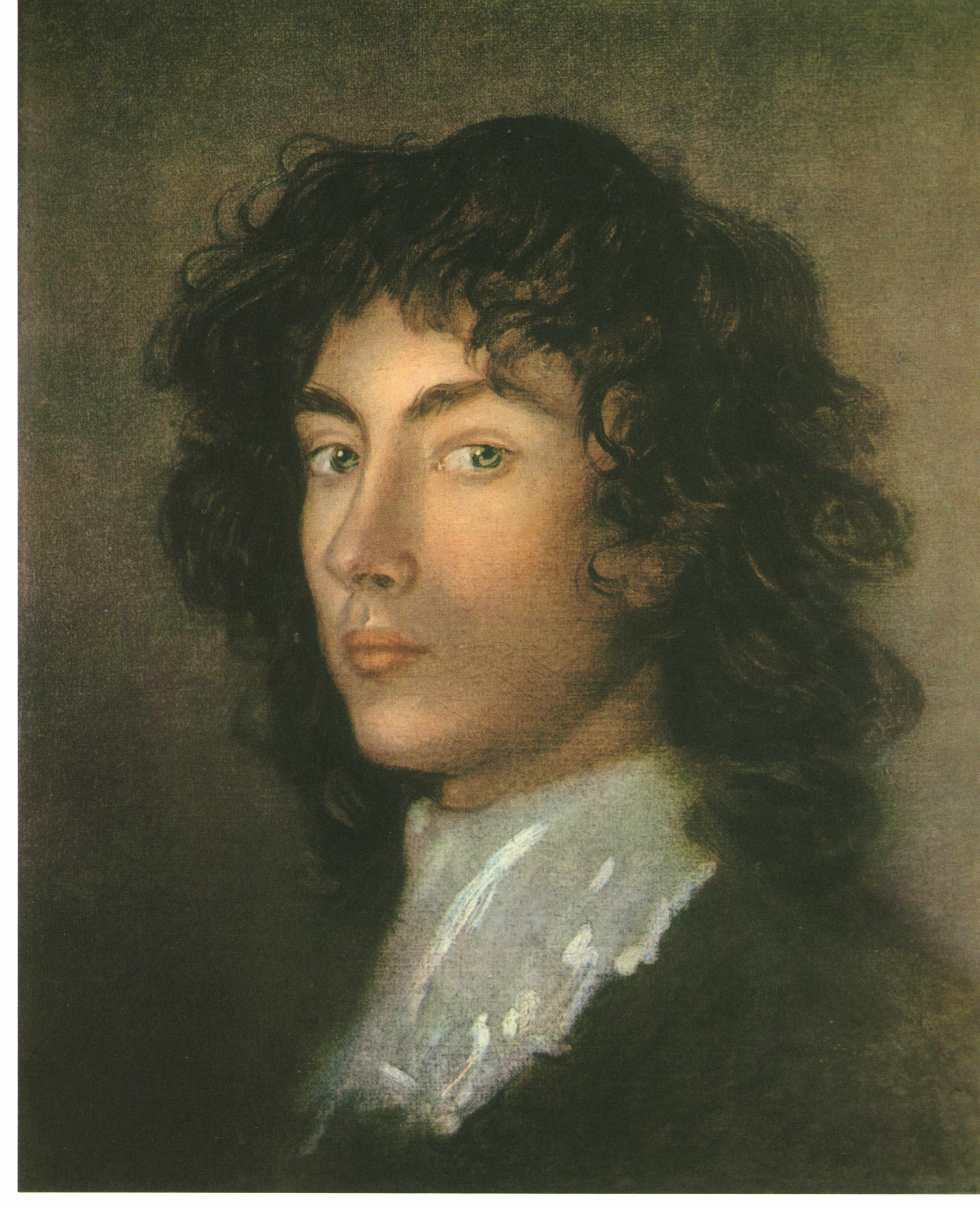
А теперь они решили идти на фронт и с нетерпением ждали повесток из военкомата. И вот пришли по почте два конверта с бумагами-предписаниями: Ирину призывали служить в полевую походную хлебопекарню, а Ольга Васильевна должна была с получением повестки явиться на Ново-Басманную улицу к месту формирования банно-прачечного отряда...

Вот тут-то у Ирины и ее матери проявился истинно чумаковский характер со всей его взрывчатой силой. Ну, призови их куда угодно, однако в одну часть, вместе! Зачем же разлучать мать с дочерью?!

...Взволнованные и рассерженные (и от этого еще более красивые), Ольга Васильевна побледневшая, а Ирина пунцовая, бежали они по знакомой улице в направлении призывного пункта. Не знали, к кому будут обращаться и что станут говорить, но у обеих кипело в груди от негодования и несогласия с теми, кто так несуразно, будто в насмешку, распорядился их судьбами. Ведь Ирина еще в десятилетке приготовилась на случай войны быть санитаркой!..

На призывных пунктах военкоматов Москвы в эти дни уже схлынули давки и очереди, ибо на заводах, фабриках, в учреждениях и вузах формировались дивизии народного ополчения. И тем не менее во дворе школы, занятой под призывной пункт, в коридорах и в зале перед учительской, где властвовал уже знакомый Ирине капитан, было людно. Это не

Продолжение. См. «Огонек» №№ 50—52 за 1983 г. и №№ 1—4 с. г.



Томас Гейнсборо. ПОРТРЕТ ДЮПОНТА.



Томас Гейнсборо. СОБИРАТЕЛИ ХВОРОСТА.

смутило Ольгу Васильевну. Никто из ждавших своей очереди для приема не успел глазом моргнуть, как они вместе с Ириной ворвались к капитану.

Тот в это время стоял за столом у своего кресла и разговаривал с кем-то по телефону. Появившихся в учительской он окатил строгим и даже свирепым начальственным взглядом.

— Слушаюсь, товарищ полковник! — раз за разом повторял капитан, сердито глядя на Ольгу Васильевну и Ирину.— Будем отбирать строго по инструкции... Но как мне доложить военкому?.. Кто приказал?.. Записываю: «Микофин Семен Филонович...» Какой ваш номер телефона?..

И тут случилось совсем невероятное.

— Сеня! Микофин! — закричала Ольга Васильевна и, подбежав к столу, почти силой отняла у потрясенного капитана телефонную трубку.— Милый Сеня! Это я, Оля, жена Феди Чумакова!.. Ты послушай, мы с дочкой попросились на фронт как медики, а эти бюрократы...

Вот еще один из случаев, которые меняют русла человеческих судеб. Через минуту-две капитан вытирал платком испарину со лба, осторожно расспрашивал, откуда товарищ Чумакова знает полковника Микофина — начальника одного из управлений Главного управления кадров Красной Армии, извинялся за «недоразумение» с повестками о призыве «не по роду войск» и обещал в ближайшие дни исправить ошибку и призвать мать и дочь для прохождения службы в один из походно-полевых госпиталей Западного фронта, хотя столь конкретное назначение зависело уже не от него, капитана... Но раз сам полковник Микофин!..

Мать и дочь вышли во двор школы счастливые, довольные собой, военкоматовским капитаном и пораженные тем, что так удачно «встретились» со старым другом и однокашником по академии их мужа и отца Семеном Филоновичем Микофиным.

И все-таки что-то беспокоило Ольгу Васильевну. Не улетучивалась из памяти фраза мужа, которую он произносил нередко: «В армии должностей не выбирают. В армии служат там, куда зовут интересы дела...» Воспоминание это раздражало, как муха, назойливо вившаяся у лица.

«В конечном счете я не военнообязанная,— успокоила себя Ольга Васильевна.— Прошусь, куда хочу!.. А куда я хочу?..— И почувствовала, как изнутри легкий жар обдал ее лицо.— Хочу быть вместе с дочерью и поближе к мужу — человеку, которого люблю больше себя самой... И больше дочери?.. Да!.. Да, возможно, и больше дочери! Федя — рыцарь, защищающий Родину. Погибнет он — погибнет и она, Ольга... Зачем ей жизнь без него, без его вразумительного слова, без успокаивающей улыбки, без сдерживающего упрека?.. А Ирина уже взрослая, выстоит и найдет свое счастье, хотя ой как трудно будет ей, такой красавице...»

Так, перемётываясь от мысли к мысли, не замечая их отрывочности и подчас нелогичности, шла она рядом с Ириной через школьный двор в сторону 2-й Извозной улицы, как вдруг их окликнул чей-то знакомый, с хрипотцой голос:

— Эй, соседушки!.. С фронтовым приветом!.. Какие заботы позвали вас сюда?!

Перед ними стоял их домоуправ Бачурин. Он был почти неузнаваем — в кирзовых сапогах, военной хлопчатобумажной форме, подпоясанный зеленым брезентовым ремнем. Помолодевший, без привычной сутулости, Бачурин всем своим видом излучал энергию и деловитость. Присмотревшись к нему, Ольга Васильевна поняла, что домоуправа особенно молодила красноармейская пилотка, из-под которой серебрились виски коротко подстриженных волос.

— Дядя Бачурин! — Ольга еще в юности так звала домоуправа.— Неужели и вы на фронт?!

— Я уже с фронта и опять туда же.

— И мы на фронт! — восторженно похвасталась Ирина.— В военный госпиталь!

— Вам что, в Москве госпиталей не хватает? — Темные глаза Бачурина подернулись грустью, а лицо похмурело и постарело.

— В Москве и без нас полно добровольцев,— с некоторым гонором ответила Ирина.

Бачурин посмотрел в ее красивое и взволнованное лицо с печальной снисходительностью и начал закуривать папиросу. При этом будто с неохотой сказал:

— Федор Ксенофонтович не одобрил бы...

— Это почему же?! — В голосе Ольги Васильевны просквозила озабоченность.

— Ему на фронте сейчас ой как несладко. А узнает, что и вы под бомбами,— еще горше будет.

— Мы полагали — наоборот,— голос Ольги Васильевны потускнел.— Воевать будем рядом.

Бачурин затянулся табачным дымом, выдохнул его и тут же удушливо закашлялся. Потом заговорил будто о другом:

— Из Смоленска не успели эвакуировать госпиталь. Тысячи раненых и медперсонал захвачены немцами... Вы же семья генерала... Вам первым петлю на шею...

— Дядя Бачурин, зачем вы нас пугаете? — с искренней укоризной спросила Ольга Васильевна.— Сейчас все должны забыть о страхе и думать об общей пользе...

— Вот именно! — перебил ее Бачурин.— О пользе там, где ее действительно можно принести.

— Что же вы советуете?

— Ехать, допустим, на строительство оборонительных рубежей. Там санитары тоже нужны — даже на нашем участке... Могу взять вас с собой.

Вряд ли бы согласились Ольга Васильевна и Ирина на предложение Бачурина, если бы не он — с л у ч а й: когда они стояли посреди школьного двора и вели этот разговор, на крыльцо вышел начальник призывного пункта и громко крикнул:

— Бачурин еще не уехал?!

— Здесь я! — настороженно откликнулся Бачурин.— Жду грузовик со склада военного округа!

— Только один грузовик? — огорчился капитан.— Там мне звонит военный комендант Большого театра товарищ Рыбин. Просит забрать у него на окопные работы группу добровольцев — артистов и музыкантов.

— У Большого театра есть свои автобусы. Пусть сами и везут! — Бачурин заговорщицки подмигнул Ольге Васильевне, однако глаза его не утратили печального выражения.— Вчера ведь один их автобус приходил под Можайск!

— Возьмите хоть двух народных артистов!

— Нет места в машине!.. А артистов, писателей, разных там сочинителей музыки у нас на каждую сотню метров противотанкового рва по десятку! Лопат и кирок не хватает!

Если строительством поясов Можайской линии обороны занимаются даже народные артисты из Большого театра, так почему же не поехать и им — Ольге Васильевне и Ирине?!.

«К дьяволу колебания!..» — подумала Ольга и, взглянув на дочь, поняла, что и она близка к такому решению...

— Едем, Иришенька?

— Едем, мамонька!

14

Ольга Васильевна, как жена кадрового военнослужащего, казалось, ничему не привыкла удивляться, что относилось к делам военным. Видела она полигоны и стрельбища, военно-инженерные городки и искусственные препятствия на танкодромах. Но вот так чтоб, сколько охватит глаз, земля была распорота глубокой раной, именуемой противотанковым рвом, и в этой ране, в ее незаметно нарастающей глубине и на пологой крутизне выброшенной на одну сторону рва земле, пока высившейся как нескончаемо длинный надгробный холм, копошились с лопатами и кирками в руках тысячи и тысячи людей, такого она и вообразить не могла. Ее поразило даже само пестрое разноцветье платков, косынок, беретов, блузок и кофточек на женщинах и девушках. Белые, голубые, красные, зеленые, оранжевые, они, будто цветы на порывистом ветру, колыхались, наклонялись и выпрямлялись, отчего рябило в глазах. Ров и копошащийся в нем и над ним людской муравейник тянулись от Минского шоссе через чуть сгорбившееся жнивье до далекого леса, подернутого сизой дымкой.

В этом «муравейнике», если присмотреться, было немало подростков, юношей и пожилых мужчин. Но они как-то не замечались на фоне женского трудового войска, может, потому, что брали на себя самую тяжкую часть работы, копали на самом дне рва, выбрасывая оттуда землю, которую женщины отбрасывали лопатами еще выше, отгребали дальше, а затем разравнивали и маскировали.

А если б взглянуть на земную бескрайность из глубин поднебесья, стало бы отчетливо видно, что вокруг Москвы постепенно образовывалось гигантское кольцо, состоявшее из канав, из что-то скрывавших под собой бугров, из наклоненных в сторону от города густых линий столбов и замысловато разбросанных железных крестовин, из нагромождений сваленных деревьев. Эта полумиллионная армия мирных жителей советской столицы, главным образом женщин, копала противотанковые рвы и эскарпы, строила доты и дзоты, устанавливала всякого рода препятствия — надолбы, ежи, лесные завалы... Работы на одних участках уже заканчивались, на других были в полном разгаре, на третьих только начинались. Все делалось под строгим контролем военных специалистов — так, чтобы огневые сооружения, возводившиеся сзади препятствий, были менее заметны со стороны противника и имели перед собой простор для обзора и обстрела. Расчищались опушки, и оборудовались в глубине лесов огневые точки. Продуманно использовались для огневых ударов по врагу складки местности, речки и речушки, заболоченные места, населенные пункты и отдельные строения.

В составе руководства всех участков были партийные работники, в большинстве — секретари райкомов партии... А итог работ мог только изумлять: вокруг Москвы к концу лета было вырыто триста шестьдесят один километр противотанковых рвов, триста тридцать один километр эскарпов, построено четыре тысячи двадцать шесть пушечных и три тысячи семьсот пятьдесят пять пулеметных дотов и дзотов, устроено тысяча пятьсот двадцать восемь километров лесных завалов... Готовилась к оборонительным уличным боям и сама Москва: прорыв немцев к столице не исключался советским командованием.

Да, случится же такое!.. Воздушная трасса лейтенанта Виктора Рублева сошлась с наземной дорожкой Ирины Чумаковой. Сошлась да и разошлась...

Уже с неделю были на земляных работах Ольга Васильевна и Ирина. Жили в одной из многочисленных брезентовых палаток, стадом разбредшихся в молодом сосняке. Но чаще спали на воздухе, у палатки, на толстой подстилке из душистого сена. Ирина вместе с матерью рыла ямы для надолбов; работа не хитрая: копаешь продолговатую яму, а потом в ней, сбоку, еще яму, чтобы общая глубина достигала трех метров и опущенное туда бревно само по себе устанавливалось под нужным углом, затем яма засыпалась землей и плотно трамбовалась. Вот и получался надолб — один за другим, ряд в ряд... Попутно Ирина выполняла и роль санитарки, имея при себе сумку с медикаментами. Врачевала волдыри, царапины, ушибы и, случалось, раны. Первые дни показались им с непривычки невыносимой каторгой и мучительной вечностью, но потом втянулись в работу и как бы слились силами со всеми остальными женщинами и девушками и стали такими же неузнаваемо загорелыми, с облупившимися носами и с огрубелыми, мозолистыми ладонями рук.

Ольга Васильевна, пересиливая не покидавшую ее ломоту в пояснице, все размышляла о счастливых прожитых без войны годах, о всяких событиях, вступала в разговоры и даже споры с женщинами, работавшими рядом. Часто вспоминала слова своего разлюбезного Федора, который нередко твердил: «Труд — это творчество или первооснова любого вида творчества; итог труда — высшая степень творческого чувствования и проявление счастья...» Нет, не приносили радости эти трудовые дни под палящим солнцем, эта боль в пояснице, в икрах ног и в руках, державших лопату со скользким черенком.

И вот однажды она услышала рядом с собой:

— Ольга Васильевна?! Ангел мой, а вы как оказались здесь?! — Голос прозвучал с притворностью и знакомой картавинкой.



Ольга распрямилась и, стоя по колени в недорытой для надолба яме, увидела над собой их московского дворника Губарина. Военная форма, точно такая же, как на Бачурине, и укороченные усы изменили его до неузнаваемости; лицо сделалось куда приятнее и браво-моложавым.

Да, это был он, их дворник Губарин Никанор Прохорович, который помог Ирине снести и сдать на почту, как и полагалось ввиду войны, радиоприемник, принадлежавший покойному Нилу Игнатовичу Романову. Губарин был также и понятым при вскрытии представителем милиции сейфа умершего профессора и шкатулки с драгоценностями, оставленными в наследство Ольге Чумаковой.

— Никанор Прохорович как вас могли отпустить из Москвы?! — искренне удивилась Ольга Васильевна.— Вы же начальник пожарной дружины нашего дома на случай бомбежки! Кто вас из жильцов заменит? — Она встревоженно вернулась мыслями в свой московский дом, во двор со сквером и ощутила их полную незащищенность без дворника Губарина.

— Не жильцы, а обыватели,— извинительно сказал, поглаживая усы, бывший дворник.— Все настоящие граждане, патриоты, не отсиживаются в такое время по домам и не прикрываются пожарными дружинами... Вот и вы, полагаю, не случайно здесь...

— Мы с Ирочкой, как все,— ответила Ольга Васильевна.

— И ваша красавица дочь здесь? — изумился Губарин и оглянулся по сторонам.

— Она сейчас на медпункте делает перевязки легкораненым. Нас вчера бомбили,— пояснила Ольга Васильевна.

— Знаю, ангел мой, сам нырял в щель — прятался от бомб... Но я не могу позволить, чтоб вы, жена генерала, мозолили свои рученьки на окопных работах.

— Я для этого и приехала сюда.

— Мы найдем вам занятие не менее полезное и важное.

Ольга обратила внимание на то, что к их разговору стали с любопытством прислушиваться женщины, копавшие ямы по соседству, и раздраженно перебила Губарина:

— Никанор Прохорович, здесь все равны и норма выработки для всех одинакова... Не отвлекайте меня от дела.

Не могла она знать, что дворник Губарин, он же бывший графский сын Николай Святославович Глинский, человек высокообразованный и с нетерпением ждавший прихода немцев, имел свои виды лично на нее, как привлекательную женщину, и на ее мнимое богатство, не веря в то, что она действительно все наследственные драгоценности до грамма отдала государству на нужды войны. По требованию своего младшего брата Владимира, кадрового, как оказалось, абверовца, Николай должен был отправиться с Московским ополчением на Западный фронт, перейти там на сторону врага и передать абверовцам от Владимира, носившего у немцев кличку «Цезарь», сведения о судьбе абвергруппы, которой Владимир командовал в первые дни войны, о его нынешнем месте пребывания, а также разработанный и выверенный им план покушения на Сталина и, возможно, на других большевистских руководителей и главных военачальников.

Но уже в вагоне поезда, везшего ополченцев в сторону фронта, Николай Губарин наслышался такого о кровопролитных боях на Смоленской возвышенности, что его охватил ужас. Ходить в штыковые атаки и при удачном случае поднять перед немцами руки? Где же гарантия, что они обратят на это внимание? А если свои заметят?.. Хоть и говорят, что пуля — дура... Нет, она способна очень сообразительно сделать свое дело.

Поразмышляв о том, что его брату Владимиру, который с документами майора Красной Армии Птицына долечивал раненую руку в одном из московских госпиталей, спешить с убийством Сталина некуда (все равно немцы придут в Москву), Николай решил тоже не торопиться. И когда подъезжали к Голицино, он судорожно схватился за сердце, сумел даже вызвать на своем лице бледность и испарину на лбу. Его ссадили с поезда, проводили в медицинский пункт.

Так дворник Губарин отстал от ополченцев, а потом там же, в Голицино, попал в распо-

ряжение начальства, руководившего рытьем окопов, противотанковых рвов и строительством дзотов. Возраст и солидный вид Губарина-Глинского внушили начальству расположение к нему, да еще неожиданная встреча со своим домоуправом Бачуриным; и Губарин сам стал небольшим начальничком — помощником Бачурина по обеспечению строительных отрядов землеройными, пилящими и колющими инструментами.

— Ну, как знаете, ангел мой.— И Губарин, галантно поклонившись, зашагал прочь.— Я хотел как лучше.

А вечером, когда вся пестрая армия землекопов отхлынула в сосняк, к палаткам, и уселась за дощатые столы ужинать, к Ольге Васильевне, которая от усталости еле управлялась с ложкой, выгребая из алюминиевого котелка жирную пшенную кашу, подсела молодая женщина. Ее все знали как водовозку Валю, по целым дням ловко правившую старой лошадью, запряженной в оглобли пожарной бочки: Валя исправно развозила свежую родниковую воду вдоль трассы землеройных работ. У нее было славное личико с мягкими округлыми чертами — неброскими и неяркими. Но когда Валя улыбалась, то лицо ее менялось, будто высветливалось изнутри какой-то особой привлекательностью. Казалось, сама доброта поселилась в ее улыбке и чуть загадочных глазах. Правда, среди женщин ходили сплетни, что Валя «путалась» кое с кем из начальства, кто-то видел ее свидание в недалеком лесу с незнакомым лейтенантом. Но Ольга Васильевна не придавала значения этой женской болтовне и относилась к Вале приветливо и доброжелательно.

— Генеральша, у меня к тебе поручение,— зашептала Валя, толкнув под столом коленкой ногу Ольги Васильевны.

— Меня зовут Ольгой...

— Была Ольга, а теперь генеральша... Все знают.

— Ну и что? Какое поручение?

— Мне передал Губарин, а ему, видать, начальство повыше... Приглашают тебя поужинать в командирскую столовую... Шампанское будет, шоколад... Хотят там тебя и на работу пристроить, а твою дочь — в санитарную часть штаба...

— А шампанское какое? Сладкое, полусладкое или сухое? — с притворной заинтересованностью спросила Ольга Васильевна, покосившись на притихшую рядом Ирину.

— А шут его знает! Шампанское — оно и есть шампанское. Шипит и в нос шибает. Не пожалеешь, генеральша,— убеждала Валя.

— Но хоть на льду? — спросила Ирина, включившись в словесную игру матери.

— Тю на тебя! Какой сейчас лед?! — изумилась Валя.

— А ты разве не знаешь, что генеральши пьют шампанское только охлажденное в серебряном ведерке со льдом?

Валя, догадавшись, что Ольга Васильевна и ее дочь с презрением шутят над ней, обиженно отвернулась, не зная, как держать себя дальше.

В сосняке все вокруг заволоклось мглой — пора было ложиться спать. Звяканье ложек о котелки и алюминиевые тарелки постепенно затихало, таял женский застольный галдеж, будто размытый теменью. И лишь гудение надоедавших комаров вдруг начало набирать силу...

Но то оказался не комариный звон: это шли на Москву эскадры немецких бомбардировщиков...

С протяжно-угрожающим ревом пронеслись над лесом навстречу врагу звенья наших истребителей. В прогалинах верхушек ветвистых молодых сосенок засветилось на западе небо: далекие прожекторные лучи будто растворили его непроглядность и раздвинули звездную ширь.

Вскоре донеслись до лагеря приглушенные расстоянием пулеметные очереди и хлопки-выстрелы самолетных пушек.

«Иду-иду-иду!» — многоголосо и грозно возвещали, набирая густоту и силу, моторы немецких бомбардировщиков. Этот давящий и пугающий звук заполнил, казалось, весь звездный шатер темного неба и падал на лагерь строителей со всех сторон.

Продолжение следует.

О ВЫБОРЕ ПУТИ

●

Вопросам формирования человека, его взаимоотношениям с обществом на самом трудном отрезке жизни, когда человек взрослеет, выбирает свой путь и при этом сталкивается со сложными конфликтными ситуациями, посвящена новая книга Альберта Лиханова «Драматическая педагогика». Такое сочетание двух греческих слов дает нам характеристику науки о воспитании в условиях сложных, подчас потрясающих событий в, казалось бы, обычной житейской ситуации.

«Я назвал эту книгу «Драматическая педагогика»,— пишет автор,— потому, что искренне верю: трудное требует анализа — во благо растущего человека, во благо освещения его души, во имя того, чтобы ошибки не повторялись, пока касаются они такого хрупкого материала, как человек. Потому что убежден: педагогика — удел не только избранных высокомудрых ученых, а забота всякой матери, любого отца, каждого неравнодушного человека».

Есть у книги и подзаголовок: «Очерки конфликтных ситуаций», который определяет жанр книги и раскрывает ее основное содержание.

Для кого написана книга? Адрес ее чрезвычайно широк: это и подросток, выбирающий жизненный путь, и молодой отец, раздумывающий о воспитании ребенка, и опытный профессиональный педагог — «а всюду ли я был прав?».

Не многие из рассмотренных автором ситуаций исключительны. Хотя есть и такие. Редкость, конечно, инфаркт у семнадцатилетнего юноши, замученного педантизмом своих родителей. Но в основном эти ситуации характерны для современного стремительного образа жизни. Взять, например, серию ярких очерков «Инфанты наших дней». Инфантилизм — не болезнь, а незрелость, отсталость развития, проявляющаяся сохранением во взрослом состоянии черт характера, свойственных детскому возрасту, встречается в самых различных формах. Это и неспособный принять самостоятельное решение «глава семьи», и классический «вечный студент», и тридцатилетний «мамин сын». Отчего же он происходит, этот застарелый инфантилизм?

«...Среднегородской ребенок взят в осаду,— пишет Альберт Лиханов.— Его опекают. Над ним шефствуют. Ему внушают.

Каждый шаг отрока расписан, каждому слову он обучен. Его чистят и драят с утра до вечера, движимые самыми добрыми намерениями: вот мы страдали, лишались того и того, так пусть дитя наше идет не круговым, а прямым путем, спрямляя дорогу к истинной цели».

Автор на конкретных примерах показывает, что не всегда цель-то выбрана правильно, а человек крылышки опустил, и поднять их лень, да и нет сил, не может найти своего пути, расслабленный либо излишками жизненных благ, либо излишками внимания со стороны любящих взрослых.

На серьезные раздумья наводит книга А. Лиханова. Ведь, казалось бы, современный подросток получает все то, о чем его родители да и старшие братья могли только мечтать. Одетый порой в кордовые джинсы и «фирменную» майку, имеющий представление обо всем на свете — телевизор расцветит и расскажет,— не знающий, что такое коммунальная кухня, он оказывается менее самостоятельным и менее деятельным, чем старшее поколение.

Я вспоминаю замечательного советского педагога доктора наук Эдуарда Георгиевича Костяшкина. Еще в конце сороковых — начале пятидесятых годов, когда страна залечивала раны войны, не хватало пионерских лагерей, не было пансионатов, да и далеко не все родители могли позволить себе летом уехать с детьми к морю, вот тогда молодой и энергичный педагог предложил создать на общественных началах школьный туристский лагерь со своими палатками, лодками, яхтами, чтобы летом ребята не болтались в городской пыли. Где взять деньги? Можно собирать металлолом, можно участвовать в массовках на съемках фильма. И вот на берегу подмосковного водохранилища вырастает палаточный лагерь, построенный руками школьников, со своим уставом, а в дальнейшем — традициями. Появляются последователи.

Однако сейчас таких лагерей практически нет. Обобщая причины подобных явлений, А. Лиханов делает тревожный вывод: «Разобщенность и растущее благополучие порождает новое — состязание на иную тему.

Не кто быстрее, выше, дальше — пробежал, прыгнул, метнул,— а у кого и что есть, красивее и лучше».

Современный подросток в родительской машине поедет на юг с бо́льшим удовольствием, нежели будет подвергать себя сомнительным радостям палаточной жизни, ежели еще эту палатку надо строить своими руками.

К сожалению, мир вещей все больше проникает в жизнь юного члена общества, и, если воспитатель или родители грамотно, тактично не расставят акценты, может случиться беда. В очерке «Нравственное преступление» писатель осуждает поведение родителей, под влиянием классного руководителя запретивших сыну дружить с мальчиком из менее обеспеченной семьи: «Плохо, когда дурной человек работает инженером. Ужасно, когда дурной человек становится учителем... Вред от него в тысячу крат больший».

О сложных ситуациях, связанных с выбором своего жизненного кредо, говорит автор в очерке «Выбор цели, или Рассуждения о смысле бытия». Заочный конфликт авторов двух писем — молодого инженера, в короткий срок ставшего начальником цеха, и специалиста, занявшегося «халтурой»,— писатель выносит на суд читателей, опубликовав их ранее на страницах журнала «Смена». Быть первым или не быть последним — вот суть конфликта. Обсуждая в книге множество самых неожиданных писем-реакций, автор обобщает:

«Быть первым — неужели так плохо такое желание? Прекрасно в состязании, и не только спортивном, а профессиональном или научном. Быть первым среди людей не хорошо и не плохо, а сложно, и к этому надо готовиться, вырабатывая в себе сложные нравственные достоинства. Но убивать в себе тягу к первенству — то же самое, что ломать мотор в самолете».

Детективно-психологическая повесть «Преступница, или Повесть о том, как можно потерять ребенка» является как раз той самой педагогической прозой, о которой пишет, представляя автора книги, академик Академии педагогических наук писатель Сергей Михалков. Горький драматизм семейного конфликта здесь возникает в результате жестокой жизненной ошибки молодой женщины, оказавшейся в руках дельцов торгового бизнеса.

Многие важные и сложные проблемы формирования молодого человека поставлены Альбертом Лихановым в книге «Драматическая педагогика». А «...книги,—пишет автор,— всегда рождают письма, они становятся барометром работы, показателем того, как тебя понимают. Но литература — дело широкое. Меньше всего стремится она дать конкретный совет. А письмо, особенно исповедь, требует непременно совета. Таким образом, на автора книги возлагается груз, может, даже непосильный ему: этот совет дать».

В. ПОТРЕСОВ

Альберт Лиханов. Драматическая педагогика. М., «Педагогика», 1983, 320 с.

Б. ХАВИН

Кому улыбнется Вучко?

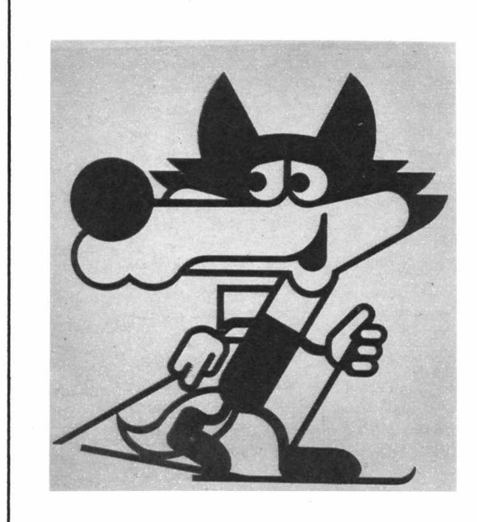
Это будет восьмой старт советского спорта на Олимпиадах, которые проводятся на ледовых и снежных аренах. Отлично выступали на Белых Олимпийских играх спортсмены СССР. Наши лыжники и конькобежцы, фигуристы и биатлонисты, саночники и хоккеисты завоевали 61 золотую медаль. Ни одна из держав зимнего спорта — даже такие, как Норвегия или Швеция, Австрия или США, которые участвовали во всех тринадцати Белых Олимпиадах,— не имеет такой богатой коллекции.

Лидия Скобликова, поражавшая всех высокими скоростями на ледяных дорожках, была удостоена шести золотых медалей. Это самое высокое достижение участника Белых Олимпиад за всю их шестидесятилетнюю историю. Один из лучших мастеров биатлона, Александр Тихонов, увозил золотые медали с четырех зимних Игр. Да, есть на кого равняться нынешнему поколению советских олимпийцев, собирающихся на Игры в Сараево.

Лучшими лыжниками мира едут в Сараево Александр Завьялов, который минувшей зимой превосходно провел труднейший десятираундовый спор с участием всех сильнейших гонщиков и завоевал Кубок мира, а также Николай Зимятов, трехкратный олимпийский чемпион. Хорошо выступали и их товарищи по команде Юрий Бурлаков, Владимир Никитин и Александр Батюк. Во главе с Завьяловым они два года назад стали чемпионами мира в эстафетной гонке 4×10 километров. Но на сараевском снегу нашим гонщикам придется нелегко. Достойным соперником показал себя американский лыжник Уильям Кох. Еще восемь лет назад в Инсбруке он выиграл серебряную олимпийскую медаль и после этого не раз отличался на лыжне. В 1982 году Кох завоевал Кубок мира, а в прошлом сезоне долго лидировал в борьбе за этот приз и лишь на финише соревнований не устоял под натиском Завьялова. Традиционно сильна команда Норвегии. Маститым Оддвару Бро и Перу-Кнуту Оланду почти ни в чем не уступают недавние юниоры Поль-Гуннар Миккельспласс и Тур Хольте. Шведы возлагают надежды на чемпиона мира Томаса Эрикссона и олимпийского чемпиона Томаса Вассберга, финны — на обладателя нескольких олимпийских медалей Юхани Мието и его молодых товарищей.

Лидером нашей женской команды является Раиса Сметанина, а вместе с ней места в сборной заняли Любовь Зимятова, Надежда Шамакова, Любовь Лядова, Любовь Заболотская. Однако в этом составе советской команде пока не удается выйти на ведущие позиции. Их удерживают норвежки — Берит Эунли в 1982 году стала трехкратной чемпионкой мира и выиграла Кубок мира.

Очень сильна команда гонщиц Чехословакии, и ее лидеры Квета Ериова и Бланка Паулу выступают ровно, без осечек, а лучшей лыжницей предолимпийской зимы, обладательницей Кубка мира стала финская спортсменка Мария-Лииза Хямялайнен. И все же шансы советских спортсменок на олимпийской лыжне достаточно высоки.



8 февраля волчонок Вучко — талисман Белой Олимпиады 1984 года — примет эстафету от нашего Мишки: вслед за Москвой, которая первой из городов социалистических стран провела Игры летней Олимпиады, Сараево первым из городов братских стран станет столицей зимних Игр.

Талисман Белой Олимпиады.

Давно не радовали нас своими успехами лыжники, прыгающие с трамплина, и сегодняшний уровень советских спортсменов тоже не дает им существенных шансов в борьбе с соперниками из Финляндии, Австрии, Норвегии, ГДР, Канады. Зато в двоеборье, которое состоит из гонки и прыжков с трамплина, наши лыжники выступают значительно удачнее. И лучшие двоеборцы мира спортсмены из ГДР Уве Дотцауэр и Гюнтер Шмидер, чемпион мира норвежец Том Сандберг, призер Белой Олимпиады-80 финн Юко Карьялайнен называют одним из наиболее опасных своих соперников Александра Майорова, который на предолимпийской неделе в Сараево уступил только одному Дотцауэру.

Очень острая борьба ожидается на турнире стреляющих лыжников — биатлонистов. После того как на Белой Олимпиаде в Лейк-Плэсиде две золотые медали из трех получили советские биатлонисты, спортсменам ГДР несколько раз удавалось взять реванш в турнирах высшего ранга. Воспользовавшись отличным резервом — юниоры ГДР в последние годы не знали неудач,— тренеры создали ровный и сильный коллектив, возглавляемый олимпийским чемпионом и многократным победителем первенств мира Франком Ульрихом. Если прежде главным козырем биатлонистов ГДР была меткая стрельба, то теперь они освоили и высокие скорости на лыжне.

Советская команда состоит из молодежи, которой, однако, уже удавалось побеждать асов. На последнем чемпионате мира сборная Советского Союза выиграла эстафету 4 × 7,5 километра. Хорошо стартовали наши биатлонисты и в олимпийском сезоне.

Из девяти рекордов мира по скоростному бегу на коньках, которые фиксируются на мужских и женских олимпийских дистанциях, шесть принадлежат советским спортсменам. Казалось бы, достаточно убедительное доказательство их превосходства. Однако все титулы чемпионов мира как в спринтерском, так и в классическом многоборье завоеваны конькобежцами ГДР, Японии и Норвегии.

Олимпийское первенство разыгрывается на отдельных дистанциях, но с Белой Олимпиады-80 только Наталье Петрусевой удалось увезти домой золотую медаль. Значительно труднее будет добиться успеха нашим спортсменам в Сараево. Превосходство наших соперниц из ГДР — Карин Энке, Кристы Ротенбургер, Андреа Шёне и Габи Шёнбрунн — неоспоримо. Еще сложнее дела у мужчин.

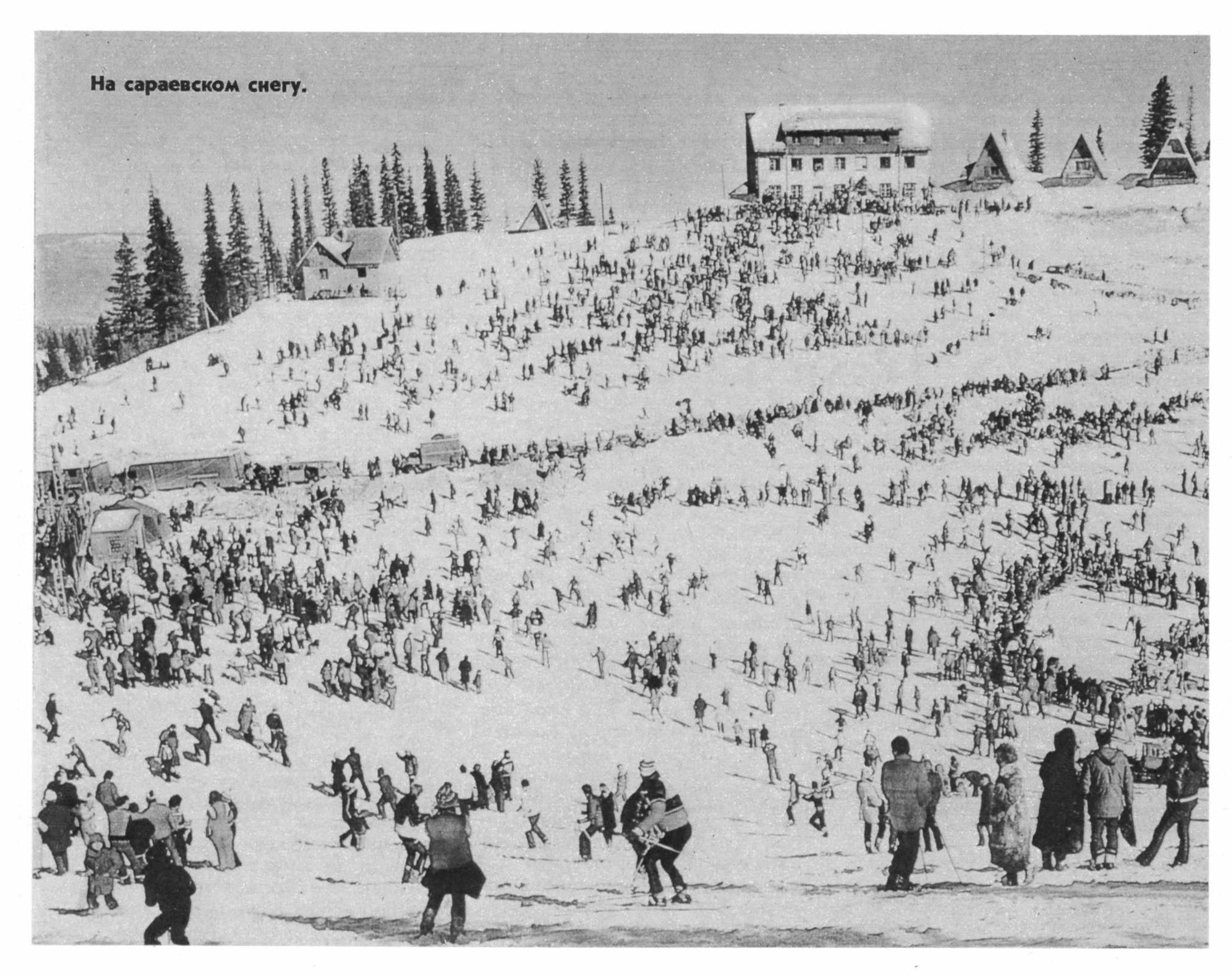
Советские фигуристы обычно успешно выступают на Олимпиадах. И сейчас первым в мировой табели о рангах стоит наш дуэт в парном катании Елена Валова — Олег Васильев. На последнем чемпионате мира молодой ленинградской паре удалось опередить таких серьезных соперников из ГДР, как Сабина Бесс и Тассило Тирбах, и на чемпионате Европы-84 советская пара завоевала золотую медаль. А в танцах на льду наши позиции пошатнулись. Вот уже три года выигрывает турнир за турниром английская пара Джейн Торвилл и Кристофер Дин. На последнем первенстве мира в Хельсинки все девять судей выставили англичанам высший балл — 6,0. Добились они успеха и на чемпионате Европы нынешнего года. Тем не менее советский дуэт Наталья Бестемьянова — Андрей Букин не считает завершенным спор с трехкратными чемпионами мира. Похоже, что идут на лад наши дела в одиночном катании. Американец Скотт Хэмилтон не любит на льду рисковать, предпочитая безукоризненно исполнять композиции, сложные ровно настолько, чтобы получить победные баллы. Это ему удавалось на первенствах мира 1981—1983 годов. Но вряд ли подобная тактика оправдает себя в споре с таким бойцом, каким показал себя на недавнем чемпионате Европы Александр Фадеев. Фигуристка из США Розалин Самнерс выступает далеко не безупречно, о чем свидетельствует ее поражение в начале олимпийского сезона в Югославии от Санды Дубравчич, а ведь мастерство югославской фигуристки не выдерживает сравнения с искусством Корнелии Витт из ГДР, да и наша Елена Водорезова достигла многого за последние годы.

Наши саночники вышли на международную арену значительно позднее, чем лидеры этого вида спорта — представители ГДР, Австрии, ФРГ, Италии, однако быстро сумели наверстать упущенное. Вера Зозуля вернулась из Лейк-Плэсида олимпийской чемпионкой, а Ингрида Амантова — с бронзовой медалью. Сергей Данилин имеет на своем счету несколько побед над лидерами санного спорта. А вот на бобслейной трассе нашим экипажам придется гораздо труднее: они впервые будут выступать на олимпийской трассе. Тем не менее советские спортсмены не собираются довольствоваться в Сараево ролью аутсайдеров: на старте олимпийского сезона они завоевали несколько призов, и в числе проигравших оказались победители крупнейших турниров — спортсмены ГДР.

Чем лучше играют хоккеисты Центрального спортивного клуба армии, тем сильнее выглядит наша сборная, в которой они составляют абсолютное большинство. А в этом сезоне армейцы превзошли самих себя и сборная выступает достойно, как подобает 19-кратному чемпиону мира. Хорошо бы и олимпийский турнир отметить игрой мощной и страстной, красивой и результативной, игрой, которая вернет сборной Советского Союза утраченное четыре года назад олимпийское первенство.

* * *

Прошло то время, когда львиная доля медалей Белых Олимпиад доставалась спортсменам северных стран. Уже давно главный спор за командное первенство ведут сборные Советского Союза и Германской Демократической Республики, и с каждым годом этот спор становится все жарче. В 1972 году в Саппоро наши спортсмены завоевали восемь золотых медалей, представители ГДР — четыре. В 1976 году в Инсбруке советская команда получила 13 высших наград, ее главные соперники — семь. И, наконец, из Лейк-Плэсида советские спортсмены привезли десять золотых медалей, а олимпийцы ГДР — девять. Спор этот продолжится в Сараево.



На сараевском снегу.

В. БЕСКРОМНЫЙ,
корреспондент ТАСС

САРАЕВО ЖДЕТ ОЛИМПИАДУ



В середине ноября в Сараево выпал снег. Белым мягким покрывалом укутал он улицы города, растянувшиеся цепочкой близлежащие горы. Снег как снег?

— Да нет же, как ты не поймешь, ведь это снег необычный, олимпийский,—убеждал меня Ивица Мишич, директор пресс-центра XIV зимних Олимпийских игр. И я понял, что для Мишича, так же как и для всех организаторов Белой Олимпиады, снег — это столь обычное явление природы — имеет особый смысл, он как бы выводит Игры на стартовую прямую.

Страны, принимающие Олимпиады, выбирают для их проведения свои самые красивые города и зимние курорты. Вспомним Кортина-д'Ампеццо, Гренобль, Инсбрук. Пленяет красотой и Сараево. Здесь все смешалось— Восток и Запад. Старинные турецкие постройки, мечети, прославленный торговый квартал Башчаршия с его бесчисленными ремесленными рядами и здания европейского стиля, новые, светлые жилые массивы, гармонично вписывающиеся в окружающую природу.

Но Сараево, несмотря на свое древнее происхождение, нисколько не похож на музей. Динамика современной жизни чувствуется здесь на каждом шагу. Пульс города особенно остро ощутим по «Скендерии» — своего рода здешней культурной Мекке. Каждый вечер независимо от погоды сюда стекается множество людей: в кино, дискотеку, на концерт. Сейчас этот культурный центр отдан в распоряжение Олимпиады—здесь пройдут предварительные состязания по хоккею и фигурному катанию, разместится главный пресс-центр.

Все отмечают высокий уровень архитектуры и технического оснащения олимпийских объектов. Создатели ледового Дворца спорта «Зетра» получили награду за лучшее архитектурное сооружение Югославии 1982 года. «Сараевская модель»— так теперь именуют в спортивных и технических кругах комбинированную бобслейно-санную трассу на горе Требевич. Инженеры позаботились о том, чтобы трасса не зависела от температуры воздуха, и она легко разделяется на три отдельных участка — санный, бобслейный и тренировочный. Спортсмены многих стран на предолимпийских прикидках были единодушны в своей оценке: трасса быстрая и безопасная.

Близко к сердцу приняли Игры не только жители Сараево, но и всей Югославии. Молодежные строительные отряды со всех концов республики не один месяц трудились на сооружении олимпийских объектов, которые были готовы еще за год. Из 10 тысяч человек, занятых на обслуживании соревнований, размещении гостей, половина не профессионалы. Деятели культуры откликнулись на призыв создать в Сараево Музей Белой Олимпиады, присылая в дар городу свои лучшие произведения, участвуя в художественных выставках, которые будут открыты в период проведения Игр.

Еще не начавшись, Олимпиада в Сараево уже начала устанавливать рекорды. Заявки на приезд спортсменов поступили из 46 государств. Растущая популярность зимних Игр отражается и на числе аккредитованных журналистов: в Сараево их корпус будет как никогда мощным — свыше 5 тысяч человек. Что же касается зрителей, то с помощью телевизионных передач Олимпиаду увидят 2 миллиарда жителей нашей планеты. Это сообщение привело меня в восьмиэтажное здание — новый международный телерадиокомплекс. Главный инженер Чедо Пецель любезно показал свое обширное хозяйство — несколько десятков студий, комнаты для видеозаписи, центр связи. Пройдет совсем немного времени — и в конце января оживут студии, засветятся голубые экраны — комплекс будет передан в распоряжение 60 радио- и телекомпаний.

Познакомить планету с жаркими спортивными баталиями поможет космос. Антенны двух станций направлены на спутник над Индийским океаном. Это даст возможность транслировать четыре телевизионные программы. Космический контакт позволит также связать Сараево телефонными и телексными линиями почти со всеми странами мира.

В Сараево приезжают журналисты из многих стран. Американские обозреватели сообщили любопытный факт: оказывается, жители Соединенных Штатов смогут увидеть значительно больше передач из Сараево, чем они могли наблюдать четыре года назад из Лейк-Плэсида.

— Готовясь к Играм, мы внимательно изучали опыт предыдущих олимпийских столиц, в том числе Москвы,— рассказал заместитель председателя скупщины Сараево Халид Прцич.— И отмечу особо: для нас очень важен опыт Москвы в дальнейшем использовании олимпийских объектов. Ведь сейчас Сараево получило прекрасный шанс стать крупным международным центром зимнего туризма и спорта.

...Сараевская Олимпиада в своем роде юбилейная: 60 лет назад, в 1924 году, в небольшом французском курортном местечке Шамони были проведены первые зимние Олимпийские игры. Какой же за это время пройден огромный путь! В Сараево съедутся свыше двух тысяч спортсменов со всех континентов, а в 1924 году в Шамони стартовало 293 спортсмена, а один из самых известных теоретиков спорта, англичанин Боби Флэтчер, заявил: «Зимние Игры? Зачем? Идея их проведения абсурдна, а реальность утверждения близка к нулю». И вот Флэтчер нашел в себе силы и мужество признать ошибочность своего высказывания, начисто опровергнутого дальнейшей историей Белых Олимпиад.

Сараево занимает 14-ю строку в списке городов—организаторов Белых Олимпиад. Предыдущие Игры принимали десять городов Европы, Америки и Азии. Дважды проводили Игры Санкт-Мориц, Инсбрук и Лейк-Плэсид.

Югославские любители спорта желают успеха гостям, но это не лишает их веры в победу своих спортсменов. Реальные надежды Югославии на свою первую медаль в истории зимних Игр прежде всего связаны с Бояном Крижаем, одним из сильнейших горнолыжников мира, и прыгуном с трамплина Приможем Улагой, который отлично выступает в этом сезоне. Быстро прогрессируют и Борис Стрел, обладатель бронзовой медали чемпионата мира по горнолыжному спорту в Шладминге, а также Юре Франко, специализирующийся в гигантском слаломе. Сплачивает ряды и женская половина горнолыжной сборной Югославии. Вновь в отличной спортивной форме Аня Завадлав и Андрея Лесковшек.

Кроме горнолыжников, поспорить за медали имеют все шансы и югославские прыгуны с трамплина, а также молодая фигуристка Санда Дубравчич.

Специально для «Огонька».

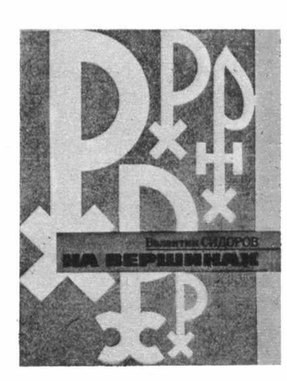
Слушая Рериха

Второе издание книги поэта Валентина Сидорова «На вершинах», посвященной творчеству Николая Константиновича Рериха, вышло накануне юбилея всемирно известного художника: в нынешнем году исполняется 110 лет со дня его рождения. Со времени первого издания книги «На вершинах» прошло несколько лет. За эти годы В. Сидоров составил и снабдил обстоятельным предисловием «Избранное» Н. К. Рериха, куда вошла его проза: сказки, повесть, записки о трансгималайском путешествии, очерки и публицистика. «Избранное» увидело свет в 1979 году в издательстве «Советская Россия» и стало уже библиографической редкостью. Продолжая свои исследования, В. Сидоров выпустил книгу «По маршруту Рериха».

Прикосновение к пламени рериховской мысли осветило и собственное поэтическое творчество Валентина Сидорова. Он развил в современной советской поэзии жанр стихотворных медитаций, которые явились своеобразным продолжением исканий Рериха, чьи картины называют медитациями в красках.

Сегодня в книге «На вершинах» читатель найдет много нового. Необыкновенное свойство произведений Рериха — становиться все содержательней по мере духовного роста изучающего его страницы.

То, что при первом прочтении казалось само собой разумеющимся, приобрело неоднозначность, а то, что прежде не давалось, осветилось ясностью. Автор хорошо понимает, что не может быть исчерпывания материала, когда речь идет о творчестве столь необъятного таланта. Да и такой задачи не ставилось. Важно отметить тщательную продуманность исследователем основных направлений исканий Рериха в их взаимодействии и целеустремленности. Рерих — фигура цельная. «Когда я думаю о Николае Рерихе, я поражаюсь размаху и богатству его деятельности и творческого гения. Великий художник, великий ученый и писатель, археолог и исследователь, он касался и освещал множество аспектов человеческих устремлений»,— писал Джавахарлал Неру. В книге «На вершинах» Сидоров делает попытку дать творческий портрет художника, согласуя все стороны его деятельности. Не разделять действительность, а творить ее пером и кистью, каждым днем своей жизни, каждым шагом своего пути. Сидоров убедительно обосновывает свою мысль об условности деления творческого пути художника на два периода: русский и индийский, показывая в «русском» периоде постоянное устремление молодого художника и поэта к Востоку, а в индийском — действенный интерес к молодому Советскому государству, за которым он видел будущее. Формирование эстетических воззрений художника проходило среди носителей передовой мысли: Куинджи и Льва Толстого, Врубеля и Горького — в России, а в Индии — Вивекананда и великого Тагора. По выражению Тагора, а он имел в виду стихи Рериха, «написанные задолго до того, как их автор побывал в Индии», в творчестве художника выявилось «духовное сродство с Индией». Сидоров останавливает внимание читателя на интересной переписке Рериха с Тагором, дополняющей наши представления о значительности их духовного общения. Индийский поэт в одном из писем пишет Рериху: «Я зорко следил за вашими замечательными достижениями в области искусства и за вашею великою гуманитарною работою во благо всех народов, для которых ваш пакт Мира с его знаменем для защиты всех культурных сокровищ будет исключительно действенным символом». Книги «Цветы Мории» находятся в центре исследования автора «На вершинах». Говоря о замыслах поэта, о его образной и сложной символике, Сидоров с большим тактом ведет читателя по крутым ступеням рериховского стиха, прослеживая общенациональные корни древних культур, обращая внимание на решающее участие человеческой мысли в судьбах человека и человечества.



«Поистине каждый свидетельствует о себе,— говорит Рерих.— В тайных мыслях он оформляет будущее действие».

В «Цветах Мории» Рерих уже предвидел многие перипетии борьбы воинов культуры с разрушающим невежеством. Неостановимая борьба против тьмы — вот залог постоянной победы. Призывая к борьбе за мир, художник понимает, что борьба предстоит беспощадная. Так, в стихотворении «Не убьют» он предостерегает тех, кто собирается остаться в стороне. Врага можно победить только лицом к лицу:

Что впереди, то не страшно,
Как бы они ни пытались,
Будь тверд, тебя они
не убьют.

Эти строки обращены к нам. Вся планета охвачена борьбой за мир. Мысли о мире уже строят мир на земле. Слушая Рериха, не может сердце народов допустить мысли о поражении. Каждый день мира — день победы.

Э. БАЛАШОВ

Валентин Сидоров. «На вершинах». Творческая биография Н. К. Рериха. М., «Советская Россия», 1983, 248 с.

ВЫСТАВКА РАБОТ АЛЕКСАНДРА ШИЛОВА

В центре Москвы, на Кузнецком мосту, в Доме художника, состоялась выставка произведений народного художника РСФСР Александра Шилова. На ней было представлено более ста живописных работ и около пятидесяти рисунков. Посетители с интересом знакомились с картинами живописца, среди которых экспонировалось не менее половины новых, созданных за последние три года. Это портреты академика Н. Н. Семенова, летчика-космонавта СССР В. В. Рюмина, народного артиста СССР режиссера С. Ф. Бондарчука, академика АМН М. И. Кузина, военного летчика И. Ф. Рубцова, а также «Портрет дочери», «Непобедимый», «Вдвоем», «Татьяна», «Капитолина Ивановна» и многие другие.

Портреты, пейзажи, натюрморты живописца Александра Шилова носят на себе ясный отпечаток высказанного им эстетического кредо: «Время на жизнь отпущено короткое,— надо выбрать свой путь и идти по нему не виляя. Я считаю, что всякая вещь должна быть законченной, да так, чтобы зритель не замечал следов работы. И чтобы ему не надо было объяснять картину».

Автор предисловия к каталогу выставки Дмитрий Жуков пишет: «Прошло всего десять лет с тех пор, как Шилов окончил Суриковский институт. Это были годы труда, признания, побед. И я верю, что это даже не середина, а все еще начало пути. И что художник образно расскажет еще многое о народе-творце, его красоте, великодушии, душевности».



В залах выставки.

Фото И. Гаврилова

Анатолий РУБИНОВ

ЗАЩИТИТЕ ПЕШЕХОДА

Нет места коварнее, чем тротуар. В Москве с этой безопасной части улицы только за один короткий зимний денек машины «Скорой помощи» доставили в больницу 170 пострадавших пешеходов. «Боевые потери» были, конечно, гораздо больше: падения на льду с ушибами в счет не шли. Замечу, что в этот невезучий день — с гололедицей не только на тротуарах — в тот же институт имени Склифосовского не доставили ни одного пациента, повредившего себя на проезжей части дороги...

Теперь не верится, что было время, когда городская улица почти не имела правил. Повозки и автомобили мчались, как им угодно, перегоняли друг друга справа и слева, становились поперек пути. Тогда водители, извозчики соскакивали со своих мест и, ругаясь, шли стеной против виновника «пробки». Когда в двадцатые годы на одном из перекрестков нынешней Пушкинской улицы установили первый светофор, бывалые пешеходы высокомерно посмеивались над клеткой с разноцветными огоньками и были уверены, что это чье-то чудачество и что оно долго не проживет.

А тротуар уже тогда имел целый кодекс законов! Особенно зимний: его было необходимо к восьми утра очистить «под скребок», начинать убирать с первых минут снегопада, а в течение дня «по необходимости» посыпать песком. За работой дворников следила милиция. Каждый день в шесть вечера собирала их, нерадивых предупреждала и даже штрафовала. Никто не имел возможности лишить пешеходов тротуара, огородив его забором. Конечно, и тогда ремонтировали и строили, хотя и не так много, как сейчас, но на забор, стесняющий волю пешеходов, надо было получить временное разрешение. Он подлежал обязательному сносу в определенный день. И десятники, прорабы, боясь неотвратимого наказания, изо всех сил старались уложиться в отведенное время.

Сейчас тротуар остался без законов, он не имеет хозяина.

Иные дорожки для пешеходов подчиняются только погоде: будет оттепель — растает снег; станет тепло — растает и лед. Прошлой зимой в январе непроходим был временами даже Невский проспект в Ленинграде. Жаловались на опасные тротуары пешеходы Перми, Таллина, Вологды, Риги, Кирова, Горького — десятков городов. Интересно, хотя и непонятно почему: из малых городов жалоб приходит меньше — там дорожки расчищают, даже посыпают песком. А кто в больших городах видел дворника, посыпающего тротуар песком? Наверное, иногда видели только воровато озирающегося (или, напротив того, действующего в открытую, с окриком) человека, разбрасывающего пачку соли. И дворники теперь знают химию — свойство соли растапливать лед в любой мороз с помощью человеческих ног: бесконечный поток пешеходов перемешивает холодную соленую жижу, превращая снег в воду, а обувь — в решето.

Люди теперь вообще редко видят дворников, но не потому, что те стали заканчивать работу раньше, чем было прежде. Кое-где их заменили тротуароуборочные машины. Зимой польза от них сомнительная: снег действительно сгребают, но зато полируют лед, лежащий под ним, и тротуары становятся еще опаснее. Если бы милиция вздумала вновь провести отмененный ныне смотр дворницких сил, который когда-то был ежевечерним, обнаружились бы существенные изъяны в личном составе невидимой дворницкой армии. Дело в том, что некоторые из этих «бойцов» числятся на двух и трех участках сразу, исправно получают зарплату всюду, но не берут в руки ни лома, ни скребка ни одного раза за зиму. А некоторые поступают еще хитрее: берут на часок паспорта старушек, которые уже не выходят на улицу, и зачисляют их на трудную физическую работу. И — никакого совместительства! Один только расход на угощение старушек шоколадом. Если бы милиция и в самом деле разок устроила дворницкий развод, можно было бы сосчитать всех старушек — этих липово-шоколадных дворничих.

Милиция теперь не занимается безопасностью пешехода, пока он не вышел на перекресток, то есть не вступил во владения ГАИ, у которой есть и справедливые законы и хорошие правила, снижающие потери на дорогах. Кто же теперь опекает пешехода и тротуар? Может быть, административная инспекция? Возможно, она. Но сравнительно недавно одна из редакций послала сто жалоб пешеходов, из числа тех, кто пострадал на скользком тротуаре, и административная инспекция взмолилась: заберите, пожалуйста, письма, не губите — у нас инспекторов мало, ни ответить, ни проверить некому, не справимся мы.

Но за каждым из подобных писем не только физическое страдание, но и огромные государственные расходы. Преподавательница Свердловского юридического института Галина Ивановна П., живущая на улице Малышева, в двух шагах от своей работы, три года назад по вине плохо исполняющего свою работу дворника упала на тротуаре и попала в больницу. Расходы на ее лечение, оплата бюллетеня покрыли бы расходы по содержанию пяти дворников. Дорого обходится дворницкое нерадение! А сколько стоили выезды 170 машин «Скорой помощи» в невезучий короткий декабрьский день, о котором мы уже говорили: не только разъезды бригады — лечение в стационаре, оплата труда врача, сестер, медикаменты, а затем и больничные листки — не все сразу вышли на работу. Но самое печальное — некоторые из пострадавших на тротуаре стали инвалидами и вовсе ушли с работы.

Конечно, гололедица случается не каждый зимний день. Но заброшенный тротуар дорого стоит пешеходам и государству и в прекрасный летний день, если не соблюдать интересов прохожих. На каком тротуаре нет рытвин — следов рытья траншей! Копали канаву для прокладки телефонного кабеля или в поисках водопроводной течи и, если даже не забыли засыпать яму землей, то вряд ли позаботились о том, чтобы тут же, без промедлений закрыть ее асфальтом. Здесь и происходят несчастные случаи. В Астраханском переулке столицы в результате такого ремонта коллекторный колодец оказался углубленным на полметра. Сколько людей пострадали от этой безупречно круглой ямы! Виновного не искали — одни страдали, другие лечили.

В Москве, в 1-м Коптельском переулке, забор для ремонта дома поставили посреди улицы. Одного тротуара не стало, на другой из-за тесноты, пугая людей, стали в спешке взбираться машины, а они, как известно, спешат всегда. Пешеходу места не осталось. В самом начале этого же переулка, где он выходит на Садовое кольцо, в прошлой пятилетке поставили забор для ремонта — то ли маленького домика, то ли подземных коммуникаций. Для этого уменьшили тротуар настолько, что двум пешеходам не разойтись и бочком. О ремонте забыли, забор пока не сгнил, а пешеходы все поминают недобрым словом никому не нужное препятствие. В опасной близости от машин, которым, как сказано уже, всегда некогда, они легко могут стать их жертвами. Виновных и тогда не будет, но пострадавшим помощь обеспечена: институт имени Склифосовского рядом.

Такого «удобства» нет у пешеходов Сущевского вала, расположенного на удалении от института скорой помощи. На этой магистрали находится мебельная фабрика. Много лет назад там задумали реконструкцию и без лишних церемоний отторгли у пешехода тротуар. Правда, сделали из досок узкий проход по мостовой. За десять лет настил несколько раз приходил в негодность, доски сгнивали, проваливались. Никому не подсчитать, сколько здесь было из-за этого с пешеходами маленьких и больших бед, сколько стоила починка «временного» тротуара.

Плохо, что нас мало заботит, скажем более — не тревожит экономика несчастий от нерадения. Разве не интересно знать, сколько Министерство здравоохранения тратит лишних денег из-за плохой работы некоторых подразделений Министерства жилищно-коммунального хозяйства? На грипп, инфаркты, рак управы пока нет, но травматизм-то на улице можно свести к минимуму. Забавно, что управление жилищного хозяйства одного из крупных городов решило улучшить свою работу простейшим путем: используя опыт пострадавших. Оно потребовало, чтобы станции «Скорой помощи» регистрировали места, где на тротуарах произошли несчастья, и немедленно сообщали коварные адреса жилищным работникам.

Любой тротуар в любом месте должен быть безопасен. Вряд ли мы добьемся этого простыми объяснениями того, как дорого обходится безделье дворников и беспечность жилищных организаций, к домам которых прилегают тротуары. Нужен хозяин тротуара, что-то вроде ГАИ!

Если тротуарный контролер окажется строгим и настойчивым, то и хозяин дороги не станет искать оправданий нерадения. Даже если у него будет самое уважительное объяснение — «убирать некому!»,— то он все равно найдет выход: потребует от Академии коммунального хозяйства имени К. Д. Памфилова, от Министерства жилищно-коммунального хозяйства создать, наконец, тротуароуборочную машину, которая не только сметает снег со льда, не только полирует его, а скалывает.

Пусть будет тротуарная инспекция, и необязательно в штате милиции — пусть уже существующая административная, но такая, которая не боится ста жалоб, которая умеет и готова постоять за интересы пешехода. Такая инспекция, чтобы боялись ее.

Но и инспекция не поможет, если не будет свода правил для тротуара. Положить в основу этих правил принцип: пешеход имеет безраздельные права на тротуар. Никто не смеет отбирать свободный проход, стеснять движение, делать его опасным. Почему бы республиканским министерствам жилищно-коммунального хозяйства, которые ведают тротуарами, не позаботиться об этом? А потом довести до сведения и пешеходов, чтобы они знали, на что имеют право. И до тех организаций и лиц, которые покушаются на это право.

Словом, пусть будет Положение о тротуаре, пешеход нуждается в защитнике своего владения.

СОРОКА-СТРЕКОТУХА

Николай **НЕДВИГИН** БАСНЯ

За красноречие с недавних пор
Доверили сороке птичий двор.
И стрекотуха славу обрела,
Хотя в хозяйстве рушились дела.

На птичьем слете, всем наперекор,
Сорока стрекотала на весь бор,
Метала цифрами при этом:
— Мы славно потрудились летом.

Построили жилья немало!
Соорудили ферму у канала.
Проложили три водопровода!
Выстроили баню за полгода.

По сдаче мяса, пуха и пера
Мы выполнили план позавчера!
Успехами мы отличились в зоне!
Завоевали первенство в районе!

Вся речь велась о трудовой отваге,
Хотя все было только на бумаге.

* * *

Таких сорок почаще проверять,
А лучше им постов не доверять!

Фразы



Все трудней дается учение и все легче — образование.

Став фигурой, многие начинают входить в тело.

А. АНИСЕНКО,
Кузнецк



Книга заставила его задуматься: а стоит ли читать ее дальше!

На некоторых книгах стоило бы указывать водоизмещение.

А. ЗИБОРОВ,
Душанбе

Львиная доля мяса доставалась дрессировщику.

Карьера подхалима: чтобы подняться наверх, надо низко пасть.

А. ПРОЗОРОВ,
Курск



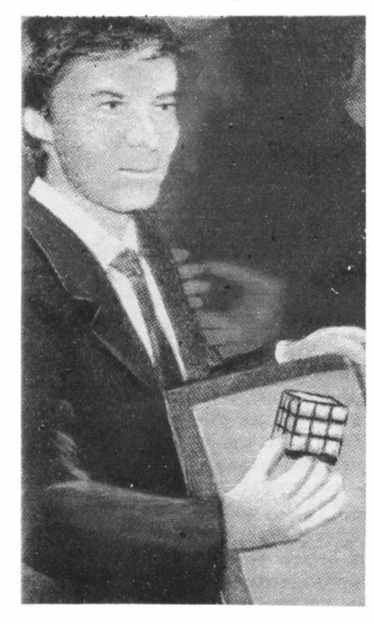
Из двух плодов обычно выбирают запретный.

Зарыл талант — не жди всходов.

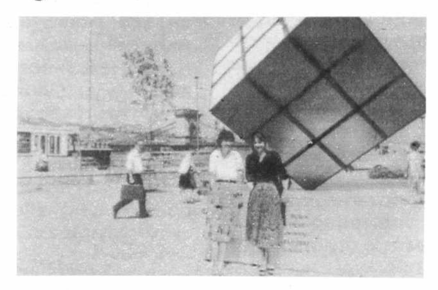
И умолчать можно лишнее.

Р. АЛЕКСАНДРОВ,
Ленинград

Еще о кубике Рубика...



Эрне Рубик.



Памятник в Будапеште.

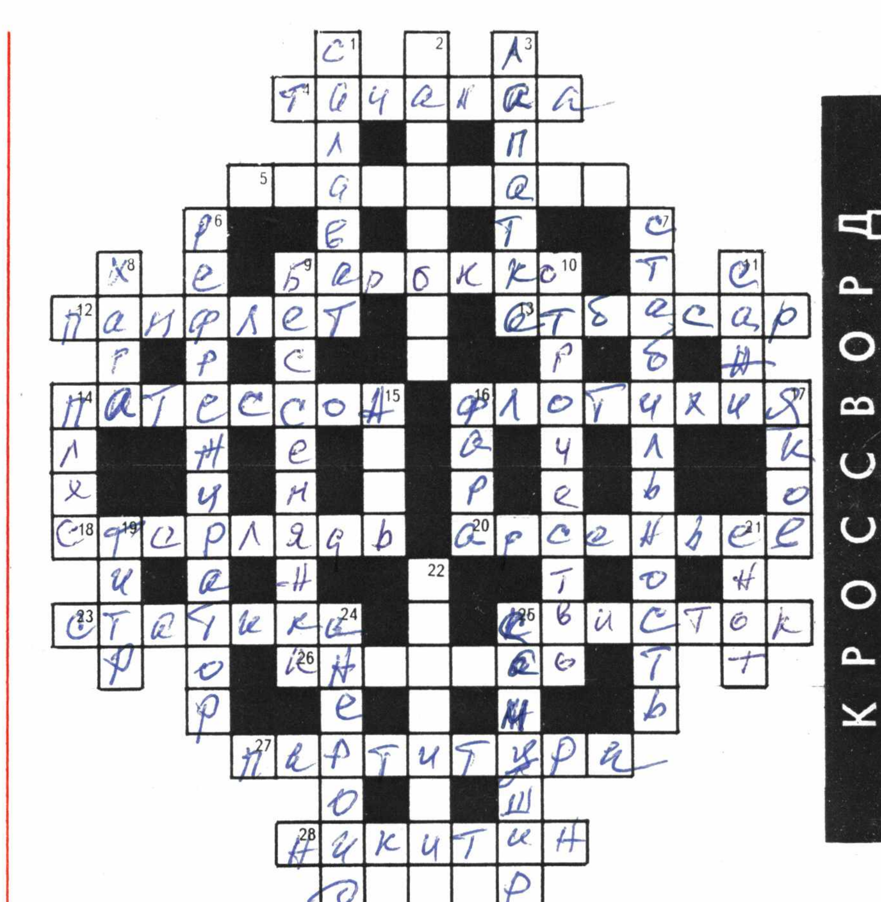


Один из способов решения головоломки.

Что и говорить, кубик Рубика стал сенсацией последней четверти XX века. Еще ни одна головоломка никогда не вызывала к себе столь массового интереса. И хотя венгерский архитектор и преподаватель Эрне Рубик создал еще несколько головоломок («Вавилонская башня», «Волшебная змея»), первенство кубика в популярности несомненно.

О кубике написаны монографии и научные труды, популярные брошюры и наставления. Ему построен памятник в Будапеште, а уж числу карикатур на тему увлечения этой головоломкой нет числа...

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Комсомольская песня первых лет революции. 5. Отрезок прямой, соединяющий две вершины многоугольника. 9. Стилевое направление в искусстве, архитектуре. 12. Сатирическое произведение, содержащее социально-политическое обличение. 13. Город в Целиноградской области. 14. Разновидность тыквы. 16. Оперативное объединение военных кораблей. 18. Ценная промысловая рыба. 20. Советский исследователь Дальнего Востока. 23. Раздел механики. 25. Сатирический отдел журнала «Современник», созданный Н. А. Добролюбовым. 26. Действующее лицо оперы В. А. Моцарта «Свадьба Фигаро». 27. Нотная запись многоголосного музыкального произведения. 28. Русский путешественник, автор записок «Хождение за три моря».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Город в Башкирии. 2. Советская спортсменка, неоднократная олимпийская чемпионка в фехтовании на рапирах. 3. Мыс, южная оконечность Камчатки. 6. Автомобиль, вагон, судно с холодильной установкой. 7. Устойчивость, прочность, неизменность. 8. Чилийский певец, автор и исполнитель революционных песен. 9. Русский сорт груши. 10. Повесть Л. Н. Толстого. 11. Зимний экипаж. 14. Глубокий участок русла реки. 15. Романс А. Г. Рубинштейна на слова А. С. Пушкина. 16. Электрический фонарь автомобиля. 17. Действующее лицо пьесы Л. Н. Толстого «Плоды просвещения». 19. Надпись в фильме. 21. Пушной зверек. 22. Русский живописец XIX века. 24. Металлический барометр. 25. Один из Курильских островов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Мерецков. 8. Бурундук. 9. Антананариву. 10. Орел. 11. Чапаевка. 15. Тигр. 16. Ветер. 17. Рута. 18. Хорда. 19. Вагон. 21. Айни. 22. Остап. 25. Этан. 26. «Светлана». 29. Инта. 30. Тактакишвили. 31. «Маскарад». 32. Нежданов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Дегтярев. 2. Гераклит. 3. Морава. 4. Кубрик. 5. Индуктор. 6. Гуррагча. 11. Чюрленис. 12. «Пуритане». 13. «Всадница». 14. Архипова. 19. Ватерпас. 20. Генетика. 23. Тринидад. 24. Петляков. 27. Ватман. 28. Неврев.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Заслуженная артистка Азербайджанской ССР Амалия Панахова. (См. в номере материал «Служение театру».) Фото Э. Эттингера

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Спектакль «Щелкунчик» в постановке заслуженной артистки РСФСР Н. Самсоновой показывают юные артисты детского театра на льду при автозаводе имени Ленинского комсомола. Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 09.01.84. Подписано к печати 24.01.84. А 00309. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 685 000 экз. Изд. № 259. Заказ № 1898.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

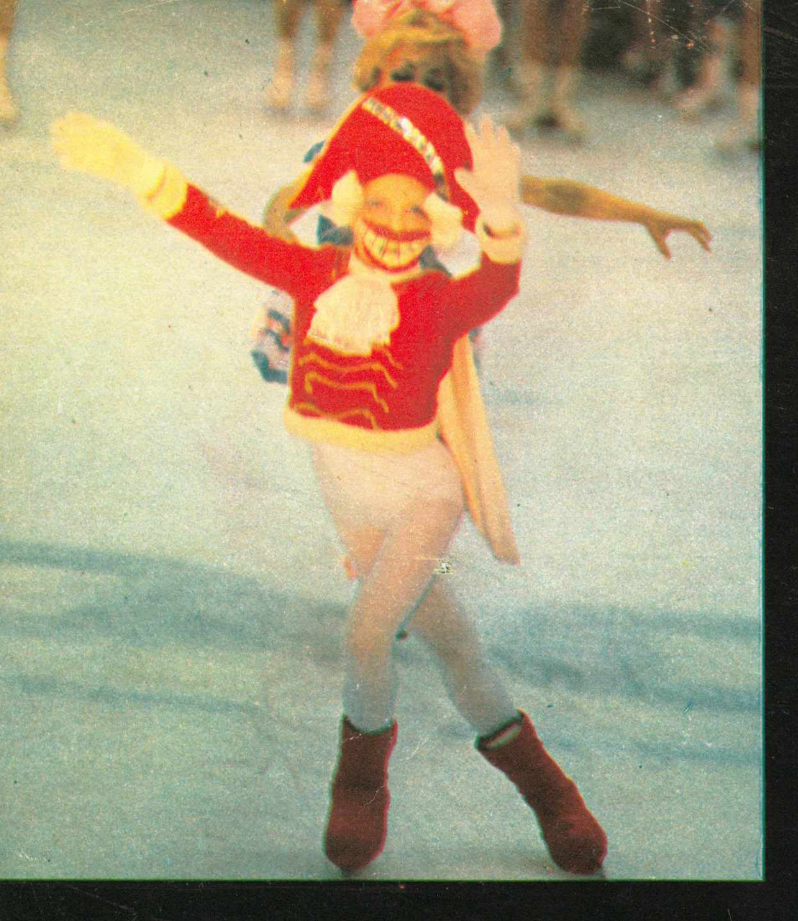
БЕЗ ТОРМОЗОВ

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

USA

НА ЭТОМ САМОМ ВИРАЖЕ
КОЙ-КТО ДОЕЗДИЛСЯ УЖЕ...

Рисунок М. АБРАМОВА и А. АНДРЕЕВА. Стихи С. МИХАЛКОВА

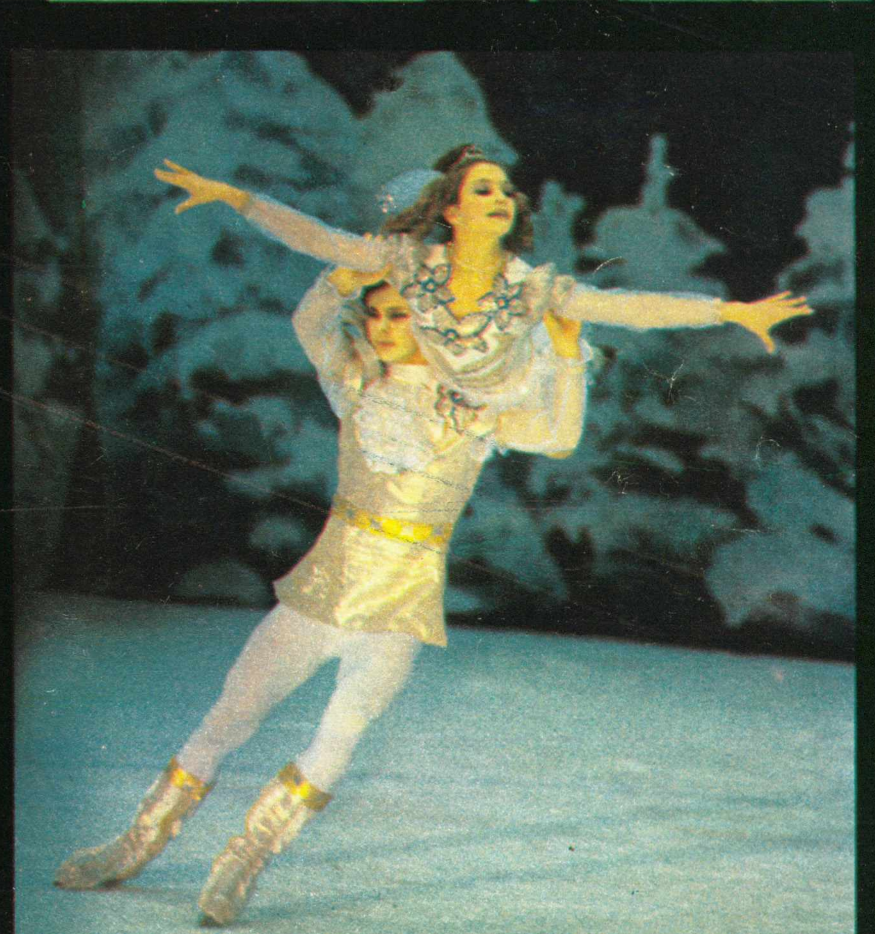




ISSN 0131—0097
Индекс 70463







Цена номера 40 коп.